

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2021 – 3 (321)

Научно-информационный бюллетень

Издаётся с 1992 года

**Москва
2021**

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт научной информации
по общественным наукам РАН»**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия

*В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант,
Е.Л. Дмитриева – главный редактор, А.В. Белинский – канд. полит.
наук, В.К. Белозёров – д-р полит. наук, О.П. Бибикова – канд. ист.
наук, первый зам главного редактора, Н.В. Гинесина – отв. за выпуск
на англ. яз., А.В. Гордон – д-р ист. наук, И.П. Добаев – д-р филос.
наук, канд. полит. наук, Ш.Р. Кашаф – магистр теологии,
Д.Б. Малышева – д-р полит. наук, А.В. Малащенко – д-р ист. наук,
А.Ш. Ниязи – канд. ист. наук, зам главного редактора, В.Н. Сченс-
нович – отв. секретарь*

**Россия и мусульманский мир : научно-информационный
 бюллетень / ИНИОН РАН, Центр науч.-информ. исслед. глобаль-
 ных и региональных проблем. – Москва, 2021. – № 3 (321). – 124 с.**

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.00

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Черевков О.С.</i> Проблематика противодействия религиозно-политической идеологии исламизма в контексте обеспечения национальной безопасности России.....	5
<i>Сченснович В.Н.</i> Миграционная политика в современной России. (Аналитический обзор).....	19

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Аккиева С.И.</i> Конфликтогенные факторы социально-политических процессов в Кабардино-Балкарии....	36
<i>Абдуллагатов З.М.</i> Экстремальности религиозного сознания в системе исламского образования Республики Дагестан. (Окончание)	48
2021.03.001. <i>Сченснович В.Н.</i> Проблемы безопасности в Центральной Азии. (Сводный реферат).....	63
2021.03.002. <i>Алиева А.О.</i> Вызовы и проблемы реализации «Экономического Пояса Шёлкового Пути» в Центральной Азии. (Сводный реферат).....	72

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Кириченко В.П.</i> Положение шиитского населения Бахрейна после событий «арабской весны» 2011 г.	79
<i>Куклин Н.С.</i> Исламский вектор во внешней и внутренней политике Индонезии: историческая ретроспектива. (Статья первая).....	88
<i>Белинский А.В.</i> «Игра престолов». Ливанские кланы и государство в ФРГ	103

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

2021.03.003. <i>Дмитриева Е.Л.</i> Исламский мир в условиях пандемии коронавируса. (Сводный реферат)	115
---	-----

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Черевков О.С.*

ПРОБЛЕМАТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ИСЛАМИЗМА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.01

Аннотация. Начиная с 80-х годов XX в. на территорию России под внешним влиянием стала активно проникать деструктивная религиозно-политическая идеология исламизма. Его адепты расширяли и укрепляли свое влияние, используя поддержку извне и активно применяя экстремистские и террористические методы достижения власти под прикрытием приверженности мусульманскому вероучению. При этом исламизм проявляет высокую степень адаптации к используемым против него методам противодействия. В этой связи представляется актуальным обратить внимание на те области, в которых противодействие исламизму в России совершенствуется, и на то, какими путями этого возможно достичь.

Ключевые слова: ваххабизм; ислам; исламизм; фундаментализм; экстремизм; терроризм; идеология.

Исламизм – религиозно-политический идеологический комплекс, целью которого является кардинальное, революционное переустройство общественных отношений на базе отдельных положений исламской религии и под ее прикрытием. Эти

* Черевков О.С., эксперт Центра региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

© Черевков О.С., 2021

преобразования достигаются, главным образом, путем насилия, как физического (убийства, разбой, нелегальные виды бизнеса, террор и т.п.), так и психологического (пропаганда, запугивание, вербовка новых последователей и т.п.). Данная идеология, в относительно современном своем виде зародившаяся на Ближнем Востоке в 30-х годах XX в., на сегодняшний день является настоящим бичом общественной безопасности не только в преимущественно мусульманских странах, но и в тех частях мира, где мусульмане никогда не составляли абсолютного большинства – Северной Америке, Европе, России, странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Доступность современных средств коммуникации, открытость информационного пространства и наличие определенных материальных и духовных ресурсов позволяют адептам исламизма достигать своих целей быстро и эффективно, адаптироваться под местные условия, находить свою целевую аудиторию. И хотя благодаря средствам массовой информации обычай может показаться, что мировое сообщество активно противостоит радикалам, на самом деле наблюдается дисбаланс в методах этого противодействия: силовые, контртеррористические методы явно превалируют, в то время как антитеррористические методы, направленные на профилактику экстремизма, всё еще оставляют желать лучшего, что обуславливает актуальность изучения проблематики противодействия исламизму и поиск наиболее эффективного инструментария для этого противодействия.

Россия – один из оплотов борьбы против религиозно-политической идеологии исламизма. На протяжении многих лет она ведет борьбу с этим пагубным явлением. Одной из арен противостояния является регион Юга России, что обусловлено целым рядом факторов: географическим, культурным, цивилизационным, экономическим и т.д. Поиск нужных инструментов для противодействия идеологии исламизма невозможен без глубокого понимания того, при каких обстоятельствах данная система взглядов и суждений проникла в нашу страну, проникла на Юг России, в каких условиях она развивалась в ней, как адаптировалась. Поэтому в рамках данной статьи имеет смысл обратиться к историко-политологическому подходу и рассмотреть сквозь его призму события недавнего прошлого.

Проникновение деструктивной религиозно-политической идеологии исламизма, или, как она иногда упоминается в российской научной литературе и журналистике, «ваххабитской» идеологии, в нашу страну приходится на конец 80-х годов XX в. История

появления этого идеологического комплекса напрямую связана с системным кризисом центральной власти в СССР и России, ослаблением идеологического контроля, возникновением идеологического вакуума в обществе, что особенно серьезно затронуло молодежь. Либерализация выезда за границу привела к тому, что в преимущественно мусульманских республиках Юга России появилась достаточно большая прослойка молодых алимов, которые получили духовное образование в странах Ближнего Востока и за воевали определенный авторитет среди сторонников радикальных преобразований и сепаратистов.

Именно в этот период среди верующих мусульман Советского Союза началось распространение идей исламского фундаментализма и радикализма. Сторонники так называемого «чистого ислама» выделялись в общей массе мусульманской уммы СССР решительным отвержением атеизма, восприятием социалистического общества как общества «бездожного», а также противопоставлением себя официальным Духовным управлениям мусульман и критическим отношением к так называемому «народному исламу», принятому среди мусульманского населения Союза. Исламисты разной степени радикальности постепенно увеличивали интенсивность своей деятельности в крупнейших городах страны, а также были замечены в Татарстане и Башкирии. Однако в 1990-е годы именно Юг России стал тем регионом, где столкновение между сторонниками «чистого ислама» и людьми, поддерживавшими локальный «традиционный» ислам с вкраплениями горских обычай, стало наиболее острым (*Кудрявцев, 2000*). Рост числа так называемых «ваххабитов» совпал с перестройкой и общим повышением интереса к исламу и религии в целом во всех слоях советского общества.

Исследователь Р.А. Силантьев отмечает такую особенность адептов исламизма, которая сразу проявила себя в самом начале их существования на Юге России, как неспособность и нежелание терпеть рядом с собой представителей других религиозных и философских течений, выражавшихся в проявлении крайней агрессии и насилии (*Силантьев, 2007*). В. Халидов отмечает, что «центральное место в идейной платформе сторонников исламизма занимает концепция непризнания любой власти, отходящей от предписаний шариата» (*Халидов, 2012*).

Духовными и материальными центрами исламизма в тот период стали Дагестан и Чечня. Появление провозвестников новой идеологии отмечают в своих работах шейх Саид Афанди Чиркей-

ский (*Аль-Чиркави, 2003. С. 99*), исламоведы М.В. Вагабов (*Вагабов, 1999*), В.О. Бобровников (*Бобровников, 2001. С. 82*). В.Х. Акаев отмечает, что еще в 1989 г. в официальных СМИ печатались статьи экстремистского характера, прославлявшие исламизм и критиковавшие устоявшиеся на Юге России мусульманские практики; фиксирует качественную подготовку исламистских проповедников и неспособность местных органов правопорядка и идеологического контроля справиться с приобретающей популярность идеологией (*Акаев, 2003*).

В то же время, на волне подъема политической деятельности верующих и религиозных объединений в целом активизировались и мусульманские организации, ставившие своей целью «очищение» ислама и установление нового типа социальных отношений, основанного на положениях ислама (*Ермаков, 1994*). Из рядов этих организаций, образованных, в основном, пришедшими извне проповедниками, «помощниками» из стран Ближнего Востока, Судана, Пакистана, Афганистана, вышли многие, ставшие впоследствии известными, «доморощенные» идеологи.

Чем слабее становилось Российское государство, тем более мощные позиции занимали исламисты. Установление контроля над большей частью бывшей Чечено-Ингушской АССР в период с 1991 по 1993 г. позволило им расширить свою социальную и экономическую базу, сформировать альянс с этнонационалистами, привлечь на свою сторону некоторых религиозных деятелей, ранее относившихся к официальным структурам духовного управления. Например, когда в декабре 1994 г. в Чеченскую Республику были введены федеральные войска, «газават» Москве объявил муфтий Х. Алсабеков – бывший наиб-имам Алма-Атинской мечети и наиб-муфтий Казахстана, прошедший обучение в Сирии и Пакистане. Он, а также многие подобные ему относились к молодому поколению алимов, которые подверглись влиянию радикальных фундаменталистов от ислама. В дальнейшем сепаратисты все чаще обращались к исламизму, после 1996 г., когда Чечня на некоторое время получила де-факто независимость. На ее территории под лозунгами «шариатизации» исламисты уничтожали представителей «старого» духовенства, учителей, бывших сотрудников правоохранительных органов и вообще всех, кто мог ими быть расценен как инакомыслящий. Исламисты не просто вошли в «правительство», они составляли в нем подавляющее большинство и желали расширения сферы своего влияния.

Тем временем в Дагестане распространением религиозно-политической идеологии исламизма занимался Б.М. Кебедов, создавший в ряде населенных пунктов Дагестана неподотчетные официальным органам духовного управления религиозные образовательные учреждения, в которых изучался «чистый ислам». В одной из таких школ, расположенной в Кизил-Юрте, обучались молодые люди со всех мусульманских регионов Юга России, их число достигало 700 человек (*Ханбабаев, 2001. С. 105*). Начав в духе их далеких провозвестников, египетских «Братьев-мусульман», с благотворительной и просветительской деятельности, исламисты в Дагестане быстро перешли к организационному строительству, созданию необходимой инфраструктуры, психологической и военной подготовке последователей. В этом им серьезно помогли нищета, безработица и отсутствие уверенности в завтрашнем дне, которые беспокоили в те дни подавляющее большинство населения не только республики, но и всей страны. Стала явной тенденция к провоцированию конфликта с приверженцами «традиционного» ислама, что выразилось, например, в организации несанкционированных митингов и беспорядков в Махачкале, Буйнакске, Хасавюрте, осквернении мечетей, изгнании имамов-«традиционистов». Для того чтобы вовлечь в свои ряды новых адептов, в массовом порядке издавалась литература религиозных фундаменталистов. Книги не только ввозились из-за рубежа, но и печатались прямо на территории России, причем большими (до 100 тыс. экземпляров) тиражами (*Ханбабаев, 2001. С. 105*). Особое внимание экстремисты уделяли созданию собственных ячеек и приданию своей деятельности легитимного статуса, о чем пишет И.П. Добаев: «После завершения чеченских событий 1994–1996 гг. Б. Кебедов активно организовывал ваххабитские ячейки – «исламские общества» («джамааты») на территории Дагестана. На их основе в середине 1997 г. создается общественно-политическая организация “Исламское общество Дагестана”, официально зарегистрированное в Министерстве юстиции Республики Дагестан» (*Добаев, 2001*).

Несмотря на то, что в Дагестане региональные власти пытались оказывать давление на последователей исламизма, позиции последних продолжали усиливаться. Одна из причин тому – чудовищная по своим масштабам коррупция. Руководители разных уровней, чиновники федеральных и региональных ведомств приватизировали наиболее доходные отрасли экономики и социальной сферы. В обществе царила социальная несправедливость: рядовые граждане не могли найти работу, сельская и городская молодежь

всё чаще уходила в криминальные структуры. Ухудшавшаяся социально-экономическая ситуация способствовала культурному и идейному разброду, что, в свою очередь, содействовало значительному распространению идеологии исламизма в Республике Дагестан, в том числе и при мощной поддержке иностранных проповедников и религиозных организаций.

Деятельность исламистов в Дагестане и Чечне очень быстро приобретала агрессивный характер. Лидеры радикалов не скрывали своих планов по объединению всех мусульманских республик Юга России под знаменем «чистого ислама». Период 1998–1999 гг. стал апофеозом экспансионистских планов экстремистов и связан с образованием так называемой «Кадарской зоны» и вторжением боевиков в Дагестан. Лишь благодаря некоторой стабилизации социально-политической ситуации в стране, активизации взаимодействия федеральных и региональных органов власти и охраны правопорядка удалось отразить наступление исламистов. В дальнейшем, уже в ходе боевых действий на территории Чечни, федеральные власти применили тактику «чеченизации» конфликта, в некотором смысле постепенно отделяя его в общественном сознании от конфликтов в других частях света с участием радикалов. Чем стабильнее становилось экономическое положение населения, чем устойчивее вела себя власть, чем справедливее и жестче обеспечивалось соблюдение законности, тем больше слабели позиции экстремистов. Это выразилось, например, в переходе от полномасштабных боевых действий к партизанским (около 2005 г.); изменении структур управления бандитскими группами и удалении последних этнонационалистических элементов из локального идеологического комплекса северокавказского исламизма (2007); подпадании под более плотный контроль международных исламистских организаций (2012–2015). Сочетание эффективных контртеррористических (силовых) мероприятий, а также образование крупного очага напряженности в Сирии и отток большей части исламистов с Юга России позволили некоторым политикам и средствам массовой информации говорить о «разгроме террористического подполья на Северном Кавказе» (*Regnum*, 2016). Проблема противостояния исламизму несколько утратила резонанс и уже не находится в эпицентре внимания средств массовой информации, как это было еще несколько лет назад.

Однако, обращаясь к данным о количестве зарегистрированных преступлений террористической направленности в Российской Федерации, мы увидим, что их число существенно выросло:

в 2012 г. было зарегистрировано 637 подобных преступлений, в 2013 г. – 661, в 2014 – уже 1128, в 2015 – 1538, в 2016 – 2227, в 2017 – 1871, в 2018 – 1679, в 2019 – 1806. За период с января по октябрь 2020 г. зарегистрировано 1990 преступлений террористической направленности (*Генпрокуратура РФ, 2020*), что гораздо выше показателя предыдущего аналогичного периода. Уже лишь эти данные опровергают тезис о том, что исламизм в нашей стране разгромлен и потерял свое влияние: напротив, он никуда не делился, а активность радикалов – возрастила.

Проблема противодействия исламистским радикалам усугубляется тем, что, несмотря на то что структуры «ИГ» (запрещенной в России террористической организации) были вытеснены в периферийные районы Сирии и Ирака, организации удалось в значительной степени сохранить свой финансово-экономический и организационный потенциал. По данным журнала *The Economist*, данная террористическая организация осуществила вывод крупного объема денежных средств из указанных выше государств, составлявший порядка 400 млн долл. США. При этом подавляющее большинство объемов этих средств было размещено в Турции, Ливане, европейских странах и монархиях Персидского залива (*Арчаков, 2016*). Тактика и стратегия действий экстремистов претерпели существенные изменения: если ранее религиозно-политические радикалы стремились к созданию единого пространства, «халифата», который бы очагами войн протянулся от Иберийского полуострова до Восточного Туркестана и островов в Тихом океане, то теперь речь идет о действиях глубоко законспирированных групп, действующих, по большей части, автономно, применяющих тактику точечных нападений и диверсий. Так называемые «спящие ячейки» исламистов действуют на территории более 60 государств мира, и Россия – не исключение (*Хонерская, 2018; ТАСС, 2018*). По сути своей, идет возврат к усовершенствованной концепции «мятежевой войны», сформированной еще в 1960-е годы военным теоретиком русского зарубежья Месснером Е.Э., который в своей работе писал: «Воевание повстанцами, диверсантами, террористами, саботажниками, пропагандистами примет в будущем огромные размеры...» (*Месснер, 1960*).

Радикалы, наверняка не без помощи своих кураторов, смогли сохранить высший руководящий состав и организационную структуру. Основу руководителей автономных «джамаатов» составляют люди, получившие колоссальный опыт организации подпольного сопротивления на Ближнем Востоке, которые возвращаются в

страны своего происхождения, – это около 30% от всех принимавших участие в боевых действиях на стороне исламистов (*Ковалев, 2019*). К тому же, это люди, глубоко убежденные в своей правоте, правильности того, что они делают, и которые могут идеологически и психологически влиять на последователей и сочувствующих. Подобное идеологическое воздействие является краеугольным камнем в применении тактики «террора одиночек», характерными чертами которого являются низкие затраты и зачастую формальная непринадлежность самого террориста к структурам «джамаата». Здесь надо отметить, что тезис о применении такого типа террора не нов: к нему призывал в свое время один из лидеров «Аль-Каиды» (запрещенной в России террористической организации) Айман аз-Завахири. Суть подобного рода стратегии заключается в том, что лица, которые могут быть изначально не аффилированы с исламистскими организациями, но которые разделяют религиозно-политические экстремистские взгляды, должны самостоятельно и без существенной поддержки со стороны исламистских организаций (за исключением идеологической) совершать террористические действия, а организации, в свою очередь, должны брать ответственность на себя за их проведение по факту (*Андрюхин, 2018*). Примеров подобных акций по состоянию на 2020 г. уже много: 2 февраля – нападение с применением холодного оружия в Лондоне (*Российская газета, 2020*); 16 октября – громкое убийство учителя Самюэля Пати в Париже (*Вести, 2020*); 29 октября – массовое убийство в Ницце в католической базилике Нотр-Дам (*Газета.RU, 2020*); 2 ноября – террористический акт в Вене (*Российская газета, 2020*).

В России также создалась напряженная ситуация: Федеральная служба безопасности в течение года заявила о предотвращении более 20 террористических актов, география которых охватывает Москву, Санкт-Петербург, Башкортостан, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Ханты-Мансийский АО, Красноярск, Мурманск, Астрахань, Ростовскую область, Чувашию, Тверскую область, Ставропольский край и др. (*РИА, 2020*). Важно отметить, что среди несостоявшихся исполнителей терактов в России выделяются две категории: первая – выходцы из Центральной Азии, вторая – из мусульманских республик Юга России. Они, как правило, возвратились из зоны боевых действий на Ближнем Востоке и разместились, главным образом, в крупных экономических центрах регионов, что отличает нынешний тип исламистского подполья от существовавшего еще в начале 2010-х годов («лесная умма»).

В контексте нашей статьи особое внимание хотелось бы уделять именно Югу России, где всё еще – по старой и недоброей традиции – сильны позиции исламистов. Особое внимание вновь на себя обращает Дагестан, где «ваххабиты», как в 90-е годы, жестко конкурируют с представителями официальных духовных органов за мировоззрение, в первую очередь, молодежи. Несмотря на громкие заявления отдельных представителей региональных властей, Дагестан остается территорией, где экстремистская деятельность имеет систематический, а не эпизодический характер. При этом Дагестан превращается в один из центров координации религиозно-политического экстремизма по всей России. По мнению ряда специалистов, пока в регионе будут сильны позиции «ваххабитов», угроза остальной территории страны также будет оставаться высокой, поскольку «человек, исповедующий ваххабитскую идеологию, является потенциальным рекрутом, он и есть “спящая ячейка”» (*Накануне, 2018*).

Исламистам удалось сохранить свое присутствие в информационном поле, где всё еще продолжают действовать многоязычные современные СМИ – информационные агентства с обученными специалистами, телеканалы, сетевой журнал, сообщества и информационные каналы в социальных сетях, особенно Telegram, которые регулярно выпускают материалы достаточно высокого качества исполнения (*Ставропольская правда, 2018*).

Ввиду всего вышесказанного, хотелось бы, не отрицая успехов российских сил охраны правопорядка за последние годы, обратить внимание на дисбаланс между контртеррористическим (силовым, направленным на ликвидацию уже существующих исламистских ячеек) и антитеррористическим (информационно-идеологическим, профилактическим, направленным на уничтожение влияния деструктивной идеологии) противодействием. В Российской Федерации в конце 2018 г. был принят «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы», среди целей которого были следующие положения: повышение эффективности профилактической работы с лицами, подверженными воздействию идеологии терроризма, а также поддавшимися под ее влияние; реализация мер по формированию у населения Российской Федерации антитеррористического сознания; совершенствование мер информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма; развитие организационных и иных мер, направленных на повышение результативности деятельности субъектов противодействия терроризму (Национальный

антитеррористический комитет, 2018). За 2019 г. в плане антитеррористической деятельности российские спецслужбы достигли следующих результатов: заблокированы финансовые активы более 2 тыс. лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности; проведено более 12 тыс. адресных профилактических мероприятий с лицами, подверженными воздействию террористической пропаганды, около 14 тыс. мероприятий с лицами, отбывающими наказание за совершение преступлений, около 35 тыс. мероприятий с трудовыми мигрантами (*Rambler*, 2019). Однако угроза религиозно-политического экстремизма никуда не уходит, потому что нет четкой и простой системы идей, своего рода «плана жизненных действий», который бы можно было противопоставить такому мощному идеологическому комплексу, как исламизм, который был по самым слабым точкам этой идеологии: о несостоятельности «чистоты» ислама, который проповедуют радикалы (*Добаев, 2020*); о тупиковости и ретроградности системы социальных взаимоотношений, которую хотят выстроить исламисты и т.д. Не уделяется достаточно внимания именно идеологической повестке, а если оно уделяется, то не совсем верно определяется целевая аудитория.

Для понимания возможных путей борьбы с идеологией исламизма имеет смысл изучить определенный зарубежный опыт. Исследованию проблематики противодействия идеологии радикального ислама посвящен ряд работ известного исламоведа И.П. Добаева (*Добаев, 2011, 2014, 2015, 2020, 2021*). Так, отмечается приоритет разоблачительной деятельности в отношении исламистских лидеров и организаций при разработке методов идеологического противодействия в Соединенных Штатах Америки. Причем в этой деятельности активно задействованы крупные специалисты в этой области, научные центры и институты; регулярно проводятся совместные экспертные мероприятия при участии сотрудников спецслужб и лиц, пользующихся авторитетом в мусульманской среде.

Важно отметить, что американская внешняя политика зачастую направлена на поддержку «умеренных» исламистов, готовых идти на сделку с США и их союзниками, таким образом реализуется принцип «разделяй и властвуй». Делается упор на ликвидацию исламизма руками последователей ислама (*Cohen, 2001*). Финансируются и тщательно организовываются визиты симпатизирующих исламистам религиозно-политических деятелей в США, где они контактируют исключительно с представителями традиционных направлений религии, максимум – с некоторыми умеренными реформистами. Амери-

канцы последовательно ведут политику по пресечению насилия в отношении ряда социальных и религиозных групп в мусульманских странах, подчеркивая, что те, кто совершают подобные действия, становятся в один ряд с исламистскими радикалами; активно поддерживают локальные и региональные СМИ, которые критикуют религиозно-политический экстремизм, изображают образ жизни на Западе и капиталистическую систему в положительном ключе (*Добаев, 2015*).

Реализация качественного идеологического противодействия требует использования современных социальных и информационно-коммуникационных технологий. Так, объединяющую США и ряд их союзников (Великобританию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию) систему радиоэлектронной борьбы «Эшелон» после событий 2001 г. в значительной степени ориентировали на обеспечение антитеррористической деятельности. В систему входят лучшие технические, программные решения, предназначенные для перехвата и анализа информации. Система в состоянии распознать любой язык, который есть в ее базе, и если будут обнаружены ключевые слова, то можно считать, что указанный объект попадет под присмотр спецслужб (*Бочарников, 2013*). По мнению исследователей И.В. Бочарникова и С.С. Гончарова, своего рода аналогом такой системы в России мог бы стать «пакет Яровой», но желание государства сэкономить привело к тому, что техническая составляющая реализуется операторами мобильной связи, которые являются субъектами экономических отношений, для них обеспечение государственной безопасности стоит уже после получения прибыли (*Бочарников, 2019*).

Следует обратить внимание и на другой вектор американской антитеррористической стратегии. Еще в 2015 г., наблюдая за «обратной миграцией» исламистов из Сирии и Ирака на родину, в страны Центральной Азии, Соединенные Штаты приняли «Стратегию по борьбе с экстремистскими идеями», объектом которой стало население государств указанного региона, а одной из главных целей – борьба с террористической угрозой и идеологией исламизма. Затем была принята новая редакция стратегии, которая охватывает период с 2019 по 2025 г. В отчете Государственного департамента США говорится о том, что США направили более 9 млрд долл. прямой помощи странам, выделили более 50 млрд долл. через международные организации, американский капитал инвестировал более 31 млрд долл. в экономику стран Центральной Азии. Американские специализиро-

ванные средства массовой информации распространяют информационные материалы на языках народов Центральной Азии, которые посвящены исламистской угрозе (*U.S. Department of State, 2018*). При этом, возможно, следствием такой активной политики США в регионе является отток исламистов в Россию. Поэтому для Российского государства важно реализовывать программы, которые были бы схожи по своей сути с американской «Стратегией».

Не только такие крупные и богатые страны, как США, способны эффективно противостоять религиозно-политическому экстремизму. Например, опыт создания единого идеологического и информационного центра по противодействию исламизму есть у Алжира: посредством массированной контрпропаганды, сосредоточения внимания на отвергающих насилие и террор положениях Корана и Сунны и нелицеприятных фактах из истории «ваххабизма» лояльные властям религиозные деятели добились существенных успехов в исправлении ситуации, а также дискредитации исламистского движения в глазах молодежи (*Абдуллина, 2017*).

У нашей страны есть все основания для того, чтобы при помощи специалистов в области исламоведения, авторитетных религиозных деятелей вести более активную и успешную контрпропагандистскую работу, направленную на группы риска – мусульманскую молодежь России и прибывающих в нашу страну трудовых мигрантов из Центральной Азии. Необходимо осуществлять работу по адаптации и социализации не только в отношении приехавших в нашу страну, но и в определенных случаях – непосредственно и наших граждан, что позволит вывести их из категории «кузивимых» для исламистского влияния людей.

Важной представляется реализация действий, направленных на развенчание ореола мнимого «героизма» вокруг исламистов, дискредитацию глав «джамаатов» и деятелей больших исламистских организаций, в том числе и посредством киноискусства. Так, отличными примерами того, как нужно снимать качественную контрпропаганду, стали: британский мини-сериал «Государство» (*Кинопоиск, 2017*), шведский сериал «Халифат» (*Кинопоиск, 2020*), ближневосточный сериал «Черные вороны» (*Кинопоиск, 2017*).

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что число сторонников исламизма в мире в целом и России в частности, рост влияния этой религиозно-политической экстремистской идеологии, активизация ее членов говорят о том, что проблематика противодействия исламизму становится как никогда актуальной. Несмотря на то что Российская Федерация находится в авангарде

силового противостояния экстремистам, всё еще существуют обласи для совершенствования данной политики, в частности, в сфере идеологического противодействия. Для того чтобы реализовать эффективное сопротивление исламистской идеологии, необходимо осуществить ряд качественных и масштабных мероприятий, при разработке которых следует учесть международный опыт и понимать важность использования современных социальных и информационно-коммуникационных технологий.

Список литературы

1. Абдуллина Я.Б. Ослабление исламского фундаментализма в Алжире // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета. Сборник научных статей. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт социологических и политических наук, Департамент философии, кафедра религиоведения. – Екатеринбург, 2017. – С. 82–88.
2. Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе // Северо-Кавказский центр высшей школы, Чеченский государственный университет. – Грозный, 2003. 264 с.
3. Аль-Чиркави, Саид-Афанди. Сокровищница благодатных знаний. – М., 2003.
4. Андрюхин Н.Г., Смирнов А.А. Терроризм одиночек как современная форма террористической деятельности // Международная жизнь. – М., 2018. № 9. С. 91–109.
5. Арчаков М.К. Материально-техническое обеспечение исламских экстремистских организаций. // Чтения памяти профессора А.А. Сидоренко. – Благовещенск, 2016. № 3. – С. 12–20.
6. Бобровников В.О. Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): миф и реальность // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск.Центр Карнеги. – М., 2001.
7. Бочарников И.В. Информационное противодействие терроризму в современных условиях // Проблемы безопасности. – М., 2013. № 3 (21). С. 2–3.
8. Бочарников И.В., Гончаров С.С. «Спящие ячейки» террористического псевдохалифата «ИГ» в России: меры профилактики и противодействия // Наука. Общество. Оборона. – М.: 2019, Т. 7, № 4.
9. Вагабов М. Кто заинтересован в эскалации войны // НГ – Религии. 1999. 1 сентября.
10. Вести (2020). Исламист жестоко убил французского учителя из-за карикатур на пророка Мухаммеда. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2473331>
11. Газета.ру (2020). Трое погибших, обезглавлена женщина: в Ницце произошел теракт. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/29/13338271.shtml>
12. Генеральная прокуратура Российской Федерации (2020). Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map

13. Добаев И.П. К вопросу о религиозной чистоте «истинного ислама» // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 3. С. 202–215.
14. Добаев И.П. Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д., 2001. № 3. С. 56–67.
15. Добаев И.П. Противодействие новому терроризму в идеологической сфере: зарубежный опыт // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – Ростов н/Д, 2015. № 3. С. 87–90.
16. Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. Москва; Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания. 2014. 332 с.
17. Добаев И.П., Добаев А.И. Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. – Ростов н/Д.: Издательство ЮФУ, 2011. 200 с.
18. Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2015. 370 с.
19. Ермаков И., Микульский Д. Ислам в России и Средней Азии. – М., 1994.
20. Кинопоиск (2017). Страница мини-сериала «Государство». Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/1046886/>
21. Кинопоиск (2017). Страница сериала «Черные вороны». Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/1048714/>
22. Кинопоиск (2020). Страница сериала «Халифат». Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/series/1331193/>
23. Ковалев А.А. Актуальные проблемы национальной безопасности России: теоретические и практические аспекты / под общей редакцией В.А. Шамахова – СПб.: Издательство Коновалова А.М., 2019.
24. Кудрявцев А.В. (2000). Ваххабизм: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе. Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/14.Kudriav.shtml>
25. Месснер Е.Э. Мятеж – имя третьей всемирной. – Буэнос-Айрес, 1960.
26. Накануне (2018). Православные храмы оказались в зоне риска. Режим доступа: <https://www.nakanune.ru/articles/113711/>
27. Национальный антитеррористический комитет России (2018). Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы. Режим доступа: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html>
28. Рамблер (2019). Глава ФСБ подвел итоги антитеррористической работы в 2019 г. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/43337054-glava-fsb-podvel-itogi-antiterroristicheskij-raboty-za-2019-god/>
29. Регnum (2017). Ликвидация в Дагестане Рустама Асильдерова – крупный успех силовиков. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2213731.html>
30. РИА (2020). Случаи предотвращения терактов в России в 2020 году. Режим доступа: <https://ria.ru/20201015/terakty-1579936608.html>
31. Российская газета (2020). В Лондоне произошел очередной теракт с применением холодного оружия. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/02/02/v-londone-proizoshel-ocherednoj-terakt-s-primeneniem-holodnogo-oruzhiiia.html>
32. Российская газета (2020). В центре Вены у синагоги произошла стрельба. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/11/02/v-centre-veny-u-sinagogi-proizoshla-strelba.html>

33. Силантьев Р.А. (2007). Россия ваххабитская. Режим доступа: <http://www.gazetanv.ru/article/?id=833>
34. Ставропольская правда (2018). Из выступления Патрушева Н.П. в ходе выездного совещания в Черкесске 11.04.2018 г. Террористы рвутся на Кавказ. Режим доступа: https://yandex.ru/turbo/stapravda.ru/s/20180413/terroristy_rvutsya_na_kavkaz_119517.html
35. ТАСС (2018). АТЦ СНГ: «спящие ячейки» террористов существуют во многих странах. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/5736238> (дата обращения: 04.12.2020).
36. Халидов В. (2012). Возможен ли диалог с «лесной уммой»? Режим доступа: http://islamio.ru/news/society/vozmozen_li_dialog_s_lesnoy_ummoy_/
37. Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимы и ученые против ваххабизма. – Махачкала, 2001.
38. Хонёрская Л.Л. «Исламское государство 2.0»: нарастающая угроза на евразийском пространстве // Caucasian Science Bridge. 2018.1 (1). С. 51–64.
39. Cohen A. Hizbut-Taqhrir. An Emerging Treat to U.S. Interests in Central Asia // The Heritage Foundation. 2003. 30 May.
40. U.S. Department of State (2018). United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). Available at: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/>

Сченснович В.Н.*
МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.02

Аннотация. В обзоре анализируются наиболее существенные черты государственной миграционной политики современной России. Акцентировано внимание на религиозном факторе, этнополитике, регулировании внешней трудовой миграции, адаптации и интеграции мигрантов-мусульман.

Ключевые слова: миграция; этнорелигиозный состав населения; мусульмане; ислам; анклавы; демографические тренды; миграционная политика; государственное управление; мусульманские религиозные организации; регулирование внешней трудовой миграции; адаптация и интеграция мигрантов; рынок труда; иностранная рабочая сила (ИРС); квоты.

* Сченснович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Введение

В современном мире миграционные процессы приобрели небывалый размах. Миграция стала одним из ключевых факторов социальных процессов. В РФ миграция определяется общемировыми тенденциями: естественной убылью населения, недостатком рабочей силы, неравномерным экономическим развитием регионов. К вышеназванным факторам добавляется участие России в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве. При этом рост численности мусульманской части населения и формирование мусульманских анклавов вызывают опасения у россиян.

В структуре внешней миграции первенство принадлежит трудовой миграции. Большинство приезжающих на работу – мусульмане. Демографические тренды позволяют прогнозировать значительный рост присутствия мусульман и изменение этнорелигиозного состава населения российских регионов. Проблема адаптации мигрантов требует комплексного подхода, к которому не всегда готовы религиозные и общественные организации. Просветительское влияние российского мусульманского духовенства могло бы способствовать инкультурации мигрантов-мусульман. В то время как неэффективность адаптации и инкультурации ведет к росту межэтнической и межрелигиозной напряженности.

Статья доктора философских наук Т. Прониной (ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург) [6] «Миграция в современной России и религиозный фактор» основана на анализе материалов опросов и интервью, проведенных в регионах РФ в 2016–2020 гг.

Миграционный поток в Россию увеличился после распада Советского Союза в связи с ухудшением политического и экономического положения в бывших республиках СССР. В динамике 2017–2019 гг. вновь наблюдается рост миграции в РФ. В 2019 г. в России встало на миграционный учет 19,5 млн человек. С целью трудоустройства прибыло около 5,5 млн человек. Эта цифра в действительности может быть в 1,5–2 раза больше. Неизменной на протяжении ряда лет остается доля граждан СНГ среди прибывающих иностранцев – около 85%, из них 40% приезжают из государств Средней Азии, в основном – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Постоянно на территории находится не менее 9,8 млн иностранных граждан, это около 7% от численности населения.

Однако если учитывать единовременно прибывающих в РФ, с учетом и нелегальных трудовых мигрантов, то количество может возрасти до 10 млн. При этом собственное мусульманское насе-

ние России – около 20 млн человек. В общей сложности, в стране находятся около 30 млн мусульман. Это более 20% населения. В будущем могут произойти существенные изменения в этнорелигиозном составе российского населения. Миграция, таким образом, становится не только демографическим фактором, но и оказывает важную роль в политических процессах.

Самая широкомасштабная внешняя миграция в РФ – трудовая. В основном она носит «циркулярный», временный характер. Налоговые отчисления иностранных работников приносят существенный доход государству: за 2018 г. – это 45 млрд руб. По мнению экспертов, от миграции Россия имеет двойную выгоду: мигранты создают материальные блага, осуществляют миграционные выплаты, платят налоги в самой России, повышая ее ВВП, и за счет денежных перечислений стабилизируют ситуацию в ближайших к России регионах. Главные центры притяжения внешней миграции в РФ – Центральный и Северо-Западный федеральные округа. Более половины (57%) от всех иностранных граждан, выехавших в РФ с целью трудоустройства, встает на учет в четырех регионах – Москва и Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области. Это регионы динамично развивающиеся, с наибольшим привлечением инвестиций, здесь активно ведется строительство различных объектов, много рынков, развитая сфера услуг. Основные отрасли занятости иностранных мигрантов – это строительство (34%), сфера услуг (13%), обрабатывающие производства (10%), сельское хозяйство (7%).

Как показывают исследования, отношение россиян к мигрантам ныне обнаруживает тенденцию к ухудшению. Местные жители нередко склонны винить приезжих в существующих социально-экономических проблемах. По данным опроса, проведенного сотрудниками Центра религиоведческих и этнополитических исследований ЛГУ им. А.С. Пушкина в одном из центральных регионов России в 2016 г., только 20% респондентов считают, что присутствие мигрантов полезно для страны и региона, 26,6% ответили, что их не должно быть в стране, 17,2% высказались, что испытывают к мигрантам неприязнь, 35,9% – ответили, что им все равно. Среди причин неприязненного отношения были названы следующие: агрессивное поведение – 64,1%; пренебрежение местными традициями и нормами поведения – 39,3; криминальная деятельность – 35,3; нарушения общественного порядка – 32,5, представляют опасность – 21; занимают рабочие места россиян – 19,4%. На вопрос: «Какие действия должны предпринимать власти

по отношению к мигрантам?» – большинство высказалось в пользу ограничительных мер: 60% респондентов ответили, что следует ограничить приток мигрантов и контролировать незаконную миграцию, 14% считают, что следует ограничить для мигрантов виды допустимых работ и размер оплаты труда, только 7% высказались, что следует облегчить правовые нормы въезда и проживания.

В отношении россиян к мигрантам превалируют негативные настроения. По результатам мониторингового исследования, проведенного социологическим центром «Мегаполис» в 2014 г. посредством телефонного опроса 1000 петербуржцев, 46,4% ответили, что приезжающие в город на временную работу граждане из бывших союзных республик и Северного Кавказа создают проблемы. На вопрос: «А чем конкретно они Вам мешают, какие проблемы создают?» – петербуржцы назвали целый ряд причин, среди которых основные: «их стало очень много» – 47,6%; «ведут как у себя дома» – 25,2; «плохо ведут себя в общественных местах» – 17; «занимают наши рабочие места» – 13,8; «не хотят жить по нашим законам, традициям» – 12,7; «не хотят говорить по-русски, общаются только на своем языке» – 12,3; «среди них много преступников» – 9,3% и др. На вопрос: «Кто виноват в возникающих проблемах?» – респонденты ответили: «миграционные службы» – 25%; «сами иностранные рабочие» – 22; «приглашающие фирмы» – 19,8%.

Адаптация и интеграция мигрантов в России имеет свои особенности. Поскольку основной миграционный поток носит циркулярный характер, то большая часть мигрантов вообще не ориентирована на интеграцию. Для них приемлемый вариант – это уровень адаптации, позволяющий выжить в стране и заработать денежные средства: минимальное знание русского языка, достаточное для общения в быту. Как констатировали представители Фонда помощи трудовым мигрантам в Петербурге, попытка организовать бесплатные курсы русского языка для выходцев из Узбекистана потерпела фиаско: на занятия почти никто не пришел. Опросы показали: лишь небольшая часть мигрантов хочет, но не может ходить на такие курсы – времени не хватает. Остальные честно признались, что русский язык им не нужен. По словам респондентов-мигрантов, важно иметь представления о процедурах и документах, необходимых для оформления, желательно иметь знакомых, которые помогут на первое время найти жилье и работу. О какой-либо культурной интеграции речь не шла. Нередко мигранты отрицательно воспринимают многие нормы и традиции страны

прибытия. Социологи усматривают причину этого в высокой степени анклавизации, когда у приезжих нет повода и потребности общаться с местным населением.

По вопросу, есть ли в России этнорелигиозные анклавы, мнения экспертов расходятся. Как правило, представители официальных государственных органов считают, что таковых нет. Действительно, если иметь в виду анклавы, подобные тем, какие сформировались на окраинах или в пригородах крупных городов Франции, Германии, Бельгии, то таких в России пока нет. Причина этого – невысокий масштаб иммиграции. Трудовая же миграция носит временный характер – по статистике, лишь около 20% приезжающих хотят остаться в России. Представителей второго поколения иммигрантов, которые родились в стране прибытия, также немного. Однако часть исследователей полагают, что анклавы в Москве и Санкт-Петербурге существуют (Т.З. Протасенко, И. Белобородов). Приезжие, замечают исследователи, живут обособленно, по собственным, неясным для россиян законам и правилам. Горожане боятся таких «анклавов», считая, что не могут чувствовать себя рядом с ними безопасно. Лет через десять «анклавы» станут неуправляемыми извне, их население будет расти. Как следствие, они начнут изменять культурный фон, уклад жизни и традиции. Это обычная практика для городов, где доля мигрантов превышает 10–12%, а в Москве сегодня мигрантов более 20%.

По убеждению Т. Прониной, предпосылки для формирования «параллельных обществ», отражающих процесс анклавизации, в российских городах уже есть. Главная – длительное пребывание на территории РФ – около 6 месяцев и более – значительного числа мигрантов. После отъезда их сменяют новые работники, которые часто селятся в тех же местах – в итоге их сосредоточение может быть значительным.

В Москве районы компактного проживания мигрантов – это окраины города. Похожая ситуация и в Петербурге – здесь мигранты также селятся в районах с низкой платой за аренду жилья, вблизи мест работы. Подобные районы есть и в других городах: Нижнем Новгороде, Самаре, Уфе, Оренбурге. При отсутствии или недостатке механизмов адаптации происходит сегрегация таких сообществ. Увеличивается количество мигрантов и в российском селе. Например, в Астраханской, Волгоградской областях мигранты составляют существенную долю в сельскохозяйственной деятельности, связанной с сезонными работами по уборке бахчевых культур и овощей. Данная ситуация оценивается полярно: от «за-

претить, это приведет к конфликтам» до «они спасут умирающую русскую деревню». Эксперты признают, что обойтись без мигрантов село не может.

Большинство трудовых мигрантов в России – мусульмане. Однако интенсивность их религиозности, по мысли исследователя, существенно отличается в поколениях. В интервью автора статьи фиксируется, что приехавшие 15–20 лет назад в Петербург выходцы из Средней Азии менее религиозны, чем приезжающие сегодня к ним молодые родственники, которые очень религиозны. Под влиянием последних и старшие родственники становятся более религиозными. Экспертные интервью с лидерами мусульманских общин, национальных центров говорят о том, что религиозность мигрантов нередко отличается от традиционного для того или иного региона России ислама, имеет интенсивный характер, обнаруживает черты избранничества; приезжие ориентируются на авторитет лидеров, которые были их наставниками дома. Все это осложняет их инкультурацию. Наблюдается и такая тенденция: в некоторых регионах имамы, получившие религиозное образование за рубежом в 1990–2000-е годы, легче выстраивают общение с мигрантами. В результате, происходит вытеснение из общины аутентичных членов, размежевание общин по этническому признаку. По прогнозу политолога Абдуллы Рината Мухаметова, коренное мусульманское население России само станет меньшинством на своей территории по отношению к среднеазиатскому большинству (вчерашим мигрантам).

Координировать усилия по адаптации мигрантов могут общественные советы по взаимодействию с религиозными организациями и централизованные религиозные организации. Но деятельность общественных, государственных структур охвачено незначительное число мигрантов. Об общественных национальных организациях мигранты чаще всего и не слышали. А в мечетях и молельных комнатах бывают многие из них. Однако здесь пока можно говорить о большом потенциале, но не о значительных реальных достижениях. Работа с мигрантами ограничивается проведением собраний с приглашением сотрудников Федеральной миграционной службы, которые разъясняют, как оформить регистрацию и патент, предупреждают о недопустимости правонарушений и др. В проповедях имамы говорят о необходимости соблюдения российских законов,уважительного отношения к местным жителям и представителям всех национальностей и религий.

По убеждению Т. Прониной, неэффективность религиозных организаций в адаптации мигрантов связана, в том числе, с объективными причинами. Именно мусульмане-мигранты, большинство которых находится в крупных российских городах, в силу нехватки мечетей, молельных домов оказываются вне сферы влияния представителей российского мусульманского духовенства. Тогда как просветительское влияние духовенства, ориентированное на культивирование общероссийской идентичности, могло бы стать эффективным способом адаптации и препятствовать тенденциям сегрегации мигрантских сообществ.

В статье «Формирование и институционализация государственной миграционной политики» доктор политических наук В.Ю. Зорин (Финансовый университет при Правительстве РФ) и кандидат политических наук М.А. Бурда (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) [1] анализируют особенности, оказывающие влияние на формирование миграционной политики современной России. Авторы приводят статистические данные, экспертные оценки, рейтинги и правовые акты.

Исследователи отмечают, что тема внешней миграции является одной из наиболее острых и актуальных в общественно-политическом пространстве. Вместе с тем понимание внешней миграции на уровне экспертов и общества зачастую разнится. Экспертное сообщество в настоящее время в целом положительно рассматривает механизмы внешней миграции в контексте решения определенных проблем на российском рынке труда и сложной демографической ситуации. В свою очередь, часть российского общества настроена в отношении внешней миграции консервативно и связывает с миграцией рост уровня бытовой преступности, распространения наркотиков и террористических рисков. Социологические опросы демонстрируют, что две трети россиян поддерживают рестриктивные меры правительства России, направленные на ограничение притока приезжих. Например, «Левада-Центр» в 2019 г. получил следующие результаты: 72% опрошенных высказались за необходимость ограничивать приток трудовых мигрантов; 63% опрошенных отметили: «Присутствие мигрантов в нашем городе / регионе чрезмерно»; 64% опрошенных заявили: «Мои родственники и знакомые готовы делать работу, которую сейчас выполняют мигранты».

Авторы рассматривают модель современной российской миграционной политики, когда была принята последняя редакция

Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. Они отмечают, что утвержденная президентом В.В. Путиным новая миграционная концепция является результатом переработки и совершенствования, с учетом меняющейся политической ситуации, механизмов, заложенных в Концепции миграционной политики 2012 г. Такой подход позволил эволюционно реформировать механизмы государственного управления в миграционной сфере. В период реализации предыдущей миграционной концепции органы власти ввели новые аспекты в миграционное законодательство, среди них:

- дифференциация правил осуществления временной трудовой деятельности иностранных граждан на территории РФ;
- совершенствование, в том числе и нормативно-правовое, механизмов противодействия нелегальной миграции и ее организаций;
- корректировка российских нормативно-правовых актов в части разъяснения порядка их применения к иностранным гражданам, находящимся в РФ, в рамках Трудового кодекса РФ.

Возможность с января 2015 г. осуществлять временную трудовую деятельность в России на основании патента позволила российской миграционной системе дифференцировать внешнюю трудовую миграцию не только по качественным критериям – общий порядок, квалифицированный специалист, высококвалифицированный специалист, – но и по «страновому» критерию. В настоящее время выражены три «странных» критерия. Максимальный уровень преференций распространяется на трудовых мигрантов из государств – членов ЕАЭС (Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии), для которых образован единый рынок труда рабочей силы на всей территории Союза. Ко второму уровню допуска относятся мигранты из государств – членов СНГ, не являющихся членами ЕАЭС (Азербайджана, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и Украины), на которых с 2015 г. распространяются правила института «патентирования». К третьему уровню можно отнести все остальные государства, мигрантам из которых при осуществлении временной трудовой деятельности в России необходимо оформлять разрешение на привлечение иностранной рабочей силы и разрешение на работу. Реализация трехуровневой системы позволила отказаться от механизма квотированного привлечения иностранной рабочей силы, который имел потенциал коррупционных правонарушений, а также не всегда отвечал актуальным запросам и потребностям российского рынка труда в иностранной

рабочей силе и в этой связи критиковался бизнес-сообществом и общественными организациями.

Миграция, как сложное явление, зависит от взаимодействия политического, экономического, социального и гуманитарного аспектов реализуемой государством политики. Реализуемая в рамках российской миграционной системы модель управления миграционными процессами, формируемая органами государственной власти при активном участии институтов гражданского общества, позволяет достичь баланса между политическими, экономическими и демографическими интересами государства, с одной стороны, и обеспечением национальной безопасности, защиты прав местного населения и легальных мигрантов – с другой.

Ведущие российские эксперты в сфере миграции считают необходимой корректировку существующей миграционной системы в части совершенствования подходов привлечения мигрантов не только для осуществления временной трудовой деятельности в России, но и последующей их интеграции в российское общество в качестве его новых полноправных членов. Однако, как утверждают доктор политических наук О.В. Михайлова (РУДН), кандидаты политических наук М.А. Бурда и О.Е. Гришин (РУДН) [5] (статья «Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции»), политические режимы республик Центральной Азии видят внешнюю миграцию в РФ в иной парадигме. Миграция своих граждан для работы в России рассматривается в этих государствах как механизм, позволяющий минимизировать внутриполитические риски, связанные с невысоким уровнем жизни и безработицей. Исследователи также отмечают, что денежные переводы трудовых мигрантов в страны исхода продолжают оставаться значимым аспектом экономической стабильности государств – доноров миграции. Кроме того, и непосредственно сами трудовые мигранты зачастую не рассматривают Россию как новое место жительства.

Авторы подчеркивают: указание в миграционной карте цели въезда в РФ «работа» не дает права осуществления временной трудовой деятельности иностранным гражданам из государств – участников СНГ. Согласно статистическим данным МВД России, необходимые документы – патенты и разрешения на работу – получают лишь порядка 36%. Очевидно, что определенная часть мигрантов, не оформивших документы, осуществляет временную трудовую деятельность нелегально. Существенная часть мигран-

тов становятся нелегалами непреднамеренно, и в ряде случаев это имеет следующий комплекс причин:

- невысокий уровень владения русским языком не позволяет мигранту изучить требования российского миграционного законодательства еще в государстве выезда. Мигрант руководствуется информацией из социальных сетей и от знакомых, а эти данные зачастую недостоверны и ошибочны;

- после въезда на территорию РФ мигранту отводится 30 дней на подачу заявления о выдаче патента, при этом он должен встать на миграционный учет, получить необходимое медицинское заключение, сертификат о знании русского языка. Зачастую в целях ускорения такой процедуры мигрант обращается за помощью к посредникам (диаспорам, некоммерческим организациям и сомнительным юридическим консультациям), которые иногда занимаются откровенным мошенничеством;

- недобросовестный работодатель, предлагает мигранту оформиться без наличия необходимых разрешительных документов, а по прошествии 30 дней, когда мигрант уже не может подать заявление на оформление патента, фактически переводит мигранта на нелегальное положение и получает возможность манипуляции таким работником, в том числе, не выплачивая ему заработную плату.

Существующая высокая миграционная привлекательность России для выходцев из государств постсоветского пространства обусловлена имеющимися особенностями российского миграционного законодательства, которое способствует развитию преференциальных отношений с государствами СНГ и таким образом культивирует зависимость российского рынка труда иностранной рабочей силы от притока внешних трудовых ресурсов из нескольких государств-доноров.

Российская миграционная система дифференцирует внешнюю трудовую миграцию в двух плоскостях. Миграционное законодательство выделяет категории высококвалифицированных и квалифицированных специалистов, а также реализует различные порядки получения разрешительных документов для потенциальных трудовых мигрантов относительно их государства выезда. К первой группе российское законодательство относит мигрантов из государств ЕАЭС, для которых образован единый рынок труда рабочей силы на всей территории Союза. Ко второй группе относятся мигранты из государств – участников СНГ, не являющихся членами ЕАЭС, для которых предусмотрена процедура оформления разрешительных документов в виде патента на осуществление

временной трудовой деятельности. В третью группу входят мигранты из всех остальных государств. Для данной группы процесс осуществления временной трудовой деятельности в России представляется наиболее сложным и требует помимо оформления разрешения на работу оформления разрешения на привлечение иностранной рабочей силы.

По убеждению кандидата исторических наук В.В. Комаровского [2], в Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. не получила необходимого отражения трансформация миграционной политики основных принимающих стран, акцентирующих роль трудовой миграции в повышении экономической конкурентоспособности. Система регулирования притока и использования иностранной рабочей силы (ИРС) в России включает три категории трудовых мигрантов: из них две безвизовые – граждане стран – членов ЕАЭС, приравниваемые к национальной рабочей силе; выходцы из прочих стран СНГ (работа на основе патента) и визовый поток трудовых мигрантов из третьих стран.

Миграционное регулирование обусловливается социально-экономическими потребностями принимающей страны в тех или иных категориях мигрантов, интенсивностью их притока, необходимостью его или стимулировать, или ограничивать в определенный период. Для Евросоюза сегодня на передний план выходят задачи ограничения притока мигрантов, противодействия нелегальной миграции и укрепления внешних границ ЕС, в то время как перед Россией новой Концепцией ставятся задачи совершенствования нормативно-правового регулирования притока иностранцев, содействия переселению соотечественников, привлечения и адаптации востребованных категорий трудовых мигрантов из визовых стран.

Принятие новой Концепции миграционной политики вносит существенные корректизы в миграционную политику страны, переносит ее акцент на добровольное переселение соотечественников, совершенствование действующего миграционного законодательства и усиление борьбы с его нарушениями. При любом развитии социально-экономической ситуации, увеличении или снижении потребности в ИРС, анализ и прогноз динамики спроса и предложения на нее на отечественном рынке труда становится все более насущной проблемой для дальнейшего развития страны и предотвращения негативных явлений.

В статье «Роль и место внешней трудовой миграции в структуре иностранной рабочей силы» В.В. Комаровский [3] исследует

роль трудовых мигрантов из стран постсоветского пространства в экономическом обеспечении российских домохозяйств. Наряду с введением в научный оборот ранее не использованных данных выборочного опроса, проведенного Росстатом в 2019 г., автор выявляет специфику отраслевого распределения контингентов выходцев из постсоветских стран.

В силу исторических условий выходцы из стран СНГ, составляющие большинство трудовых мигрантов, представляют интерес с точки зрения понимания динамики вхождения и адаптации в российских условиях. Доля лиц, проживших в России более 5 лет и адаптировавшихся к ней, составляет в среднем 83%. Наибольшее число осевших в России внешних мигрантов приходится на долю украинцев (25%), казахов (22%) и узбеков (15%).

Рассмотрение проблем трудовой миграции предполагает анализ взаимодействия приезжих работников с работодателями. Однако этой определяющей стороне отношений уделяется недостаточное внимание. По всей видимости, значительная доля работодателей, нанимающих иностранцев, в поле зрения выборочного статистического наблюдения 2019 г. не попала. Данные о заключении трудовых договоров официально не публикуются и частично даже не предоставляются работодателями.

Подавляющее большинство работодателей относится к малым и индивидуальным предпринимателям. При этом общая численность предпринимателей, нанимавших иностранцев, составила несущественную долю предпринимателей – членов домохозяйств (15,5%), основная сфера бизнеса которых – торговля, ремонт автотранспорта и т.п. (39%), строительство (17%), обрабатывающее производство (12%). В силу ограниченности отраслей использования ИРС, численность иностранцев, нанимаемых данной категорией работодателей, была относительно невелика – 466,6 тыс. человек, из которых выходцы из стран СНГ составляли 429,8 тыс. (92,1%). Почти две трети иностранных работников (60%) приходилось на выходцев из Узбекистана, Таджикистана и Украины.

Автор делает вывод: концентрация значительной доли трудовых мигрантов в определенном спектре отраслей предоставления услуг домохозяйствам (населению) в основном включает строительство и ремонт, сельхозработы и транспортные услуги. Занятость в иных секторах распространена гораздо слабее, что коррелирует с профессионально-квалификационной структурой трудовых мигрантов. Наблюдаются и национальные предпочтения занятости в тех или иных секторах.

Сопоставление полученных результатов с данными официальной миграционной статистики позволяет получить более четкое понимание реальных спроса и предложения услуг иностранной рабочей силы из стран СНГ на отечественном рынке труда, создает возможность для подготовки прогноза потребности в их услугах и разработки плановых показателей.

В статье «Россия и СНГ: динамика миграционных потоков» [4] В.В. Комаровский отмечает, что за последние 5–6 лет произошло существенное перераспределение потоков внешней миграции в Россию. Прежде всего это касается трудовой миграции – значительно сократилось предложение иностранной рабочей силы (ИРС) из визовых стран, особенно европейских, стабилизировалось количество трудовых мигрантов из стран постсоветского пространства (СНГ и ЕАЭС).

Как следует из статистических данных, пересечение российской границы гражданами безвизовых стран имеет много общего, хотя наблюдается и ряд национальных особенностей. Эти особенности касаются не только масштабов въезда, но и предпочтительных целей въезда, его интенсивности. Для таких стран, как Казахстан, Украина, Азербайджан, Армения, Молдова и Беларусь, «частный» характер большинства въездов в Россию остается преобладающим.

Ежегодные максимальные показатели присущи Узбекистану и Таджикистану, что – в сопоставлении с данными об общей численности трудовых мигрантов из этих стран – позволяет рассматривать это явление как показатель максимального спроса на ИРС в России в данный период, удовлетворяемого предложением труда выходцами из названных стран. Киргизия также выступает заметным поставщиком ИРС для отечественного рынка труда (2019 г. – 58% всех въездов).

Значительный интерес представляет межстрановая динамика въездов. По данным пограничной службы ФСБ, в 2019 г. в Россию въехало 199,4 тыс. граждан Казахстана, указавших целью визита «работу», а по данным МВД РФ первично было зарегистрировано лишь 136,2 тыс. человек, приехавших с той же целью.

Узбекистан на протяжении многих лет выступает крупнейшим поставщиком ИРС на российский рынок труда, причем, с высокой степенью вероятности, значение российского рынка труда для граждан РУ будет сохраняться достаточно долго. Всего в 2019 г. на миграционный учет в целях получения работы встало 2,1 млн граждан Узбекистана, и год от года эта цифра устойчиво растет.

Таджикистан занимает второе место по численности трудовых мигрантов в Россию после Узбекистана. Что касается структуры потоков миграции граждан Таджикистана, то, по сравнению с Узбекистаном, доля претендентов на работу среди мигрантов в Россию в 2019 г. была гораздо выше – 82% против 57%, хотя по численности этот показатель более чем вдвое ниже (875,1 тыс. человек).

Характер миграций из Киргизии имеет свои особенности, хотя страна является членом ЕАЭС и имеет безвизовый режим трансграничных передвижений с Россией. Для Киргизии и Узбекистана сопоставимы показатели 2019 г. по доле въезжающих в целях получения работы (58% и 57% соответственно), так же как и по доле частных поездок (28% и 32%). Объемы и интенсивность въезда выходцев из Азербайджана привлекают внимание своим постоянством. Как представляется, прежде всего – это хорошо наложенная торговля сельхозпродукцией.

Туркмения, в силу политического курса ее руководства, существенно отличается по масштабам миграционного обмена с Россией от всех стран СНГ. Значимую роль играет визовый режим Туркмении для всех стран, в том числе и для РФ. Присутствие туркменских работников в России увеличивается через квотные механизмы приема визовых мигрантов. Прежде всего, они заняты в турецких строительных фирмах. На миграционный учет поставлено 4,8 тыс. человек, указавших работу как цель въезда. В 2019 г. на первые места вышли деловой мотив пересечения границы (29%) и туризм (26%).

Анализ особенностей въезда граждан из десяти постсоветских республик в Россию на протяжении последнего десятилетия позволяет сделать ряд выводов.

1. Статистика въездов и регистрации мигрантов в России за рассматриваемый период дает представление о национальных траекториях миграции граждан стран постсоветского пространства.

2. Национальные контингенты мигрантов имеют свои национальные и региональные особенности, связанные с историческим прошлым, социально-экономическим и политическим положением страны-донора.

3. Характер траекторий, по которым происходит распределение числа въездов в Россию на протяжении последнего десятилетия, их относительно стабильная цикличность дают право говорить о высокой степени взаимозависимости механизмов взаимодействия с российскими партнерами, прежде всего на рынке труда.

4. Полученные результаты свидетельствуют о возможности распределения рассмотренных стран по двум типам взаимодействия: (1) основанного на предоставлении востребованной рабочей силы и (2) ориентированного на достижение целого спектра частных целей и задач (от переезда на ПМЖ до удовлетворения различных бизнес-интересов).

5. В зависимости от размеров стран-доноров, наличия свободной рабочей силы, ориентированной на трудовую миграцию, определяется вклад в удовлетворение потребности принимающей страны, занятие тех или иных свободных ниш на ее рынке труда.

6. Различная интенсивность въездов из отдельных стран определяется сроками достижения поставленных целей (прежде всего, объединяемых понятием «частные»). Более долгосрочные цели, такие как работа и учеба, существенно влияют на длительность пребывания и частоту пересечения мигрантами границы.

7. Дифференциация подходов к анализу длительности пребывания углубляет представления о механизмах и побудительных мотивах пересечения российской границы.

Основными задачами миграционной политики любой принимающей страны являются удовлетворение потребностей экономики в иностранной рабочей силе и защита отечественных работников от недобросовестной конкуренции. В наднациональных объединениях встает также проблема формирования единого рынка труда (ЕАЭС и ЕС).

Очевидно, что без объективного представления о динамике и структуре целей и задач, преследуемых иностранными гражданами в нашей стране, едва ли возможно говорить о сбалансированной миграционной политике, об эффективной системе отбора и отсева востребованных и избыточных категорий иностранцев.

Заключение

Миграционные процессы в современном мире не снижают своей актуальности в глобальной политической повестке. После распада СССР Россия становится одним из самых крупных акторов миграционных процессов со своей особенной миграционной системой. Выявляя изменения в российском миграционном законодательстве, позволившие выстроить современную миграционную систему, авторы также рассматривают особенности государственного управления миграционными процессами в современной России и дают предложения по ее совершенствованию. За пост-

советский период Россия стала страной – реципиентом миграционных потоков наравне с США, Германией и рядом других государств высокой миграционной привлекательности. Современные российские эксперты отмечают особенности не только реализуемой государственной миграционной политики, но и сформированный миграционный режим, основной задачей которого является привлечение иностранных граждан для обеспечения своих национальных и экономических интересов.

Миграционная привлекательность России на постсоветском пространстве требует от российской власти выработки новых подходов в области адаптации и интеграции внешних мигрантов. Формируемые условия адаптации и интеграции мигрантов важны для эффективной реализации не только миграционной, но и национальной политики. В связи с этим возрастает значимость взаимодействия органов государственной власти, как на федеральном уровне (МВД России и Федеральное агентство по делам национальностей), так и на региональных уровнях (администрации субъектов РФ), с институтами гражданского общества.

В России есть советы по взаимодействию с религиозными организациями, централизованные религиозные организации, общественные национальные сообщества, которые могут координировать усилия по адаптации мигрантов. Мусульмане-мигранты, большинство которых находится в крупных российских городах, из-за нехватки мечетей, молельных домов оказываются вне сферы влияния представителей российского мусульманского духовенства. Тогда как просветительское влияние духовенства, ориентированное на культтивирование общероссийской идентичности, могло бы способствовать адаптации и препятствовать тенденциям сегрегации мигрантских сообществ.

В настоящее время вопросы адаптации и интеграции иностранных граждан в России не имеют соответствующего нормативного правового закрепления, что тормозит реализацию закрепленного в Концепции миграционной политики механизма взаимодействия. Вместе с тем обновленная Концепция, утверждают исследователи, отвечает современным миграционным вызовам и позволяет противодействовать миграционным рискам.

Список литературы

1. Зорин В.Ю., Бурда М.А. Формирование и институционализация государственной миграционной политики в современной России // Politbook. – 2020. – № 1. – С. 113–128.
2. Комаровский В.В. Проблемы регулирования трудовой миграции в современной России // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 3. – С. 105–110.
3. Комаровский В.В. Роль и место внешней трудовой миграции в структуре иностранной рабочей силы // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 41 (4). – С. 80–93.
4. Комаровский В.В. Россия и СНГ : динамика миграционных потоков // Россия и новые государства Евразии. – 2020. – № 2 (47). – С. 151–170.
5. Михайлова Н.В., Бурда М.А., Гришин О.Е. Государственная миграционная политика России : актуальные вопросы внешней трудовой миграции // Этносоциум и межнациональная культура. – 2020. – № 4 (142). – С. 9–15.
6. Пронина Т.С. Миграция в современной России и религиозный фактор // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 225–240.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аккиева С.И.*

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.03

***Аннотация.** В Кабардино-Балкарии сложились институты гражданского общества, которые стали активными акторами общественной жизни. Пандемия внесла существенные изменения в проведение ежегодных празднеств и траурных мероприятий, связанных с историей и культурой народов республики, которые прошли на просторах Интернета, в социальных сетях.*

Одним из важнейших адыгских общественные организации рассматривают вопрос о депатриации потомков мухаджиров на Северный Кавказ и оказывают всяческую помощь в их возвращении и адаптации. Большая поддержка в Кабардино-Балкарии оказывается депатриантам из Сирии, в 2020 г. общественные организации адыгов оказали материальную помощь сирийским депатриантам, переселившимся в республику, многие из них адаптировались, занимаются бизнесом, торговлей и т.д., но пандемия привела к снижению их доходов. МЧА проводит значительную работу по формированию позитивного имиджа Кабардино-Балкарии и России среди представителей адыгской зарубежной диаспоры, организует отдых детей мухаджиров в КБР, знакомит их с достопримечательностями и природой региона.

Балкарские общественные организации и активисты в 2020 г. еще раз подняли вопрос об установлении памятной даты присоединения Балкарии к России. До настоящего времени официально дата не празднуется. По мнению балкарцев, без утверждения этой даты балкарский народ

* Аккиева С.И., доктор исторических наук, в.н.с. Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, КБР, e-mail:asisma@yandex.ru

© Аккиева С.И., 2021

находится в неравноправном отношении по сравнению с другими народами России.

Религиозная ситуация в Кабардино-Балкарии в 2020 г. оставалась стабильной, ДУМ КБР вновь поднял вопрос о реформировании похоронных обрядов, направленных на запрет проведения затратных поминок; в течение 16 лет провести эту реформу ДУМ не удаётся.

Одной из сложных проблем в Кабардино-Балкарии является земельная проблема. В 2020 г. она вновь обострилась. Земельная проблема усугублена тем, что колхозники в КБР не получили земельные паи, земли находятся в аренде у крупных арендаторов, что и создает конфликтную ситуацию.

Ключевые слова: КБР; общественные организации; похоронные обряды; коронавирус; экстремизм; репатриация; земельные проблемы; празднование присоединения Балкарии к России.

Власти Кабардино-Балкарии, учитывая полиэтничность республики, особое внимание уделяют формированию институтов гражданского общества, как одного из важнейших акторов. В органах власти Кабардино-Балкарии существует специальное ведомство, занимающееся вопросами межэтнических отношений – Министерство по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей. Кроме того, действует консультативный орган: Правительственная комиссия по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений в Кабардино-Балкарской Республике¹. Она создана в целях подготовки рекомендаций по разработке и реализации государственной политики в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений в республике. В каждом муниципальном районе и городских округах созданы и действуют комиссии по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений. Заседание комиссий проводится по мере необходимости, но не реже двух раз в год.

Вопросами межэтнических отношений долгие годы занимался Кабардино-Балкарский фонд культуры. Активно занимается проблемами в сфере межэтнических отношений и Общественная палата КБР, которую возглавляет Х.А. Бердов. В четвертом составе Общественной палаты КБР (создана в ноябре 2018 г.) была сформирована Межкомиссионная рабочая группа по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в респуб-

¹ <https://base.garant.ru/30528204/> (дата обращения: 17 января 2021 г.).

лике. В нее вошли 15 членов Палаты, представляющих этнические и конфессиональные группы в населении КБР¹.

В Кабардино-Балкарии на конец 2020 г. действовали более 40 общественных организаций этнокультурной направленности², которые принимают активное участие в общественной жизни республики. Государство оказывает определенную финансовую помощь их деятельности. В 2020 г. финансовую помощь от государства в размере 20,3 млн руб. получили 38 некоммерческих организаций, в том числе и этнокультурной направленности. В их числе: Кабардино-Балкарское региональное общественное движение по укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений «Наша Республика» (400,25 тыс. руб.); Союз общественных объединений «Международная Черкесская ассоциация по единению черкесского народа, развитию связей черкесской диаспоры с исторической родиной» (410 тыс. руб.); Кабардино-Балкарская региональная общественная организация по оказанию содействия возвращению соотечественников «Пэрыйт» (Авангард) (320,88 тыс. руб.); Кабардино-Балкарская региональная общественная организация по содействию развитию адыгской молодежи «Черкесский Ренессанс» (80 тыс. руб.); Кабардино-Балкарский общественный фонд культуры (1166,582 тыс. руб.); региональное отделение «Союза армян России» (270 тыс. руб.); Терско-Малкинское окружное казачье общество (500 тыс. руб.)³.

С 1992 г. в Кабардино-Балкарии ежегодно 21 мая отмечают День памяти жертв Кавказской войны. Из-за пандемии в 2020 г. был изменен формат: 21 мая – День памяти жертв Кавказской войны отмечался на просторах сети Интернет. Возле мемориала «Древо жизни», где ежегодно проходит траурный митинг, руководители республики и общественных организаций возложили цветы. Президент Международной черкесской ассоциации (МЧА) Хаути Сохроков сообщил ТАСС 21 мая, что программа дистанционных мероприятий прошла в режиме онлайн и состояла из целого комплекса: видеоконференции, онлайн-уроки и различные встречи. В них приняли участие адыги из разных стран: Турции, Иордании,

¹ <http://xn--90arleh.xn--p1ai/index.php/deyatelnost/1499-zasedaniya-soveta-2019-goda> (дата обращения: 20 января 2021 г.).

² https://pravitelstvo.kbr.ru/oigm/uvigodn/statisticheskie_dannye/obshchestvennye_organizatsii.php (дата обращения: 22 января 2021 г.).

³ <https://pravitelstvo.kbr.ru/oigm/uvigodn/kadry/reestr%202020.xls> (дата обращения: 24 января 2021 г.).

Сирии, Израиля, европейских государств, а также из многих субъектов РФ¹. Адыгские активисты, молодежь подготовили и выпустили в социальные сети разнообразные тематические видеоролики, посвященные этой дате, и призывали жителей Кабардино-Балкарии и других регионов Северного Кавказа вспомнить жертв войны дома. Член Совета Федерации от Кабардино-Балкарии Арсен Каноков (глава КБР в 2005–2013 гг.) 20 мая выступил с обращением, посвященным Дню памяти жертв Кавказской войны. Он отметил, что народ «стал малочисленным», разделенным, через какое-то время в результате катаклизмов XVIII – начала XX в. рассредоточился в 40 странах мира, но не растерял язык, культуру и традиции. А. Каноков отметил, что диаспора переняла и впитала самое лучшее из того, что есть у соседей. А. Каноков также подчеркнул важность беспристрастного и честного обсуждения событий и следствий Кавказской войны, проблем репатриации, в решении которых до настоящего времени нет серьезных сдвигов².

Актуальность проблем репатриации, культурной интеграции и сохранения родного языка отметили активисты Мадина Хакуашева, доктор филологических наук, ведущий сотрудник ИГИ-филиала КБНЦ РАН, председатель «Адыгэ Хассе» Адыгеи Рамазан Тлемешок и глава «Адыгэ Хэку Черкесия» Абубекир Мурзаканов. В 2020 г. День памяти и скорби жертв Кавказской войны проходил в условиях коронавирусной инфекции, которая затронула все страны проживания адыгов, и формат общения был дистанционный. Федерация кавказских ассоциаций Турции (КАФФЕД) в своем заявлении по случаю Дня памяти и скорби заявила, что в очередной раз требует признания геноцида черкесов всеми странами мира, особенно России и стран, в которых проживают черкесы. Этой позиции придерживаются все организации, отметил председатель общественной организации «Адыгэ Хасэ» Краснодарского края Аскер Сохт³.

После начала боевых действий в 2011 г. в Сирии многие граждане были вынуждены покинуть страну, часть из них (потомки мухаджиров) осели в Кабардино-Балкарии. Только в 2015 г. в республику прибыло более 2 тыс. человек⁴.

¹ <https://tass.ru/v-strane/8529233> (дата обращения: 29 января 2021 г.).

² Алексенян Г. Российские власти отстранились от решения вопроса о репатриации черкесов // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/349900/> (дата обращения: 20 января 2021 г.).

³ Там же.

⁴ <https://ria.ru/20150910/1242195334.html> (дата обращения 4 февраля 2021 г.).

По данным МВД по Кабардино-Балкарии, с 2012 по 2020 г. различные разрешительные документы для законного пребывания и проживания на территории республики получили 2302 беженца из Сирии. В том числе, разрешение на временное проживание – 495 человек, вид на жительство – 834 человека, право на приобретение российского гражданства – 306 человек¹. В 2018/2019 уч. году в КБГУ обучались 138 студентов из числа репатриантов из Сирии, в Аграрном университете – 11 студентов. Власти республики ведут планомерную работу по социально-культурной адаптации этой группы студентов². Более 170 сирийских детей получают образование в школах и обеспечены местами в детских садах республики. Власти республики, бизнесмены из числа адыгов и просто неравнодушные граждане оказали всяческую помощь репатриантам и помогали их скорейшей адаптации в республике. За счет внебюджетных средств для них приобрели более 80 домов в разных населенных пунктах республики³. Репатрианты адаптировались, многие занялись бизнесом в сфере торговли и общественного питания (магазины, кафе), которые приносили им доход. Однако в условиях ограничений, обусловленных коронавирусом, многие из них были вынуждены свернуть бизнес. Активисты из группы «Помощь соотечественникам из Сирии» (ведут одноименную страничку в Facebook) и общественной организации «Пэрыт» оказали помочь сирийским репатриантам, собрав для них 170 продуктовых наборов и 33 – для студентов, обучающихся в КБГУ. В организации поддержки сирийским репатриантам участвуют соотечественники, проживающие за рубежом, собравшие 1200 долл., и земляки, проживающие в Москве. Сирийским репатриантам также была оказана помощь в ходе благотворительной акции, организованной главой КБР с участием местных предпринимателей. Организация «Пэрыт» оказывает помощь репатриантам в получении документов для проживания в России⁴. Большую работу с репатриантами из Сирии и в целом с зарубежной адыгской диаспорой проводит Международная Черкесская ассоциация (МЧА). Эта ор-

¹ Маратова Л. Черкесские активисты помогли сирийским репатриантам//<https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/349394/> (дата обращения: 20 января 2021 г.).

² <https://tass.ru/severnyy-kavkaz/6131320> (дата обращения 28 января 2021 г.).

³ https://stav.aif.ru/society/person/kabardino-balkariya_prinyala_okolo_dvuh_tysyach_bezhencev_iz_sirii (дата обращения: 31 января 2021 г.).

⁴ Маратова Л. Черкесские активисты помогли сирийским репатриантам // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/349394/> (дата обращения: 3 февраля 2021 г.).

ганизация в рамках проекта «Кабардино-Балкария и соотечественники: народная дипломатия стирает границы»¹ организовала в 2019 г. отдых 38 детям из Сирии в санатории «Курорт Нальчик», отдых 80 школьников из Турции, Иордании и Израиля в КБР был сорван из-за пандемии. По словам президента МЧА Х. Сохрокова, совместный отдых детей из разных стран соответствует задачам проекта и будет способствовать формированию у соотечественников за рубежом позитивного отношения к Кабардино-Балкарии и Российской Федерации в целом². Вслед за Адыгейей в 2019 г. утверждена программа Кабардино-Балкарской Республики «Оказание содействия добровольному переселению в Кабардино-Балкарскую Республику соотечественников, проживающих за рубежом»³ от 31 июля 2019 г. Программа рассчитана на 2019–2022 гг., по ней планируется привлечь 200 соотечественников (50 квалифицированных специалистов и ученых, занимающихся актуальными научно-техническими проблемами, и 150 членов их семей). На эти цели из государственного и регионального бюджетов выделяется 1 748 400 руб. и 991 000 руб. соответственно⁴.

Балкарцы и балкарские общественные организации на протяжении длительного времени поднимают вопрос о необходимости установления памятной даты присоединения Балкарии к России. 9 января в Нальчике прошло очередное собрание балкарских активистов, на котором обсуждался вопрос учреждения республиканского праздника – Дня вхождения балкарского народа в состав Российской империи. В мероприятии, анонсированном через социальные сети, приняли участие депутаты Парламента КБР, главы ряда балкарских населенных пунктов, активные граждане.

По мнению собравшихся, без утверждения этой даты балкарский народ находится в неравном положении относительно других народов России. Балкарский народ с 1944 по 1957 г. наход-

¹ Проект «Кабардино-Балкария и соотечественники: народная дипломатия стирает границы» – победитель фонда Президентских грантов (<https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=C202104B-8F2A-48C6-89B2-EA86CEDB858B>) (дата обращения: 15 января 2021 г.).

² <https://regnum.ru/news/society/2668998.html> (дата обращения: 17 января 2021 г.).

³ Постановление Правительства КБР от 31 июля 2019 г. № 136-ПП «О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Оказание содействия добровольному переселению в Кабардино-Балкарскую Республику соотечественников, проживающих за рубежом» (https://pravitelstvo.kbr.ru/index.php?ELEMENT_ID=26677) (дата обращения: 20 декабря 2020 г.).

⁴ Там же.

дился в депортации, история народа все эти годы не изучалась; более того, о балкарцах ни в одном из исторических трудов, подготовленных в эти годы, не упоминалось. В 1957 г. в Кабардино-Балкарии праздновали 400-летие присоединения Кабарды к России, балкарцы отмечали это событие вместе с кабардинцами. По умолчанию получалось, что балкарцы вошли в состав России с кабардинцами. Лишь в 2007 г. в республике балкарцы провели праздничные мероприятия в честь 180-летия со дня присоединения балкарского народа к России¹. В 2012 г. балкарцы праздновали 185-летие данного события², в 2017 г. – 190-летие³. Архивная служба республики устроила выставку в честь 190-летия вхождения Балкарии и в честь 460-летия присоединения Кабарды к России⁴. С начала 1990-х годов присоединение Кабарды к России трактуется как заключение военно-политического союза между Кабардой и Россией⁵.

В январе 2018 г. группа балкарских активистов обратилась к тогдашнему главе КБР Юрию Кокову с просьбой официально установить дату вхождения Балкарии в состав Российской империи. По указанию главы КБР была создана рабочая группа, и с того времени вопрос находится в режиме рассмотрения. При отсутствии реакции со стороны республиканских властей собрания балкарских активистов приняли решение обратиться к федеральным властям с просьбой об установлении праздничной даты. По мнению депутата Парламента КБР Далхата Байдаева, для установления даты вхождения Балкарии в состав России должен быть издан соответствующий указ. Он также отметил, что фактически балкар-

¹ Боттаев М. Вместе – 180 лет // <http://www.elbrusoid.org/articles/society/359325/> (дата обращения: 18 декабря 2020 г.).

² Оразаева Л. В Кабардино-Балкарии Дни вхождения Кабарды и Балкарии в состав России отметили отдельно //<https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/212119/> (дата обращения: 14 января 2021 г.).

³ Умаров С. О вхождении Балкарии в состав России//<https://xn----7sbablnnmsiu1dzd9c.xn--p1ai/analitika/414-o-vkhozhdenii-balkarii-v-sostav-rossii> (дата обращения: 15 января 2021 г.).

⁴ Шахманова М. Архивная служба КБР представила выставку, посвященную присоединению Кабарды и Балкарии к России // https://pravitelstvo.kbr.ru/oivg/archive/index.php?ELEMENT_ID=16730 (дата обращения: 18 декабря 2020 г.).

⁵ Дзамихов К.Ф. От военно-политического союза к колониальной политике // Советская молодежь, 1994; его же. Адыги: вехи истории. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. (исследования и материалы). – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 816 с.

цы более 15 лет отмечают эту памятную дату и теперь речь идет только о ее официальном признании. Д. Байдаев сказал, что ранее празднование присоединения балкарцев к России проводилось вопреки желанию республиканских властей, но теперь есть понимание на уровне Правительства КБР¹.

День возрождения балкарского народа и восстановления балкарской государственности отмечается 28 марта. В этот день в 1957 г. был издан Указ президиума Верховного Совета СССР о возвращении балкарского народа на историческую родину после 13 лет депортации в Среднюю Азию. Указ воссоздал Кабардино-Балкарскую АССР. Празднование этой даты началось с 1994 г., когда соответствующий указ был подписан Президентом КБР В. Коковым². В 2020 г. в связи с угрозой распространения коронавируса торжества по случаю возрождения балкарского народа были перенесены на более поздний срок. Об этом сообщил глава КБР К. Коков на своей странице в социальной сети Instagram. Он поздравил балкарский народ и отметил, что этот праздник олицетворяет восстановление исторической правды и справедливости, непоколебимость и непреходящую ценность единства, дружбы и братства народов Кабардино-Балкарии. Под постом жители республики оставили многочисленные комментарии со словами благодарности и поддержки³.

Религиозная ситуация. Муфтият КБР в январе с.г. в очередной раз выступил против пышных поминок, приверженность к которым большинства жителей региона не удалось преодолеть до настоящего времени. Еще в 2004 г. было принято постановление ДУМ «Об упорядочении похоронного обряда в Кабардино-Балкарии», в котором был наложен запрет на проведение финансово обременительных поминок, но верующие продолжают их практиковать. Следует отметить, что такую практику проводят, прежде всего, в кабардинских селах. Продолжается практика кормления и раздачи пакетов с продуктами. ДУМ КБР запретил проводить поминки на третий, седьмой, сороковой и пятьдесят втор-

¹ Маратова Л. Балкарцы назвали общественно важным подтверждение даты присоединения к России //<https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/344523/> (дата обращения: 18 января 2021 г.).

² Указ Президента Кабардино-Балкарской Республики от 25 марта 1994 г. № 19 «Об установлении дня возрождения балкарского народа» (<https://base.garant.ru/30516382/>) (дата обращения: 23 декабря 2020 г.).

³ <https://tass.ru/obschestvo/8104303> (дата обращения: 23 декабря 2020 г.).

рой день после смерти, а также через полгода и год. Но жители республики продолжают придерживаться установившихся правил и порой вынуждены брать кредиты, чтобы провести разорительные похоронные обряды. Имамы ведут разъяснительную работу, некоторые из них отказываются принимать участие в похоронах, однако переломить ситуацию не удается¹.

Коронавирус внес существенные изменения в проведение похорон. В первое время, не осознавая опасности, люди приходили в дом, где был покойник, не надевая масок. Это привело к росту числа заболеваний. Исламские деятели КБР, правоохранительные органы провели большую разъяснительную работу об опасности коронавируса и правилах поведения в этот период. Не сразу, но люди осознали опасность и сократили посещение семей умерших для выражения соболезнований. В практику вошло выражение соболезнования по телефону или посещение родственников после завершения похорон. Принятый Советом улемов Духовного управления мусульман России (ДУМ РФ) документ² о порядке захоронения умерших после заражения коронавирусом, допускающий кремацию тел на Северном Кавказе, был фактически проигнорирован³. Жители КБР выражают недовольство запретами ВОЗ и Роспотребнадзора на традиционные элементы похоронного обряда, а также на принуждение хоронить без обмывания и без савана. В социальных сетях пишут о том, что необдуманная политика и ненужные запреты способствовали моральному подавлению верующих старшего возраста, которые не столько боялись умереть, сколько быть похороненными без положенных по мусульманскому обычайю обрядов.

Профилактика экстремизма и терроризма. В Кабардино-Балкарии с начала 2000-х годов отмечались вылазки религиозных экстремистов и террористические акции. Наиболее масштабная акция была совершена 13 октября 2005 г., когда силовые структуры Нальчика подверглись нападению боевиков. В результате нападения погибли 35 сотрудников силовых структур и 15 гражданских

¹ Муратова Л. Муфтият КБР назвал пышные похороны противоречащими исламу//<https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/345235/> (дата обращения: 13 декабря 2020 г.).

² Fatwa-COVID-19.doc : <https://umma.ru/fetva-dum-rf-po-covid-19-koronavirusu> (дата обращения: 23 декабря 2020 г.).

³ Рекомендации по порядку захоронения умерших с подтвержденным заражением новой коронавирусной инфекцией (приложение № 1 к письму Роспотребнадзора от 20.04.2020 г. № 02/7365-2020-24) // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=365283> (дата обращения: 27 декабря 2020 г.).

лиц, 129 силовиков и 66 гражданских лиц были ранены. В результате боев в городе убиты 95 боевиков. В 2006–2008 гг. ситуация в КБР была относительно спокойной, а с 2009 по 2013 г. по числу экстремистских и террористических вылазок республика стала одной из наиболее «горячих точек» в регионе. С 2014 по 2018 г. ситуация нормализовалась (отдельные вылазки отмечались, но их частота значительно снизилась), чему в немалой степени способствовали меры по противодействию экстремизму и работа правоохранительных органов.

В марте 2020 г. силовики КБР получили информацию о подготовке теракта. При попытке задержать трех подозреваемых близ села Кременчуг-Константиновское в Баксанском районе произошла перестрелка, в ходе которой предполагаемые боевики были убиты¹. Двое из убитых – жители селения Дыгулубгей, которые в прошлом были осуждены по делу о незаконном обороте взрывчатых веществ и взрывных устройств. Спецоперация в Баксанском районе стала первой с февраля 2019 г.

По заявлению правоохранителей 22 июля при попытке задержания в Чегемском районе были убиты четыре члена запрещенной в России террористической организации «Исламское государство», которые готовили теракт. Силовики в лесу у села Лечинкай обнаружили в оборудованном для длительного пребывания лагере вооруженных людей, которые на требование сдаться начали стрелять и были ликвидированы ответным огнем².

В целом с 2014 г. в результате предпринятых правоохранительными органами мер в республике значительно снижена террористическая активность участников религиозных экстремистских групп, бандподполье, действовавшее на территории республики, практически ликвидировано. Вместе с тем опасность экстремистских и террористических вылазок сохраняется. Это обуславливает необходимость постоянного совершенствования работы с учетом складывающейся обстановки. В связи с этим в КБР принятия Программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике» (на 2021–2025 гг.). Соответствующее Постановление Правительства КБР от 16 декабря 2020 г. № 288-ПП «О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики “Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-

¹ <https://www.interfax.ru/russia/700455>(дата обращения: 23 декабря 2020 г.).

² <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/352219/>(дата обращения: 21 декабря 2020 г.).

Балкарской Республике”»¹ подписано председателем Правительства КБР А. Мусуковым. Решение проблемы программными методами позволит обеспечить системность, последовательность и наступательность мер, направленных на профилактику терроризма и экстремизма.

Одной из сложных проблем в Кабардино-Балкарии является земельный вопрос. В КБР члены колхоза имени Петровых вышли на митинг в защиту хозяйства. По мнению митингующих, 13,5 тыс. га сельхозугодий в станицах Екатериноградская и Приближная Прохладненского района пытаются захватить рейдеры, заявляя, что они «инвесторы». Обращения к муниципальным властям проблему не решили. Люди просят главу КБР К. Кокова и руководство МВД республики защитить их от мошенничества с землями, отметив, что 49-летний мораторий на продажу сельхозземель в КБР был принят еще при первом президенте республики – В. Кокове². По словам председателя колхоза А. Дегтяренко, с 2016 г. хозяйство испытывало трудности с денежными средствами из-за засухи, и при этом колхоз не получал никаких дотаций. В этих условиях денежные средства были перенаправлены на выплату зарплаты, на оплату коммунальных услуг, на дизтопливо, на погашение кредита (в противном случае начисляются пени), на семена. Деньги пошли также на оплату лизинга, газа и электроэнергии. На все эти операции имеются соответствующие документы, с которыми ознакомились следователи и увидели, что деньги тратились на нужды хозяйства. Следователи указали, что надо было в первую очередь платить налоги. Надежды руководства на то, что колхоз войдет в инвестиционную программу и получит возможность решить все проблемы, обернулись еще более крупными проблемами, так как предполагаемый инвестор обманул руководство и членов колхоза. Поверив в заверения инвестора, колхозники провели в августе 2019 г. общее собрание членов колхоза и одобрили создание нового предприятия – ООО «Агрокомплекс “Екатериноградский”» со 100%-ной долей колхоза. Агрокомплексу должны были на пять лет передать в субаренду массив площадью 7033 га для реализации инвестиционных программ животноводства. Председатель колхоза подписал договор, а когда получил его копию, обнаружил,

¹ <https://pravitelstvo.kbr.ru/pravitelstvo/docs/288.pdf> (дата обращения: 28 декабря 2020 г.).

² Чернышева М. В казачьих станицах идут митинги в защиту своей земли// <https://sk-news.ru/news/authority/65551/> (дата обращения: 23 декабря 2020 г.).

что договор по сути отличается от того, за который голосовали станичники. В полученной им копии речь шла о переуступке прав и обязанностей на 42 года всего массива земли колхоза площадью 13,5 тыс. га. Более того, бенефициаром земель оказывалось созданное в феврале 2020 г. ООО «НПК «Новое время»¹. Председатель колхоза обратился к правоохранительным органам². Судебные тяжбы идут до настоящего времени.

Земельный вопрос в ст. Екатериноградской имеет не только экономическую, но и политическую подоплеку³. По мнению лидера коммунистов КБР, депутата Парламента КБР Бориса Паштова, в республике есть только два коллективных хозяйства: имени Петровых и «Ленинцы». В колхозе им. Петровых трудится преимущественно русская часть населения КБР. Теряя экономическую основу своей жизни, люди мигрируют за пределы республики, меняется национальный состав населения региона, а это не способствует его консолидации. Кроме того, небольшие хозяйства гораздо устойчивее агрохолдингов и лучше обеспечивают сельское население работой. Кабардино-балкарские региональные организации КПРФ и ЛДПР считают, что земля должна быть возвращена колхозникам, и хотят оказать в этом всю возможную помощь⁴.

Жители села Совхозное на протяжении ряда лет поднимают вопрос о земле. Земля находится в аренде у нескольких собственников, а более 2 тыс. га незарегистрированной земли в селе Совхозное Зольского района обрабатываются без проведения торгов, и кто ею распоряжается, неизвестно. Они требуют разделить землю на участки и провести аукционы, в которых смогут участвовать местные жители.

Земельный вопрос обсуждали осенью в офисе Ассоциации жертв политических репрессий в Нальчике. На собрании глава Ассоциации жертв политических репрессий М. Шахмурзов заявил, что землю, которая после реорганизации колхозов и совхозов оказалась у крупных собственников, следует вернуть жителям Кабар-

¹ Маратова Л. Глава колхоза Петровых объяснил неуплату налогов проблемами хозяйства (<https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/355969/>) (дата обращения: 21 декабря 2020 г.).

² Измайлова П. Как казаков лишили земли, воли и работы (<https://akcent.site/5/11437>) (дата обращения: 20 декабря 2020 г.).

³ <https://eacs.center/news/v-kbr-chleny-kolhoza-imeni-petrovyh-vyshli-na-miting-v-zashitu-hozyajstva> (дата обращения: 23 декабря 2020 г.).

⁴ https://akcent.site/mneniya/11457?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 25 декабря 2020 г.).

дино-Балкарии. А руководитель Совета старейшин балкарского народа И. Сабанчиев отметил, что необходимо провести конференцию по земельному вопросу¹.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Абдулагатов З.М.*

**ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ
В СИСТЕМЕ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
(Окончание)**

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.04

Аннотация. Автор на основе социологических опросов разных лет показал экстремальность религиозного сознания мусульман, обучавшихся в исламских учебных заведениях Республики Дагестан. Показана статистика исламского образования в республике. Выявлены факторы, усиливающие роль религиозного мировоззрения в социализации молодежи Дагестана. Обсуждаемые вопросы рассмотрены с позиций интересов светского государства в решении проблем общественной стабильности, формирования светской правовой культуры, противодействия религиозному экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: экстремальность сознания; исламские учебные заведения; Дагестан; Россия; фундаментализм; экстремизм; общеобразовательная школа.

¹ Маратова Л. Активисты в Кабардино-Балкарии потребовали прозрачного распределения земель // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/355784/> (дата обращения: 26 декабря 2020 г.).

* Абдулагатов З.М., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН (г. Махачкала), e-mail: zaid48@mail.ru

© Абдулагатов З.М., 2021

К статистике исламского образования в современном Дагестане

По данным обзора Дагестанской области, в 1892 г. в Дагестане насчитывалось 646 мусульманских примечетских (начальных) школ, где обучались 4306 учащихся. Соотношение мактабов и медресе находилось в пределах 15:1¹. Усвоение программы медресе позволяло переводить Коран, грамотно писать на арабском. Медресе имело две разновидности – среднее и высшее медресе. К 1978 г. официально действующих мечетей в Дагестане было всего 27. Тем не менее ни одной примечетской школы, тем более – медресе, на тот период в Дагестане не было. Кадры мусульманского духовенства России в основном готовили в расположенному в Бухаре медресе «Мир-Араб», а также в исламском институте им. имама Аль-Бухари в Ташкенте. Зарубежное исламское образование могли получать единицы из одаренных учащихся, успешно прошедших соответствующие конкурсы. Как считают эксперты, подпольных исламских учебных заведений на территории России в доперестроечное время было много. На 1998 г. зарегистрировано уже 108 учебных заведений, которые в целом были средними учебными заведениями, хотя некоторые из них формально именовались высшими². К началу XXI в. количественные показатели исламской образовательной системы в РД резко пошли вверх, о чём свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1
Мусульманские учебные заведения РД на 01.02.2001³

Всего учебных заведений	Высшее			Средние			Начальные	
	Вузы	Обуч-ся	Филиалы вузов	Обуч-ся	Медресе	Обуч-ся	Примечетские школы	Обуч-ся
438	17	2835	44	2045	132	5329	245	3306

¹ Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. Издательская фирма «Восточная культура». – М., 2001. – С. 87.

² Религии России. Учебное, справочно-аналитическое пособие по вопросам государственно-конфессиональных отношений и религиоведению. — М., 2009. – С. 61.

³ Религии и религиозные организации в Дагестане. Справочник. Махачкала. – 2001. – С. 98–100.

В общей сложности в исламской системе образования РД к началу 2001 г. обучались 13 515 человек. Этот показатель в два раза выше аналогичного показателя 1913 г.

К концу 2002 г., как показывают официальные данные, количество студентов в исламских вузах выросло. Всего в 2002 г. обучались исламу около 17 тыс. человек, в том числе: в медресе – более 5700 человек, в начальных школах – более 4200 человек.

Дальнейшее развитие ИУЗ показывает, что после 2005 г. идет снижение количества учащихся в медресе, мактабах, вузах. Резко снизилось количество мактабов.

Таблица 2

**Вузы, медресе, мактабы в Республике Дагестан.
2005–2012 гг.¹**

Годы	Вузы			Медресе			Мактабы		
	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012
Всего учебных заведений	16	16	15	132	116	79	278	94	201
Число обучающихся	2600	2500	1770	4400	3000	2970	4000	700	–

Тенденция к снижению показателей исламского образования в РД продолжалась и после 2012 г. По данным, полученным из Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан, на 1 января 2021 г. в республике функционировали 6 исламских высших учебных заведений, в которых обучались 624 студента; 16 медресе и 1 филиал медресе – 1310 учащихся; 173 примечетские начальные школы (мактабов) – 4527 учащихся. Всего обучающихся в исламских учебных заведениях на 1 января 2021 г. – 6461 человек.

Достоверность статистики по примечетским школам низкая, так как они стихийно возникают и прекращают свою деятельность.

Официальная статистика не интересуется сведениями об исламском образовании, которое проводится отдельными людьми на дому. В то же время это важный сегмент начального исламского

¹ См.: Ханбабаев К.М. Состояние и проблемы исламского образования в Республике Дагестан // <http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/s/pedagog-hanbabeb.htm> (дата обращения: 20.05.2012); Гереев Р. Аккредитовать? Лицензировать? Помиловать? // Настоящее время. 2012.

образования. Именно на этом этапе приобретаются и закрепляются фундаментальные мировоззренческие основы личности. По данным социологического опроса 2019 г., проведенного автором среди учащихся общеобразовательных школ РД, в начальный сегмент исламского образовательного процесса вовлечено значительно больше молодых людей относительно официально данных по мактабам.

Вовлеченность учащихся общеобразовательных школ РД в исламский образовательный процесс показана в Диаграмме 1.

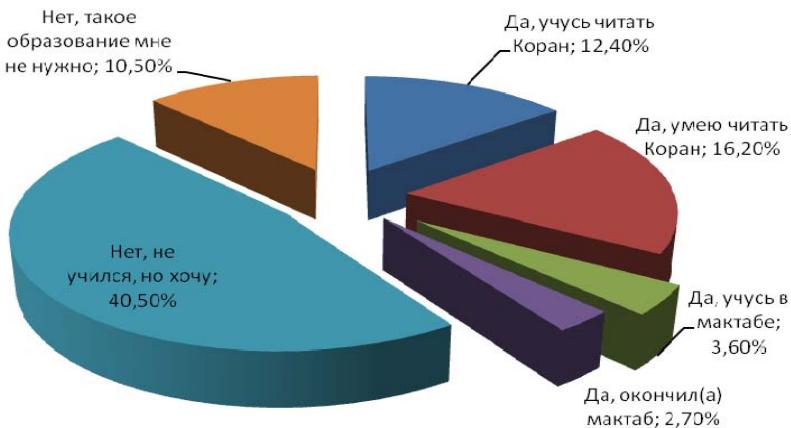

Диаграмма 1
**Распределение ответов на вопрос: «Учились ли Вы (или учитесь параллельно) религиозным наукам?»
РД. 2019 г. Ученики (в %)**

Согласно Диаграмме 1, более одной трети старшеклассников общеобразовательной школы (общий – 34,0%; мальчики – 41,7%; девочки – 30,7%) имеют или получают исламское образование. 34,0% от общего количества учащихся муниципальных и государственных общеобразовательных школ РД (всего – 413 230 учащихся¹) составляют около 27 000 человек. Разумеется, что эта группа

¹ Основные показатели в сфере образования Республики Дагестан за 2019/2020 учебный год. Статистический сборник / http://www.dagminobr.ru/storage/files/2020/Itogovie_Svedeniya_O_Deyat/statsbor_26_02_20.pdf (дата обращения: 6.02.2021 г.).

не просто учится Корану, арабскому письму, но и получает соответствующие исламу мировоззренческие и нормативные знания. Если учесть, что еще 40,5% хотят получать такое образование, то необходимо признать, что это стремление к сакральным знаниям охватило более трех четвертей (74,5%) школьников. Это важный фактор формирования религиозного сознания молодежи, который на Северном Кавказе, в отличие от Поволжья, не имеет своих научных исследований¹.

Исламская социализация в РД активно проводится религиозными лидерами, использующими возможности общеобразовательной школы. По данным опроса, более 60% учеников говорят о том, что в школе «часто» или «редко» беседы с ними проводят духовные лица.

Важным, систематически использующимся инструментом исламской социализации является курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), точнее, его модуль «Основы исламской культуры». В 2012 г. по исламскому модулю курса ОРКСЭ в школах Дагестана обучались 13 786, а в 2015 – 13 715 учащихся 4–5 классов. Это около 40% всех обучающихся по четырем модулям курса ОРКСЭ, имеющим место в образовательных школах РД. По мнению абсолютного большинства опрошенных учителей, содержание учебника, по которому ученик изучает «Основы исламской культуры», «в основном формирует религиозное мировоззрение, приобщает детей к религии, учит детей тому, что есть Бог, что вера в Бога необходима человеку» – 53,0%. О том, что оно формирует светское мировоззрение высказались всего 11,5% опрошенных. Необходимо заметить, что 91,6% опрошенных учителей считали себя верующими, что свидетельствует о непредвзятости выраженных оценок.

Экспертами, работающими в Российской академии наук, был сделан однозначный вывод о недопустимости использования имеющихся учебников по ОРКСЭ в школах РФ. По мнению А.В. Смирнова, члена-корреспондента РАН, доктора филос. наук, заместителя директора Института философии РАН (ныне – академика, директора Института философии РАН), ученые «фактически были полностью отстранены от подготовки четырех из шести модулей – тех модулей, в названии которых фигурирует название

¹ См.: Насибуллов К.И. Начальный сегмент мусульманского образования: итоги мониторинга примечетских курсов в Республике Татарстан // Исламоведение, 2015. № 1. – С. 29–41.

какой-либо из четырех религий. Эти модули... целиком, стопроцентно, категорически с самого начала были отданы конфессиям. Их писали не ученые. ...Российская академия наук как организация экспертизы не делала...»¹ В то же время государство заявляло о том, что курс ОРКСЭ должен быть светским, а не вероучительным.

Результаты социологических опросов

В ходе исследования были использованы результаты нескольких социологических опросов, проведенных автором. В качестве индикаторов экстремальности религиозного сознания опрошенных были использованы следующие показатели.

1. Отрицание необходимости адаптации исламских норм к современной общественной, государственной жизни.

2. Негативное отношение верующего к посещению «святых мест» (зияраты, мазары) мусульманами, определение суфииев как заблудших мусульман.

3. Признание верующим приоритета норм шариата относительно законов светского государства.

4. Негативное отношение к светской культуре, признание культуры арабо-мусульманского мира наиболее приемлемой для дагестанца.

5. Признание радикальных салафитов («ваххабитов») «истинными» мусульманами.

6. Одобрительное отношение к деятельности дагестанцев в ИГИЛ.

7. Негативное отношение к совместному проживанию с русским человеком.

8. Негативное отношение к патриотизму из религиозных побуждений.

9. Негативное отношение к светскому образованию.

10. Выражение исключительности религиозной идентичности для человека, второстепенности российской идентичности для мусульманина и др.

В данном тексте, в связи с ограничениями его объема, для выявления экстремальностей использована только часть приведенных индикаторов.

¹ Черноиванова А. Новый школьный предмет: «РПЦ выпускает джинна из бутылки». Интервью со Смирновым А.В. //<http://www.infox.ru/authority/state/2010/03/24/intvgyuu.ptml> (дата обращения: 25.11.2012 г.).

Главный вопрос, с которым связаны проявления экстремальностей сознания мусульманина, это вопрос адаптации к условиям современной жизни. Это светские нормы, законы, новшества, определенные изменениями в общественных отношениях, глобализационными процессами и др. Хорошо известны проблемы салафизма, который весьма ригористично решает не только вопросы своего отношения к светским нормам, но и отношения к иным течениям в исламе. С точки зрения общих проблем адаптации мусульманина к современным условиям, «традиционный» ислам в Дагестане, под которым сегодня понимают ислам суфийский, тарикатский, имеет почти те же проблемы. В узком смысле под исламским фундаментализмом в данном тексте понимается такое состояние религиозного сознания и социальное поведение, которые не соответствуют объективным требованиям жизни, общепринятым нормам, законам государства. Это проявления исламского сознания, которое не смогло «переварить жизнь» по причинам объективного или субъективного характера. Или не хочет этого делать из-за «твердости» религиозной позиции. Вследствие чего фундаменталистская адаптация понимается в качестве противодействия существующим нормам, ценностям. Это проявление «фундаментализма» имеет место как в салафизме, так и в «традиционном» исламе, хотя и в разной степени выраженности.

«Основной вопрос фундаментализма» – вопрос об отношении мусульманина к изменениям в исламе с целью соответствия времени в ходе опросов в Дагестане – был задан неоднократно. Опрос выявлял исключительно экстремальности сознания, которые могут препятствовать успешной светской социализации, способствовать экстремальному поведению, экстремизму.

Вопрос респондентам был задан в следующем виде: «Как Вы считаете:

- а) Исламская религия должна быть такой, какой она была при Пророке Мухаммаде?
- б) Мусульманская религия со временем должна меняться, так как меняется жизнь.
- в) Затрудняюсь ответить».

По данным опроса 2010 г. среди молодежи РД были получены следующие результаты:

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос, должна ли мусульманская религия меняться со временем, или должна оставаться такой, какой была при Пророке Мухаммаде. Группы по образованию.
Опрос 2010 г. Молодежь (в %)

Группы по образованию	Группы по отношению к адаптации			
	«Фундаменталисты» (Мусульманская религия должна быть такой, какой была при Пророке Мухаммаде)	«Модернисты» (Мусульманская религия со временем должна меняться, так как меняется жизнь)	Затрудняюсь ответить	Ранг
Начальное (4–6 кл.)	50,0	33,3	16,7	9
Среднее базовое (9 кл.)	73,3	6,7	10,0	5
Среднее общее (10–11 кл.)	74,5	11,3	9,9	4
Среднее спец.	71,7	6,5	8,7	6
Незаконч. высшее (после 3 курса вуза)	64,6	11,0	15,9	8
Высшее светское	67,4	5,8	20,9	7
Мусульманское нач. (мактаб, примеч. школа)	100,0	0,0	0,0	1
Мусульманское среднее (медресе)	84,6	1,9	1,9	3
Мусульманское высшее	91,7	8,3	8,3	2
Преподаватель исламского учебного заведения	100,0%	0,0	0,0	1
Духовное лицо	100,0%	0,0	0,0	1

«Фундаментализм» у респондентов с исламским образованием оказался значительно выше, чем у мусульман, получивших только светское образование. Влияние на процесс фундаментализации исламского сознания со стороны носителей исламской нормативности – преподавателей ИУЗ, духовных лиц – очевидно. Тот же вопрос был задан в 2016 г. в ходе исследования состояния исламского образования в РД. «Фундаментализм» среди учащихся и студентов ИУЗ как средний показатель и в данном случае оказался достаточно высоким – 91,1%. Заметим, что по неоднократным опросам населения РД в целом, а не только молодежи, данный показатель был немногим более 50%, максимальный – 52,1% (2007). Кабардино-Балкария – 52,8% (2011), Чечня – 86,7% (2011)¹.

¹ Абдулгатов З.М. Исламское массовое сознание постсоветской России. – Махачкала, 2013. – С. 164–165.

Несмотря на то что выявленная группа «фундаменталистов» в ответах на другие вопросы анкеты снижала свой уровень «фундаментализма» – в отдельных ответах до 30% и ниже, в ней устойчиво сохранялось жесткое ядро, которое отличало ее от других групп опроса худшими показателями социальной адаптируемости.

Опросы затронули актуальный для современного мусульманства и государства вопрос об отношении к законам государства. Смысл исламского отношения к законам светского государства заключается в том, что они оцениваются как второстепенные, «второсортные», придуманные людьми, меняющиеся со временем. Тем не менее мусульманин в «традиционном» исламе, в исламе умеренном может следовать законам государства, но не может допускать мысли, что они выше шариатских¹. В радикальном салафизме, в религиозно-политическом экстремизме, эта позиция находит крайнюю форму своего проявления: а) мусульманину нельзя судить или присягать суду шайтанских (сатанинских) законов, помимо законов, ниспосланных Аллахом; б) мусульманин не может предоставлять «право законотворчества кому-либо, кроме Аллаха (издает законы только Аллах)»². Практическую реализацию второй из этих позиций мы видим в деятельности радикальных салафитов на Северном Кавказе.

Одним из вопросов, с помощью которых выявлялась экстремальность исламского сознания респондента, был вопрос о шариате и законах государства.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, нормы шариата выше законов государства?» – по характеру и уровню образования респондентов. Опрос 2010 г. № – 574. Молодежь (в %)

Группы по образованию	Варианты ответа			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Ранг
Начальное (4–6 классов)	16,7	16,7	33,3	9
Среднее базовое (9 классов)	46,7	26,7	16,7	6
Среднее общее (10–11 классов)	50,0	16,8	26,3	5
Среднее специальное	43,5	26,1	21,7	7
Незаконч. высшее (после 3 курса вуза)	53,7	17,1	23,2	4
Высшее светское образование	43,0	19,8	27,9	8
Мусульманское начальное (мактаб, примеч. школа)	71,4	0,0	28,6	3
Мусульманское среднее (медресе)	88,5	1,9	7,7	2
Мусульманское высшее	100,0	0,0	0,0	1

¹ Такfir // Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. – М., 2007.

² Из записей ученика ваххабитского медресе. См.: Ярлыков А.А. Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе. – М., 2000. – С. 7.

Как оказалось, во-первых, для респондентов с исламским образованием нормы шариата имеют значительно более высокую значимость, по сравнению с законами государства. Во-вторых, с ростом уровня исламского образования значимость религиозной нормативности для респондента также имеет тенденцию к росту. В-третьих, по сравнению с респондентами со светским образованием, респонденты, получившие образование в ИУЗ, примерно в два раза больше заявляют о приоритете шариатских норм. Это показывает отрицательное влияние исламской социализации, особенно в сфере исламского образования, на формирование правовой культуры молодежи.

Влияние норм шариата на правовую культуру обучающихся в ИУЗ было конкретизировано вопросом о служебном поведении мусульманина.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как поступить мусульманину, если выполнение служебных обязанностей противоречит нормам Шариата?» РД. 2016 г. (в процентах к числу ответов). № – 776

Группы опроса	Варианты ответа					
	Мусульманин не должен при выполнении служебных обязанностей делать что-либо противоречащее Шариату	Выполнение служебных обязанностей обязательно. При этом нарушения норм Шариата допустимы	Соблюдая служебные нормы можно нарушить положения Шариата, но нельзя в душе считать, что эти нормы выше норм Шариата	Затруднение ответить	Что другое? (напишите)	
Молодежь	52,0	6,6	14,9	21,3	0,7	
Старшее поколение	31,6	19,4	19,8	21,7	2,8	
Верующий	48,1	8,8	17,2	19,5	1,2	
Неверующий	25,6	27,9	11,6	18,6	4,7	
Город	39,4	13,9	15,8	24,5	1,6	
Село	49,6	9,6	16,2	18,7	1,3	
Светские учебные заведения	52,3	6,4	14,8	21,5	0,6	
Религиозные учебные заведения	68,2	13,6	0,0	9,1	0,0	
Общее	44,7	11,1	16,6	21,4	1,4	

О необходимости следования шариату вопреки служебным обязанностям значительно больше других групп опроса говорят обучающиеся в ИУЗ – 68,2%. Умеренную для мусульманина пози-

цию: «соблюдая служебные нормы можно нарушить положения Шариата, но нельзя в душе считать, что эти нормы выше норм Шариата», – ни один из обучающихся в ИУЗ не выбрал. В Дагестане неоднократно разоблачали сторонников «вахабизма» во властных структурах. Глава республики и министр МВД говорили о «предателях среди своих». Среди них оказались мэр г. Махачкалы, руководитель Пенсионного фонда республики, работники МВД РД.

В настоящее время в государственных печатных СМИ РД почти не используются термины «религиозный экстремизм», «религиозно-политический экстремизм». Исламские лидеры активно возражают против сочетания слов «ислам», «экстремизм», «терроризм». 1 декабря 2014 г. на встрече с религиозными лидерами в рамках II Конгресса религиозных деятелей Северного Кавказа глава РД на тот период Р.Г. Абдулатипов заявил: «Я запретил в Дагестане употреблять выражение “исламский экстремизм и терроризм”»¹.

Как показано ниже в табл. 6, религиозный фактор играет существенную роль в возможном протестном поведении молодых мусульман РД, а в ИУЗ он является доминирующим с большим опережением других причин.

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос: «В каком случае
Вы могли бы проявить неповиновение государству?»**

**Религиозные и светские учебные заведения.
РД. 2013 г. (в %). № 855**

Группы опроса	Варианты ответа					
	Если законы противоречат моей вере	Если законы, касающиеся моих жизненных интересов, не исполняются	Ни в каком, так как всякая власть от Бога	Если закон не справедлив	Если законы будут нарушать прокуратура, суды, полиция, власть	Затрудняюсь ответить
Религиозные учебные заведения	50,0	1,7	6,9	13,8	12,1	10,3
Светские учебные заведения	18,0	7,9	6,4	25,0	19,6	21,1

¹ Цит. по: Ярахмедова Г. Встреча с религиозными лидерами // Дагестанская правда. 2 дек. 2014.

Одной из сложных проблем современной России является низкий уровень патриотического сознания населения, особенно молодежи. Госдума не смогла принять представленные в 2018 г. на обсуждение проекты двух законов – «Закона о Российской нации» и «Закона о патриотическом воспитании в РФ», что говорит о серьезных проблемах идеологического характера в сфере воспитания вообще. Факторов негативного влияния на российский патриотизм много. Как показывают опросы, одним из значимых факторов такого характера на Северном Кавказе является состояние исламского сознания мусульман. В регионе на страницах печатных СМИ, изданиях Муфтията РД, в деятельности Комитета по делам молодёжи РД имело место открытое противодействие воспитанию российского патриотизма, необходимости для мусульманина надлежащего исполнения служебных обязанностей, если даже они мешают шариатским нормам. Популярная в РД многотиражная газета «Новое дело», отвечая на вопрос читателя: «Может ли мусульманин быть патриотом не шариатского государства?», дает ответ: нет, не может¹. Генеральный секретарь Всемирного союза мусульманских ученых (ВСМУ), шейх Али Мухиддин аль Карадаги, пребывая в республике в 2014 г., дал такие наставления дагестанским мусульманам: Дагестан является территорией Ислама, «а значит, на нее должны распространяться законы территории ислама, а ее правители должны стремиться к применению норм Шариата»², «вы обязаны жить по Шариату»³, «соблюдение законов, не противоречащих Шариату»⁴, «служение Родине, с тем чтобы такой патриотизм не противоречил религиозной преданности в рамках достижения блага»⁵. Результаты опроса о патриотизме в дагестанском сознании представлены в следующей таблице.

¹ Новое дело. 14.12.2012. С. 27. Рубрика «Вопрос-ответ».

² Фетва о приемлемости термина дар ас-салам ва ль-ислам к Дагестану и подобным ему областям // www. Kavkaz-uzel.ru/articles/21435/ (дата обращения: 3.11.2014 г.).

³ Материалы международной богословской конференции «Российские мусульмане: права и обязанности». – Махачкала, 2014. – С. 47.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же.

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, может ли мусульманин быть патриотом не шариатского (исламского) государства?»
РД. 2016. (в %).**

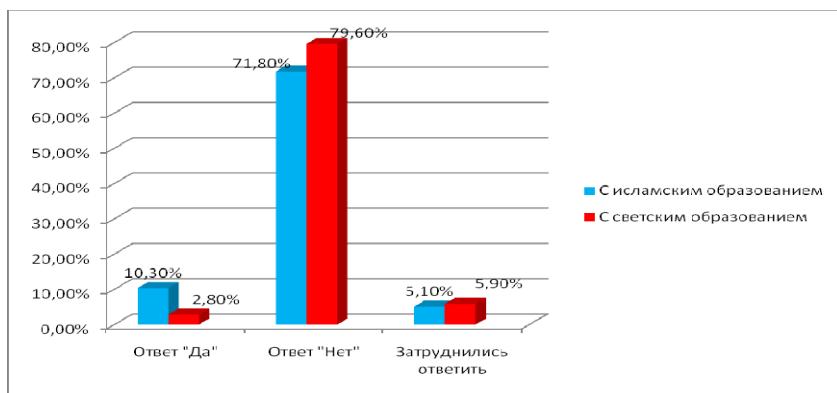
Группы опроса	Варианты ответа		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Молодежь	41,0	19,3	21,3
Старшее поколение	53,4	13,8	16,2
Учащиеся, студенты светских учебных заведений	43,3	18,9	23,0
Учащиеся, студенты религиозных учебных заведений	22,7	31,8	22,7
Духовные лица	40	50	10
Рабочие, крестьяне	44,2	23,1	15,4
Служащие	54,5	13,8	15,0
Город	45,5	14,2	20,0
Село	44,1	21,8	18,7
Общее	44,7	18,4	19,3

По данным опроса наименьший российский патриотизм выражают учащиеся и студенты религиозных учебных заведений и представители исламского духовенства. Отрицательное влияние религиозного сознания на патриотизм больше выражено в позиции молодежи. Это обстоятельство говорит о возможном усилении в будущем религиозной мотивации в отходе населения РД от позиций российского патриотизма.

Негативное влияние исламского образования на российский патриотизм в том же опросе подтверждается отношением респондентов к русскому человеку. Отношение к русскому человеку является одним из индикаторов российского патриотизма, российской идентичности. Жить с русским человеком в определенных условиях, когда рядом нет представителей своего этноса, в начале 90-х годов прошлого века изъявили желание от 40 до 50% представителей дагестанских этносов. Они же выбирали друг друга (аварец – даргинца, кумык – лакца и т.д.) в пределах 4–8%. Через более чем 15 лет желание жить с русским человеком у дагестанцев сильно убавилось – до 14,4% в общей выборке. Причем, что важно в связи с обсуждаемым вопросом, среди тех, кто считает себя, прежде всего, «гражданином России», таковых 17,1%, «мусульманином» – 11,2%. У верующих этот показатель равен 14,1%, у «неверующих» – 27,8%. Среди учащихся, студентов исламских учебных заведений не оказалось никого, кто изъявил желание жить с представителем

русского народа в условиях, когда рядом нет представителей своего этноса.

В 2016 г. деятельность ИГИЛ была весьма активной. Многие молодые дагестанцы уезжали в Турцию, не заявляя о своей цели, а затем переправлялись в Сирию и присоединялись к ИГИЛ. Опрос показал наличие в мусульманской среде дагестанцев поддержки деятельности ИГИЛ – 4,1% в целом по выборке. Молодежь – 4,8%, старшее поколение – 2,0%. В общей выборке заявивших, что они могут по тем или иным причинам оказаться в рядах воюющих на стороне ИГИЛ, оказалось 2,7%. Это в перерасчете на людей составляет примерно 60 000 человек взрослого населения РД. Сравнение светского и исламского учебных заведений в ответах на данный вопрос показало, что у респондентов с исламским образованием экстремальность сознания выражена значительно больше. (См.: Гистограмма 1.)

Гистограмма 1
**Распределение ответов на вопрос:
«Могли бы Вы по каким-либо причинам оказаться
в рядах воюющих на стороне ИГИЛ?» РД. 2016 г.
Группы со светским и религиозным образованием**

10,3% опрошенных с исламским образованием утверждают, что они могут оказаться в рядах ИГИЛ. Еще 5,1% обучающихся затруднились с ответом, т.е. нет уверенности в том, что они не станут участниками экстремистской, террористической деятельности, которая по сути ведётся против России. Это высокие показа-

тели экстремальности исламского сознания обучавшихся в ИУЗ Республики Дагестан.

Основные выводы

1. Исламские учебные заведения РД имеют широкие возможности в реализации программ мусульманского образования и воспитания молодёжи. Несмотря на то что в последние годы наведён порядок в вопросах лицензирования и аккредитации ИУЗ, государственная статистика не даёт полных, достоверных сведений о степени вовлечённости молодёжи республики в исламский образовательный процесс. Это касается образовательной деятельности примечетских школ, и в особенности – домашнего (индивидуального и коллективного) обучения религии.

2. Общеобразовательная школа потеряла светскость. По оценкам ведущих ученых РАН, а также преподавателей курса ОРКСЭ в общеобразовательной школе, учебники религиозного модуля ОРКСЭ воспитывают в учениках 4–5 классов религиозность. Они имеют не культурологический, а вероучительный характер.

3. По разным причинам, в том числе и правового характера, более 40 000 учителей школ РД не задействованы в решении вопросов формирования светского мировоззрения учащихся. Это один из факторов усиления роли религиозного мировоззрения молодёжи РД.

4. ИУЗ усиливают имеющую место у молодежи РД экстремальность исламского сознания. У респондентов с завершенным исламским образованием, обучающихся в ИУЗ, выявлена максимальная среди групп опроса экстремальность исламского сознания. В частности, под влиянием исламского образования: а) снижаются показатели российского патриотизма; б) увеличивается возможность религиозно мотивированного неповиновения государству; в) формируется негативное отношение к совместному проживанию с русским человеком; г) снижаются показатели приверженности молодых мусульман к светской правовой культуре; д) исполнение служебных обязанностей становится не обязательным, если они противоречат нормам шариата; е) усиливаются фундаменталистские составляющие исламского сознания.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

2021.03.001. Сченснович В.Н.*
**ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**
(Сводный реферат)

1. Малышева Д.Б. Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности в Азии // *Россия и новые государства Евразии*, 2020. – № 4 (49). – С. 25–36.
2. Аземкулова А.Ш. Интеграция – важнейшее условие обеспечения безопасности стран Центральной Азии и роль политической элиты // *Вестник Дипломатической академии МИД Киргизии им. Казы Дикамбаева*, 2020. – № 13. – С. 19–24.

Ключевые слова: Центральная Азия; Шанхайский форум; ШОС; ООН; Россия; Китай; Афghanistan; безопасность; терроризм; экстремизм; наркотрафик; глобализация; регионализация; интеграция; политическая элита стран Центральной Азии; ОДКБ; АСЕАН.

Малышева Д.Б.,

доктор политических наук, ИМЭМО РАН

Аземкулова А.Ш.,

докторант, кандидат политических наук, доцент,
Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева

В статье Д.Б. Малышевой [1] определены основные направления деятельности ШОС в сфере поддержания региональной и международной безопасности. Анализируется роль этой организации в борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом и наркотрафиком.

ШОС (2001) – межправительственная международная организация, сформировалась на базе «Шанхайского форума» («Шанхайская пятерка») в составе четырех азиатских государств (Казахстан, Киргизия, Китай, Таджикистан) и трансконтинентальной России. К пяти участникам форума присоединился Узбекистан, сыгравший затем заметную роль в формировании повестки ШОС в сфере поддержания региональной стабильности. В организации возобладала тенденция к ее расширению за счет ведущих стран Азии. В 2005 г. в Джакарте был подписан Меморандум о взаимо-

* Сченснович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИИОН РАН,
e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

понимании между ШОС и АСЕАН. В качестве приоритетных документов определял такие области сотрудничества, как борьба с терроризмом, контрабандой наркотиков и оружия. В 2017 г. полно-правными участниками ШОС стали Индия и Пакистан; Афганистан, Иран и Монголия остались в статусе наблюдателей, а Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка явились партнерами по диалогу ШОС. У Туркменистана, СНГ, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), ООН в ШОС гостевой статус.

Таким образом, ШОС – если учесть численность населения государств-участников, их военно-политический потенциал – имеет все основания для превращения во влиятельную организацию, перед участниками которой в сфере безопасности стоят схожие вызовы. Это обстоятельство предопределяет важную роль ШОС в сфере поддержания мира и стабильности в Азиатском регионе.

Участие в ШОС центральноазиатских и южноазиатских государств, по убеждению автора, при благоприятном развитии событий могло бы создать в ШОС атмосферу взаимодополняемости, стимулировать внутрирегиональную кооперацию, способствовать отражению террористической угрозы, взаимодействовать в сфере энергетической безопасности, когда богатые углеводородными ресурсами центральноазиатские государства (преимущественно Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) становятся привлекательным рынком для энергодефицитных стран Южной Азии.

В вопросах укрепления безопасности на азиатском геополитическом пространстве ШОС особое внимание уделяет урегулированию пограничных проблем. Если с Китаем пограничные проблемы в основном были решены, то между самими центральноазиатскими государствами они и по сей день сохраняют актуальность. Это явление, оказывающее деструктивное воздействие на межгосударственные отношения в регионе, обусловлено тем, что в советское время между союзными среднеазиатскими республиками границы были определены нечетко, а их делимитация в постсоветский период, когда эти государства стали независимыми, затянулась. Теоретически посредником в пограничных спорах в постсоветской Центральной Азии могла бы выступать ШОС. Однако в ее рамках, помимо пограничной проблемы с Китаем, удалось завершить только процесс делимитации бывшей государственной границы СССР. А приграничные вопросы, существовавшие в Центральной Азии между пятью государствами региона, так и остались нерешенными. В то же время ШОС, как полагают некоторые эксперты, едва ли

сможет взять на себя посредническую функцию, ибо значительно большим доверием сторон, вовлеченных в регионе в пограничные споры (в частности, между Киргизией и Таджикистаном), пользуется Россия: для нее неопределенность границ является дестабилизирующим фактором, обостряющим отношения между государствами Средней Азии.

На поддержание безопасности нацелены заявления, принятые по итогам заседания 10 ноября 2020 г. в формате видеоконференции Совета глав государств – членов ШОС под председательством России: о сотрудничестве в противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет; о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности; о противодействии наркоугрозе. Входящие в ШОС страны, несмотря на растущую напряженность в различных районах мира, сумели достичь относительной устойчивости во многом благодаря эффективному взаимодействию в сфере безопасности в рамках Организации. Особенно успешным, подчеркивает исследователь, следует признать опыт практической работы ШОС в сфере противодействия терроризму, исламистскому экстремизму и наркотрафику. Участники ШОС исходят из того, что терроризму, как международному явлению, сложно противостоять в одиночку. Это общая угроза экономической, политической и социальной безопасности всех участников международного сообщества, включая и государства – члены Организации.

Практически все государства постсоветской Центральной Азии пострадали от деструктивной деятельности религиозно-экстремистских формирований, наибольшую известность среди которых приобрело «Исламское движение Узбекистана», вытесненное со временем на территорию Афганистана, а также «Партия исламского освобождения» (Хизб ут-Тахрир аль-Ислами). Утвердившиеся в Афганистане со времен правления талибов исламистские и террористические объединения («Аль-Каида» и др.) уже несколько десятилетий дестабилизируют общественно-политическую обстановку не только в самом Афганистане, но и в Китае, в Центральной Азии, других азиатских государствах. В последние годы исламистский террористический «интернационал» пополнился в Азиатском регионе за счет выходцев с Ближнего Востока – участников частично разгромленной в Сирии и Ираке террористической структуры «Исламское государство» (ИГ). Она пытается распространить свое влияние не только на Центральную и Южную Азию,

но и на юго-восток Азии, где Индонезия, Малайзия, Таиланд, ряд других стран, входящих в АСЕАН, стали жертвами террористической активности исламистских группировок.

ШОС, выступающая как ведущая многосторонняя структура по борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом и наркотрафиком, для противодействия им задействовала специально созданную Региональную антитеррористическую структуру (РАТС). В рамках этого подразделения ШОС проводятся военные учения, наложен обмен информацией относительно проникающих в регион террористических группировок. Предусмотрена и выдача преступников, подозреваемых в совершении террористических действий. Помимо антитеррористической борьбы, РАТС ШОС вовлечена в деятельность по противодействию нетрадиционным угрозам безопасности – торговле людьми и наркотиками, киберугрозам и пр. В 2019–2020 гг. РАТС сыграла координирующую роль в организации ряда конкретных мероприятий по обеспечению региональной безопасности. На регулярной основе проводятся антитеррористические командно-штабные учения «Мирная миссия», осуществлена пограничная операция «Солидарность – 2019–2021». В декабре 2019 г. на территории КНР в совместном антитеррористическом учении стран – членов ШОС по выявлению и пресечению использования сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях «Сямынь – 2019» – приняли участие представители компетентных органов Индии, Казахстана, КНР, Киргизии, Пакистана, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана. РАТС ШОС активизировала сотрудничество с международными организациями. В 2018 г. между РАТС, Антитеррористическим центром государств – участников Содружества Независимых Государств (АТЦ СНГ) и Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) был подписан «Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия». Согласно документу, стороны информируют друг друга о вызовах и угрозах террористического и экстремистского характера, проводимых и планируемых мероприятиях антитеррористической и антиэкстремистской направленности». Огромную долю ответственности за поддержание безопасности в рамках РАТС берет на себя Россия. Так, РФ совместно с Саудовской Аравией будет финансировать проект ООН по предупреждению незаконного оборота стрелкового оружия террористами в странах Центральной Азии. Именно в этом регионе в 2020–2021 гг. РАТС предполагает осуществить первый этап проекта ООН по предотвращению и пресече-

нию незаконного оборота стрелкового оружия и легких вооружений и их незаконных поставок террористам.

Особое место в деятельности ШОС занимает борьба с незаконным оборотом наркотических средств. В целях формирования эффективно работающей системы совместной борьбы с наркоугрозой ШОС в настоящее время прорабатывает перспективы реализации проекта по созданию в г. Душанбе Антинаркотического центра ШОС. Используя гибкую институциональную основу сотрудничества, ШОС охватывает в своей деятельности широкий спектр антинаркотической политики, проводя совместные оперативно-разыскные мероприятия и реализуя комплекс мер профилактического, медицинского и реабилитационного характера. Особую значимость приобрели в этой связи международные антитеррористические операции «Паутина», организованные ШОС (2019–2020). В сфере борьбы с наркоугрозой ШОС тесно сотрудничает с Управлением ООН по наркотикам и преступности – подразделением ООН, занимающимся проблемами незаконного оборота наркотиков, оружия, международным терроризмом. В 2019 г. при поддержке российского председательства в ШОС в Нью-Йорке состоялось мероприятие, посвященное проблеме наркотерроризма. Было заявлено, что средства, получаемые от продажи наркотиков, идут на подпитку деструктивной деятельности террористических организаций. Для азиатских стран это особенно актуально. Учитывая возникновение в дополнение к сухопутным маршрутам морских перевозок наркотиков из стран «опиумного золотого треугольника» (Таиланд, Мьянма, Лаос), что подрывает безопасность Индии и Китая, в ШОС считают перспективным наращивание взаимодействия с АСЕАН в борьбе с наркоугрозой.

Приоритетной задачей ШОС является сдерживание наркотрафика с территории Афганистана. В целом афганская проблема остается в фокусе внимания ШОС. Взаимодействие участников Организации осуществлялось продолжительное время в основном в рамках «Контактной группы ШОС – Афганистан» (КГ). Однако эффективных результатов КГ за время своего существования не достигла.

Исследователь отмечает в этой связи важную роль, которую играет в афганской проблеме Узбекистан. Это обусловлено, во-первых, тем, что на севере Афганистана проживает много этнических узбеков, а говорящие на узбекском языке составляют третью по численности (около 11%) после пуштунского и дари языковую группу Афганистана. Во-вторых, именно представители Узбеки-

стана на протяжении многих лет лидировали в руководстве ШОС, а значит – имели возможность определять повестку дня Организации по вопросу урегулирования афганской кризисной ситуации, в том числе и через учрежденный Узбекистаном в 2018 г. Центр народной дипломатии ШОС. Узбекская сторона в решении афганской проблемы не ограничилась форматами ШОС, поддержав функционировавшую в рамках ООН Контактную группу «6+2» по урегулированию ситуации в Афганистане (с участием Ирана, Китая, Пакистана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана + Россия и США). Узбекистан с начала 1990-х годов последовательно озвучивал политические инициативы по достижению мира в этой стране, предоставлял свою площадку для организации межафганских переговоров между официальным руководством Афганистана и движением «Талибан». Узбекистан ставит перед собой и задачу более активного вовлечения Афганистана в региональные торгово-экономические процессы, содействуя социальному восстановлению этой республики в рамках Контактной группы «ШОС – Афганистан». Такой подход поддерживал главный принцип внешнеполитической стратегии республики – сохранение максимальной «равнодаленности» от всех мировых центров силы.

Предпринятые ШОС дипломатические усилия по выводу Афганистана из затянувшегося военно-политического и экономического кризиса ощутимых результатов пока не принесли. Обстановка в Афганистане продолжает вызывать тревогу, поскольку она несет потенциальные риски в виде экспорта нестабильности и переноса террористической активности в сопредельные государства Центральной и Южной Азии. Беспокойство соседей Афганистана вызывает и расширяющееся присутствие в афганской конфликтной зоне «Исламского государства». Помимо афганской проблемы, перед ШОС стоит задача выработки стратегии в решении других узлов противоречий в Азии – китайско-индийского и индоПакистанского, учитывая, что стороны этих политических противостояний являются полноправными членами Организации.

ШОС, отмечает исследователь, если судить по ее официальным документам («Хартия ШОС», «Стратегия развития ШОС до 2025 года» и др.), избегает того, чтобы считаться военно-политической организацией. Есть и противодействие (в основном со стороны Китая) трансформации ШОС в объединение, берущее на себя интеграционную функцию и создающее наднациональные органы управления. В итоге на многие проблемы, порожденные задачами обеспечения региональной безопасности, ШОС реагирует в основном на

декларативном уровне. Предпочтение отдается решению этих проблем на уровне двусторонних межгосударственных контактов, а не в рамках ШОС или ее структур. На практике при решении многих проблем участники ШОС руководствуются национальными интересами и стратегиями развития. При этом расширение Организации за счет новых членов не обеспечило решимости в оперативном и конструктивном решении возникающих проблем.

Есть основания надеяться, считает автор, что затронувшая страны ШОС пандемия коронавируса, поставившая перед участниками Организации задачу адаптации к новым реалиям, вынудит их заняться активными разработками коллективного ответа на вызовы биологической безопасности. Одним из вариантов такого ответа может стать совмещение в рамках нового международного центра опыта России, сумевшей организовать эффективную работу по борьбе с COVID-19, с эпидемиологическими и фармацевтическими достижениями Китая и Индии.

А.Ш. Аземкулова [2] отмечает, что лидеры государств Центральной Азии предпринимают усилия для продвижения в своей политике идей интеграции государств Центрально-Азиатского региона в целях достижения безопасности и стабильного развития. Развитие современного мира определяется двумя тенденциями – глобализацией и регионализацией, которые ведут к развитию региональной интеграции. В нынешнем понимании региональная интеграция представляется формой и способом ответа мирового сообщества на глобальные вызовы и угрозы. Возникшие в настоящее время такие угрозы, как религиозный экстремизм, международный терроризм, международный наркотрафик, незаконная торговля оружием, экологические угрозы, ни одна страна мира не может преодолеть самостоятельно. Поэтому стремление к региональной интеграции свойственно всем регионам и государствам планеты, интеграционные процессы во всем мире оказывают в значительной степени определяющее воздействие на внешнюю политику. Взаимодействие экономик, языков, политических действий, культур ориентирует государства не на столкновение между собой, а на сотрудничество как диалог цивилизаций. Государства с помощью интеграционных процессов пытаются решить проблему международной безопасности.

Остро нуждается в развитии интеграционных процессов и регион Центральной Азии, где после распада Советского Союза на карте мира появились новые независимые государства: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Туркменистан. Несмотря на

общность истории, традиций и обычаев, сложившихся на протяжении веков, между государствами региона действуют как внутренние противоречия, так и угрозы мирового порядка. Прежде всего, это конфликтные потенциалы близлежащего Афганистана и Ферганской долины, социально-экономические проблемы стран региона, политические интересы ведущих государств мира. Ввиду того что Центральная Азия находится в центре Евразии, эти угрозы представляют опасность для национальной безопасности не только каждой страны региона, но и для других частей планеты. Поэтому идеи региональной интеграции в регионе весьма актуальны. Политическая элита государств Центральной Азии понимает эти проблемы. Руководящие элиты стран Центральной Азии еще в 90-е годы начали интеграционный процесс. Примером этого может служить создание таких структур, как «Центрально-Азиатское Экономическое Сообщество» (ЦАЭС) и Организация «Центрально-Азиатского Сотрудничества» (ЦАС).

Президенты И. Каримов и Н. Назарбаев заключили в 1994 г. в Ташкенте «Соглашение об общем экономическом пространстве», позже поддержанное лидерами Киргизии, Таджикистана и Туркменистана. В 1997 г. была подписана «Алма-Атинская декларация» для создания Зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии, реализованная затем в виде договора (Семипалатинск, 2006). В рамках ЦАЭС было подписано более 160 многосторонних документов о сотрудничестве и принято свыше 50 проектов в области экономики. По инициативе политических лидеров был заключен Договор между Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности сторон. Предпринимались также попытки налаживания военно-политической интеграции государств Центральной Азии. В 1994 г. руководители трех государств: Республики Казахстан Н. Назарбаев, Киргизской Республики А. Акаев, Республики Узбекистан И. Каримов подписали Соглашение о военно-техническом сотрудничестве. В 1995 г. между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном было заключено Соглашение об организации и формировании коллективного миротворческого Центрально-Азиатского батальона под эгидой ООН.

Но в то время, замечает автор, не все государства Центральной Азии принимали участие в интеграционных процессах. Так, в

Таджикистане шла гражданская война, и он был занят решением своих внутренних проблем. Лидер же Туркменистана выбрал политику «постоянного нейтралитета, не желая интегрироваться, преследуя свои национальные интересы. Таким образом, первые попытки интеграции в регионе в конечном итоге не привели к созданию единого интегрированного пространства. Этому был ряд причин, среди которых – разный уровень экономического и социального развития стран региона, политических реформ, претензии стран на расширение зон своего влияния за пределы собственных границ, борьба за региональное лидерство, этнокультурные конфликты. Однако проблема интеграции постоянно находилась в центре внимания политической деятельности руководящей элиты центральноазиатских государств. Большое внимание вопросам региональной безопасности было уделено на саммите глав государств Центральной Азии в Ташкенте в 2000 г., на котором был рассмотрен широкий круг вопросов по обеспечению мира и стабильности в регионе. В результате на этом саммите между президентами Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана был подписан Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами, представлявший собой «Оборонный союз», защищавший суверенитет и безопасность государств Центральной Азии.

Более тесная политическая интеграция для обеспечения региональной безопасности стала возможна с участием России, Китая и западных стран в рамках крупных международных региональных организаций ОДКБ и ШОС. Важнейшими задачами ОДКБ являются: военно-политическая интеграция стран-участниц, усиление их военно-технического сотрудничества, совершенствование взаимодействия между ними, совместная подготовка военных кадров и специалистов. ШОС объединяет в настоящее время восемь государств планеты и четыре страны-наблюдателя. Важным направлением в деятельности ШОС, наряду с экономическим, политическим, научным и культурным взаимодействием, является решение проблем безопасности на евразийском континенте. Сегодня о важности региональной интеграции в сфере безопасности в своих выступлениях говорят все президенты центральноазиатских государств.

В Концепции внешней политики Казахстана на 2014–2020 гг. приоритетными названы развитие политической стабильности экономически устойчивой и безопасной Центральной Азии, снижение конфликтного потенциала, урегулирование всех разногла-

сий между государствами региона. В Национальной стратегии развития Киргизии на 2018–2040 гг. намечено участие в глобальных проектах в рамках ШОС, ЕАЭС, в двустороннем сотрудничестве с соседними государствами. В Концепции внешней политики Таджикистана приоритет отдан дальнейшему расширению дружественного сосуществования народов Центральной Азии. В стратегии политики Узбекистана до 2021 г. намечено создание вокруг него пояса безопасности, стабильности и добрососедства, урегулирование пограничных споров. Лидер Туркменистана в целях достижения региональной безопасности также считает страны Центральной Азии приоритетом своей внешней политики. По мысли исследователя, ввиду событий, вызванных глобализацией, крупными социально-экономическими и geopolитическими изменениями в мире, странам Центральной Азии необходимо активизировать свои усилия в интеграционных процессах в целях укрепления региональной стабильности и безопасности, так как только интеграция дает возможность дать коллективный ответ на современные угрозы и вызовы.

2021.03.002. Алиева А.О.*

**ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
«ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЁЛКОВОГО ПУТИ»
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(Сводный реферат)**

1. Schmidt M. Reconfigurations in Central Asia: Challenges, Opportunities and Risks of China's Belt and Road Initiative (Реконфигурации в Центральной Азии: вызовы, возможности и риски) // *China and the New Silk Road / Pechlaner H., Erschbamer G., Thees H., Gruber M. (Eds.). Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020.* – P. 77–85.

2. Күкеева Ф.Т., Жекенов Д.К., Ордабаева А.К., Абдикамал А.М. Проблемы реализации инициативы «Пояс и путь» в странах Центральной Азии // Вестник Карагандинского университета. 2020. № 4 (100). – С. 41–46.

Ключевые слова: Центральная Азия; Китай; ЭПШП; инфраструктура; вызовы; проблемы.

* Алиева А.О., НИУ ВШЭ, факультет Мировой экономики и мировой политики, студентка 4 курса бакалавриата, e-mail: aaliева@edu.hse.ru

© Алиева А.О., 2021

Шмидт М.,

PhD, Боннский университет (факультет математики и естественных наук), заведующий кафедрой Института географии, Университет Аугсбурга

Кукеева Ф.Т., доктор исторических наук,
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
Жекенов Д.К.,

заместитель декана по учебно-методической и воспитательной работе, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби

Ордабаева А.К.,

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби

Абдикамал А.М.,

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби

Маттиас Шмидт [1] анализирует историю воздействия внешних игроков на политическое и экономическое пространство стран Центральной Азии и фокусируется на современной роли Китая в регионе. Автор отмечает, что проект «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП) несет в себе не только многочисленные надежды, но и вызовы и риски для стран Центральной Азии. Исследователь убежден, что многовековая ценность Центральной Азии определяется ролью соединяющего моста между Западом и Востоком. Золотой век Центральной Азии приходится на раннее Средневековье, когда торговля между Китаем и западной частью мира осуществлялась по Шёлковому пути. В последующие века в регионе закрепилось доминирование России в лице Российской империи и позднее – советской России. В период СССР регион был законсервирован внутри советских границ. С обретением независимости он открылся для международной торговли и сотрудничества. Сегодня государства Центральной Азии вовлечены в глобальные торговые и коммуникационные сети. Исследователь отмечает, что китайская инициатива «Пояс и путь» помогает дальнейшему усилению переориентации.

Автор обозначает главную роль Центральной Азии в инициативе ЭПШП как ключевого транзитного региона. Соответственно, для того чтобы реализовывать потенциал региона, необходимо развивать инфраструктуру. Речь идет в первую очередь о наличии хорошо функционирующей системы железных дорог. На данный момент это две разные железнодорожные системы, поэтому на пограничных пунктах товар нуждается в перегрузке. Таким

образом, китайские инвестиции могут удовлетворить потребность в модернизации транспортной инфраструктуры и соединении густонаселенной Ферганской долины с Синьцзяном. Это особенно важно для Таджикистана и Киргизии, неспособных осуществлять финансирование подобных проектов самостоятельно. Более того, Китай поддерживает строительство гидроэлектростанций и модернизацию линий электропередач, что могло бы сделать возможным трансфер электроэнергии в Синьцзян. Однако, по мнению автора, действия Китая по развитию транспортной и энергетической инфраструктуры Центральной Азии могли бы сделать значительный вклад в экономическое развитие региона, если бы не оборачивались при этом проблемой высокого государственного долга.

Иным следствием открытия границ с Китаем и его высокой активности в регионе стало изменение торговой структуры Центральной Азии. Отдельные страны, в частности Киргизия, благодаря низким торговым барьерам стали играть роль торговых узлов для перераспределения китайских товаров по всему региону. Например, 80% товаров конечного потребления в Киргизии произведены именно в Китае. Автор констатирует, что Центральная Азия сохранит в будущем роль точки сбыта китайских товаров, несмотря на вступление Киргизии в ЕАЭС и сопутствующие тому изменения во внешнеторговой политике.

Возрастающее геополитическое и экономическое влияние Китая, массивное инвестирование, в частности в рамках проекта «Пояс и путь», воспринимаются в регионе как с оптимизмом, так и с подозрением. Регион представляет собой интерес для Китая и Европы и мог бы стать крупным поставщиком энергоресурсов, обладая при этом высоким потенциалом к использованию возобновляемых источников энергии. Однако неразвитость транспортной и энергетической инфраструктуры и ненадежные правительства выступают препятствиями на пути к реализации ресурсного потенциала. В данном ключе китайская инициатива предлагает Центральной Азии возможность стать экспортером энергоресурсов и снизить свою зависимость от России. Вместе с тем, возрастает влияние Китая: 30% всей добычи нефти в Казахстане уже контролируется Китаем. Таким образом, инвестиции КНР в регионе не только могут улучшить инфраструктуру и способствовать экономическому развитию, но также повысить степень зависимости от Китая.

Более того, китайские инвестиции повышают риск долгового кризиса в странах-реципиентах, особенно в Киргизии и Таджикистане. Около 50% их внешнего долга приходится на китайские ин-

ституты. Тем не менее Душанбе намерен продолжать его повышение для финансирования инфраструктурных проектов в сфере энергетики и транспорта. Этому способствует также относительная привлекательность условий кредитов перед Поднебесной. Правительства центральноазиатских государств руководствуются тем, что китайские кредиты не имеют требований по внутренней политике. Однако часто упускается из виду тот факт, что Китай ожидает от своих заемщиков приверженность политике одного Китая.

Исследователь указывает на следующие важные обстоятельства. Во-первых, средства, выделенные в счет кредита, физически остаются в Китае. Система выдачи кредитов работает таким образом, что китайский банк-заемщик реинвестирует в китайскую компанию-подрядчика, которая поставляет реципиенту китайское оборудование и рабочую силу. Во-вторых, растущее присутствие и влияние Китая провоцируют ксенофобию среди центральноазиатского населения. Местное население опасается наплыва китайских мигрантов, которым будут отданы все рабочие места, а также возможности Китая потребовать землю вместо уплаты долга.

Автор заключает, что позиции Китая в Центральной Азии будут только укрепляться, несмотря на высокую зависимость от китайских инвестиций и кредитов и большое долговое бремя. Россия, которая больше века располагала ведущей ролью внешней силы, более не доминирует в экономическом и культурном пространстве. Что касается других игроков, Европейский союз остается важным партнером и донором для Центральной Азии, так же как и США. В отдельных вопросах, таких как торговля или культурно-религиозная сфера, отдельную роль играют Иран, Турция и государства Персидского залива. Тем временем, самым главным экономическим игроком в регионе теперь является Китай. Ожидается, что экономическое превосходство, повышающее политическое влияние, будет расширяться благодаря ЭПШП. До сегодняшнего дня инициатива «Один пояс, один путь» не обернулась массовым созданием рабочих мест и диверсификацией экономики. Новая «большая игра» могла бы означать для Центральной Азии палитру возможностей, но узкий портфель природных и человеческих ресурсов, ограниченность экономической и политической власти, слабая внутрирегиональная и внешняя стратегическая позиция Центральной Азии сужают выбор вектора развития. Как бы то ни было, китайский проект остается хорошим шансом на развитие и «подключение» к мировым рынкам. Однако многовекторность во внешней политике каждого из государств Центральной Азии явля-

ется разумной стратегией во избежание абсолютного доминирования одного игрока.

Ф.Т. Кукеева, Д.К. Жекенов, А.К. Ордабаев, А.М. Абдикамал [2] анализируют сотрудничество в сфере транспортной инфраструктуры между Китаем и странами Центральной Азии и выявляют проблемы, способные препятствовать эффективной реализации инициативы «Пояс и путь». Авторы рассматривают проблематику отношений КНР со странами Центральной Азии через призму теории устойчивого развития и нового регионализма. Согласно статье, проекты сотрудничества Центральной Азии с Китаем нуждаются в анализе долгосрочных эффектов и соответствия стандартам устойчивого развития стран региона. Иначе сотрудничество, направленное на кратковременную прибыль, может оказаться убыточным в долгосрочной перспективе. Форма интеграции нового регионализма применительно к Центральной Азии раскрывается в идее растущей экономической взаимозависимости, формирования «снизу» автономии его участников и многомерности сфер сотрудничества.

Китай заручился безоговорочной поддержкой центральноазиатских правительств благодаря благоприятной для региона перспективе стать центральным звеном в новой архитектуре мировой экономики. Вместе с тем базой для формирования вызовов и рисков в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» является низкая степень конгруэнтности ее задач стратегическим потребностям региона. Так, авторы предоставляют краткий обзор внутрирегиональных дискуссий на заданную тему. Киргизские и таджикские эксперты, указывая на ряд проблем в сотрудничестве с КНР, подчеркивают потребность в модернизации транспортной системы в интересах развития государств. Авторы отмечают, что концептуализация развития региональной инфраструктуры происходила через казахстанские государственные программы с 2014 г. Тогда Н.А. Назарбаев выделил создание транспортно-логистической системы залогом развития Казахстана. Узбекские эксперты выделяют возможность укрепления региональной внешней политики Узбекистана в рамках реализации китайской инициативы. Тем временем в Туркмении говорят о преимуществах эксплуатации транспортного коридора «Север – Юг», проходящего через Туркмению и Казахстан. В целом выделяются такие сдерживающие факторы для реализации инициативы, как географическая специфика региона, проблемы в отношениях стран и geopolитические угрозы. Однако дискурс проблематики реализации инициативы «Пояс и путь» всё еще формируется, так же как и сама инициатива.

Раскрывая тему вызовов для реализации инициативы, исследователи указывают на противостояние разных сил в регионе. Характер противостояния повторяет глобальные (Запад – Россия, США – Китай) и региональные отношения держав (Индия – Пакистан, Иран, Афганистан, а также поворот России на Восток). Обращаясь к китайско-российским отношениям в регионе Центральной Азии, авторы констатируют, что и Россия, и Китай нацелены на сохранение здесь статус-кво. Россия создает транспортный коридор «Север – Юг», чтобы повысить свою транзитную привлекательность и снизить конкурентоспособность ЭПШП. Вместе с тем задолженность перед Китаем повышает зависимость отдельных стран региона, где Россия пытается сохранить свою монополию. Конфронтация с Западом и интересы безопасности сближают Китай и Россию.

Логистической активности в регионе препятствует низкое качество дорог. Только 30% маршрутов международных коридоров покрыты асфальтом. Вместе с неспособностью внутреннего рынка Центральной Азии удовлетворить растущий спрос на транспортные услуги, данный фактор приводит к низкой скорости движения транспорта и их износу. Наличие различий в технической спецификации железных дорог приводит к усложнению многосторонних проектов с КНР. Нехватка современных вагонов и технологий, замедляющих транспортировку, приводит к снижению конкурентоспособности перевозок через Центральную Азию.

Иной причиной, способствующей снижению скорости перевозок, являются институциональные и политические проблемы в регионе. Чаще всего они проявляются на таможне. Сюда входят различия в таможенных процедурах и коррупция в таможенном секторе. Вызовы политического характера – это сложности в двухсторонних отношениях, которые могут повлиять на пограничные проверки товаров, как это было между Киргизией и Казахстаном, когда Бишкек обвинил Астану в применении скрытого таможенного контроля. Для полномерной реализации транзитного потенциала странам Центральной Азии необходимо устранить существующие барьеры и развивать транспортную инфраструктуру.

Одновременно с китайскими проектами разрабатываются другие линии грузоперевозок. Несмотря на политическую нестабильность в Афганистане, существует ряд проектов, соединяющих его с Турцией и Европой, а также с Ираном. Страны Центральной Азии надеются на включение в проекты с Ираном и Афганистаном. Узбекистан построил железнодорожное сообщение с Афгани-

станом и намерен работать над его дальнейшим развитием. В 2014 г. были введены в эксплуатацию железные дороги по маршруту Узбекистан – Туркменистан – Иран. Многочисленность альтернативных инфраструктурных проектов подтверждает, что Центральная Азия располагает множеством способов превращения в соединяющее звено всей Евразии. Однако наиболее амбициозным из всех является китайский проект «Один пояс, один путь».

В заключение авторы приходят к следующим выводам. Реализация «Экономического пояса Шелкового пути» в Центральной Азии сталкивается как с техническими, так и geopolитическими проблемами. Для устранения некоторых из них странам Центральной Азии необходимо унифицировать железнодорожную систему с Китаем, модернизировать транспортные пути и разрешить проблемы на таможне. Стоит учесть, что последние возникают на почве коррупции и внутрирегиональных разногласий. Продолжая усилия по линии ЭПШП, Центральной Азии следует развивать также транспортные проекты с другими игроками, чтобы снизить экономическую нагрузку и риски чрезмерной зависимости от Китая.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Кириченко В.П.*
**ПОЛОЖЕНИЕ ШИИТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
БАХРЕЙНА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» 2011 г.**

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.05

Аннотация. Статья посвящена положению шиитов в Бахрейне после событий «арабской весны» 2011 г. Шииты в этой стране составляют большинство населения, однако продолжают подвергаться притеснениям со стороны правящей в Королевстве суннитской династии аль-Халифа. Судебному преследованию подвергаются политические и духовные лидеры шиитов.

Ключевые слова: Бахрейн; шииты; «арабская весна»; дискриминация.

Бахрейн – островное государство в Персидском заливе. В 1521 г. Бахрейн стал владением Португалии. В 1602 г. Аббас I из персидской династии Сефевидов² изгнал португальцев с островов, что стало началом распространения в Бахрейне шиитского ислама³.

* Кириченко В.П., научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, e-mail: black-whit@yandex.ru

© Кириченко В.П., 2021

¹ Аббас Великий, или Аббас I Персидский (1571–1629), – пятый шах династии Сефевидов, правившей в 1588–1629 гг.

² Династия Сефевидов – одна из самых значительных правящих династий Ирана. Правила с 1501 по 1736 г.

³ A Short History of Bahrain // Study Country.com. – URL: <https://www.studycountry.com/guide/BH-history.htm> (дата обращения: 14.11.2020).

Предки нынешней правящей в Бахрейне семьи Аль-Халифа имели бедуинское происхождение и являлись выходцами из племени *бани утба* (*утуб*), первоначально дислоцировавшегося в Центральной Аравии. В 1782 г. племя бани утба перебралось на острова Бахрейна. В 1783 г. представители семьи Аль-Халифа изгнали персов из страны и стали правящей династией.

С тех пор суннитская династия Аль-Халифа правит шиитским большинством (шииты составляют 55–60% населения Бахрейна)¹. При этом шииты подвергаются дискриминации со стороны властей. Шииты воспринимаются властями как угроза стабильности режима. Шиитов не берут на работу в силовые ведомства Бахрейна, такие как: Силы обороны Бахрейна, Национальная гвардия, полиция, подчиняющаяся Министерству внутренних дел и Агентству национальной безопасности. Правительство вербует в данные службы иностранных наемников. Естественно, что члены правящей династии занимают наиболее важные командные должности². Тем не менее сунниты Бахрейна всегда отличались более высоким социальным статусом³ по сравнению с шиитами.

Ситуация с правами шиитов в Бахрейне не изменилась после событий «арабской весны». В 2011 г. в стране начались акции протеста, участники которых (в большинстве своем шииты) требовали проведения демократических реформ, а также прекращения дискриминации шиитского населения. Позже появились требования отставки Халифа бен Салмана аль-Халифа⁴, в тот период занимавшего пост премьер-министра. При этом шиитское движение «Аль-Вифак»⁵ не выдвигало радикальных требований, а выступало лишь за смену правительства и за то, чтобы оно избиралось, а не

¹ BAHRAIN 2019 INTERNATIONAL RELIGIOUS FREEDOM REPORT // U.S. Department of state – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/BAHRAIN-2019-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).

² Lawrence Louër. Sectarianism and Coup-Proofing. Strategies in Bahrain // The Journal of Strategic Studies, 2013. Vol. 36, No. 2. – P. 246.

³ Kasbarian S., Mabon S. Contested spaces and sectarian narratives in post-uprising-Bahrain //Global Discourse, 2016. Vol 6, No. 4. – P. 267.

⁴ Принц Халифа бин Салман аль-Халифа (1935–2020) – член королевской семьи Бахрейна, политический деятель, который занимал пост премьер-министра Бахрейна с 10 января 1970 г. до своей смерти 11 ноября 2020 г.

⁵ «Национальное исламское общество Аль-Вифак» или просто «Аль-Вифак» («Согласие») – крупнейшая шиитская политическая партия Бахрейна. Основана в 2001 г., распущена в 2016 г.

назначалось королем. Протестовавшие шииты также жаловались на то, что власти Бахрейна, по их мнению, стремятся изменить конфессиональный состав населения Бахрейна, предоставляемое гражданство иностранцам-суннитам¹. Демонстрации вылились в столкновения с полицией. Правительство Бахрейна в конечном итоге подавило протесты с помощью военной силы. В подавлении протестной активности в Бахрейне приняли участие военные из Саудовской Аравии и полицейские из ОАЭ², которых пригласил король Бахрейна³.

2 июля 2011 г. по предложению наследника престола Салмана бен Хамада был начат «национальный диалог» с целью выработать единую позицию по ситуации в стране. Через 15 дней после начала переговоров «Аль-Вифак» отказалась участвовать в диалоге, посчитав его неперспективным. Участники «национального диалога» разработали рекомендации для внесения поправок в Конституцию, расширяющих полномочия парламента. В мае 2012 г. эти поправки были опубликованы, но оппозиция их отвергла. Оппозиция выступала за формирование правительства из депутатов парламента. По замыслу оппозиционных сил, глава фракции, занимавшей большинство мест в парламенте, должен был стать премьер-министром. Однако подобное предложение подрывало сложившийся многолетний порядок. Если бы эти требования были приняты, правящая семья потеряла бы монополию на власть⁴.

Впоследствии «национальный диалог» несколько раз возобновлялся и прерывался в 2013–2014 гг.⁵ В конечном итоге эта правительственная инициатива не имела успеха. В ноябре 2014 г. в Бахрейне прошли парламентские выборы. «Аль-Вифак» бойкоти-

¹ Beneath Bahrain's Shia-versus-Sunni narrative, only the tyrants benefit Beneath Bahrain's Shia-versus-Sunni narrative, only the tyrants benefit // The Guardian. – 2012. – 27.10. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/oct/27/bahrain-shia-versus-sunni-narrative> (дата обращения: 12.11.2020).

² Bahraini Arab spring dissidents sue UK spyware maker // The Guardian. – 2018. – 11.10. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/11/bahraini-arab-spring-dissidents-sue-uk-spyware-maker> (дата обращения: 13.11.2020).

³ В Бахрейн отправили 500 полицейских из ОАЭ// Lenta.ru. – 2011 – 14.03. – URL: <https://lenta.ru/news/2011/03/14/uae/> (дата обращения: 13.11.2020).

⁴ Мелкумян Е.С. Разделенное общество Бахрейна и перспективы его консолидации // Политическая наука, 2016, № 1. – Москва: ИНИОН РАН, 2016. – С. 96.

⁵ Там же.

ровала их проведение, надеясь на активизацию протестного движения, однако к тому времени оно стало заметно ослабевать¹.

В 2014 г. трое шиитов были признаны виновными во взрыве бомбы, в результате которого погибли сотрудники полиции. Обвиненные отрицали свою причастность к преступлению и заявили о примененных к ним пытках². В 2017 г. они были казнены.

Руководство Исламской Республики Иран осудило эти казни. При этом аятолла Али Эслами, член Ассамблеи экспертов Ирана, заявил, что «настоящими исполнителями [казней] являются Саудовская Аравия, Великобритания и Объединенные Арабские Эмираты». А Хоссейн Амир-Абдоллахян, бывший посол в Бахрейне, которого связывают с батальоном Аль-Кодс (силы специального назначения Корпуса стражей исламской революции³), напомнил, что Иран только «оказал духовную поддержку [Бахрейну] в восстании»⁴.

В 2016 г. суд вынес решение о роспуске основной шиитской оппозиционной группировки Бахрейна «Аль-Вифак». Административный суд Манамы также постановил изъять финансовые средства партии, признанной виновной в «укрываемстве терроризма». Суд заявил, что «Аль-Вифак» призывала к насилию и способствовала проведению демонстраций и сидячих забастовок, которые могли привести к разжиганию «межрелигиозной розни»⁵.

В 2016 г. группа экспертов ООН по правам человека выразила глубокую озабоченность по поводу «систематического преследования» шиитского населения и религиозных лидеров. В числе

¹ Мелкумян Е.С. Разделенное общество Бахрейна и перспективы его консолидации // Политическая наука, 2016, № 1. – Москва : ИИОН РАН, 2016. – С. 97.

² Bahrain executes three Shia men over 2014 police killing // BBC. – 2017. – 15.01. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-38627679> (дата обращения: 14.11.2020).

³ Корпус стражей исламской революции (КСИР) – Иранские вооруженные силы, основанные после иранской революции (1979) по приказу аятоллы Рухоллы Хомейни. Целью КСИР является защита исламской системы правления, а также предотвращение иностранного вмешательства и переворотов.

⁴ Iran Continues to Incite Bahraini Shiites. – URL: <https://mei.edu/publications/iran-continues-incite-bahraini-shiites> (дата обращения: 14.11.2020).

⁵ Bahrain court orders Shia opposition bloc dissolved // Dawn – 2016 – 18.07. URL: <https://www.dawn.com/news/1271475/bahrain-court-orders-shia-opposition-bloc-dissolved> Bahrain court orders Shia opposition bloc dissolved (дата обращения: 22.11.2020).

нарушенных прав было названо практикуемое властями Бахрейна лишение гражданства¹.

Так, Международная комиссия по правам человека подвергала резкой критике решение властей Бахрейна лишить гражданства одного из ведущих духовных лиц страны аятоллу Ису Кассима². В июне 2016 г. власти Бахрейна обвинили Кассима в том, что он пытался разделить бахрейнское общество, разжигал межконфессиональную вражду и побуждал молодежь к нарушению Конституции³.

Верховный лидер Ирана Али Хаменеи также осудил решение лидеров Бахрейна лишить гражданства одного из шиитских лидеров. «Это вопиющая глупость и безумие. Когда он все еще мог обратиться к народу Бахрейна, шейх Иса Кассим... посоветовал бы воздерживаться от радикальных и вооруженных действий», – заявил Хаменеи в своем выступлении по государственному телевидению⁴.

Также Хаменеи подчеркнул, что «нападение на шейха Ису Кассима означает устранение всех препятствий, мешающих героической бахрейнской молодежи атаковать режим»⁵. В мае 2017 г. силы безопасности Бахрейна ворвались в резиденцию шейха Кассима в деревне Дираз⁶ и арестовали всех находившихся в доме. По сообщениям, в ходе рейда было убито не менее пяти человек и арестовано более 280 человек. Штурм дома шейха произошел через несколько дней после того, как суд Бахрейна приговорил шейха Кассима к одному году тюремного заключения по обвинению в

¹ Bahrain authorities must end 'systematic harassment' of Shia population – UN rights experts // Интернет СМИ «Global Security.org». – 2016.16.08.2016 г. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/news/2016/08/mil-160816-unnews02.htm> (дата обращения: 22.11.2020).

² Великий аятолла шейх Иса Ахмед Кассим (р. 1937) – шиитский религиозный и политический деятель Бахрейна. Он являлся духовным лидером «Аль-Вифак», крупнейшего оппозиционного общества Бахрейна. Он был лидером и основателем Исламского института просвещения.

³ Denaturalization of cleric highlights repression against Shia majority // *Mehr*. – 2016. – 21.06. – URL: <https://en.mehrnews.com/news/117540/Denaturalization-of-cleric-highlights-repression-against-Shia> (дата обращения: 22.11.2020).

⁴ Ibid.

⁵ Iran supreme leader: Bahrain's move against top cleric risks violence // *Reuters*. – 2016. – 26.06. URL: <https://www.reuters.com/article/us-bahrain-shiites-iran-idUSKCN0ZC0DH> (дата обращения: 22.11.2020).

⁶ Дираз – самая большая и самая густонаселенная деревня на северо-западном побережье Бахрейна.

«отмывании денег» и незаконном сборе средств¹. Суд постановил конфисковать имущество священнослужителя на сумму 3 млн бахрейнских динаров (около 8 млн долл. США). Также Кассима обязали выплатить штраф в размере 100 тыс. бахрейнских динаров (около 265 тыс. долл.).

События вокруг шиитского духовного лидера привели к протестам со стороны шиитов². По данным организации *Shia Rights Watch*, хотя выступления шиитов носили мирный характер и демонстранты не были вооружены, власти жестоко их подавили. При этом, из-за введенных ограничений на передвижение, в город не могли въехать машины скорой помощи, а больницам было предписано не оказывать помощь раненым протестующим³.

В 2017 г. суд Бахрейна приговорил 19 человек к длительным срокам тюремного заключения по обвинению в шпионаже в пользу Ирана и заговоре с целью свержения режима. Восемь человек получили пожизненные сроки, 10 приговорены к заключению на 15 лет, а двое были приговорены к 10 годам лишения свободы за шпионаж и разжигание религиозной розни в обществе⁴.

Суд также лишил пятнадцать человек бахрейнского гражданства. Суд признал их виновными в передаче информации «Корпусу стражей исламской революции» и ливанской «Хизбалле»⁵, а также в получении «материальной поддержки» от этих двух организаций⁶.

¹ Bahrain: Cassation Court Upholds Sentence to Strip Citizenship from Isa Qassim // *Al-Shark al-Awsat*. – 2018. – 30.01. – URL: <https://english.aawsat.com/home/article/1159591/bahrain-cassation-court-upholds-sentence-strip-citizenship-isa-qassim> (дата обращения: 03.06.2021).

² Bahrainis Continue Anti-Regime Protests in Support of Sheikh Qassim (+ Photos) // *Tasnim*. – 2017. – 09.06. – URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2017/06/09/1431455/bahrainis-continue-anti-regime-protests-in-support-of-sheikh-qassim-photos> (дата обращения: 22.11.2020).

³ Bi-Annual Anti-Shiism Report // *Shia Rights Watch*. – 2018. – 30.01. – URL: <http://shiarightswatch.org/bi-annual-anti-shiism-report/> (дата обращения: 22.11.2020).

⁴ Bahrain convicts 19 ‘Iran spies’ <https://www.arabnews.com/node/1185721/middle-east/> // *Arab News*. – 2017. – 13.10. – URL: <https://www.arabnews.com/node/1185721/middle-east/> (дата обращения: 22.11.2020).

⁵ «Хизбалла» (букв. «Партия Аллаха» или «Партия Бога») – ливанская шиитская политическая организация. Основана в 1985 г.

⁶ Bahrain convicts 19 ‘Iran spies’ <https://www.arabnews.com/node/1185721/middle-east/> // *Arab News*. – 2017. – 13.10. – URL: <https://www.arabnews.com/node/1185721/middle-east/> (дата обращения: 22.11.2020).

В 2017 г. Суд высшей инстанции Бахрейна оставил в силе пожизненные приговоры трем лидерам оппозиции, включая известного оппозиционного политика и проповедника шейха Салмана, арестованного по обвинению в шпионаже в пользу Катара. Салман являлся главой партии «Аль-Вифак».

Высокопоставленный шиитский священнослужитель Бахрейна с конца 2014 г. находится в тюрьме и приговорен к девяти годам тюремного заключения за то, что режим Манамы охарактеризовал как «оскорбление» правительственные чиновников, «разжигание» беспорядков своими выступлениями против властей во время восстания 2011 г. и попытками свергнуть режим при содействии иностранных держав (это был намек на Иран).

1 ноября 2017 г. шейху Салману и двум его помощникам было предъявлено обвинение в «шпионаже от имени иностранного государства... с целью осуществления подрывных действий против Бахрейна и нанесения ущерба его национальным интересам»¹.

Салмана обвинили также в «раскрытии секретов обороны иностранному государству и распространении информации, которая может нанести вред статусу и репутации Бахрейна»².

Шейх Салман отрицает все обвинения, заявляя, что он лишь добивается реформ в стране мирными средствами³. В 2014 г. в подстрекательстве к терроризму был обвинен еще один политический деятель, спикер парламента от партии «Аль-Вифак» Халил аль-Марзук⁴.

Иран пристально следит за событиями в Бахрейне. Иранскими СМИ освещалась ситуация с паломниками-шиитами из Бахрейна, которые не могли покинуть Иран из-за пандемии COVID-19. В апреле 2020 г. Бахрейн возобновил полеты национальной авиакомпании Gulf Air для доставки бахрейнцев домой. С 2016 г. прямых рейсов между Бахрейном и Ираном не было. Бахрейн, Саудовская Аравия и Судан разорвали дипломатические отношения с Ираном в январе 2016 г. после скандала, вызванного нападением на посольство Саудовской Аравии в Тегеране. Нападение на посольство

¹ Bahrain cleric's life term political decision: Activist // *Press TV*. – 2019. – 28.01. – URL: <https://www.presstv.com/Detail/2019/01/28/587036/Bahrain-court-life-term-Sheikh-Ali-Salman-judiciary> (дата обращения: 22.11.2020).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Халил аль-Марзук (р. 1967) – бахрейнский шиитский политик и бывший член Совета представителей. Был первым заместителем председателя парламента Бахрейна (2006–2010).

в свою очередь стало реакцией на казнь в Саудовской Аравии шиитского богослова Нимра аль-Нимра¹.

С 2016 г. отношения Бахрейна и Ирана не улучшились. В марте 2017 г. власти Бахрейна заявили о раскрытии связанной с Ираном «террористической ячейки». Арестованных лиц подозревали в причастности к взрыву бомбы в полицейском автобусе в феврале 2017 г. и в заговоре с целью убийства высокопоставленных чиновников².

МИД Ирана осудил заключение в сентябре 2020 г. соглашения о нормализации отношений между Бахрейном и Израилем³. Данный документ является частью «Соглашений Авраама»⁴, подписанных при посредничестве США.

Следует отметить, что Бахрейн является одним из главных союзников США. Бахрейн и Соединенные Штаты подписали в октябре 1991 г. Соглашение о сотрудничестве в области обороны, предоставляющее вооруженным силам США доступ к объектам Бахрейна. Королевство является местом базирования 5-го флота ВМС США⁵.

Вместе с тем Бахрейн выразил «решительное осуждение» действий Израиля на Храмовой горе 7 мая 2021 г., в почитаемый мусульманами месяц рамадан, заявив, что Израиль должен при-

¹ Аятолла Шейх Нимр Бакир аль-Нимр (1959–2016) – саудовский шиитский проповедник, политический деятель, оппозиционно настроенный по отношению к властям.

² Bahrain breaks Iran-linked «terrorist» cell behind bus attack // *Arab News*. – 2017. – 13.10. – URL: <https://www.arabnews.com/node/1074756/middle-east> (дата обращения: 03.06.2021).

³ МИД Ирана оценил нормализацию отношений между Бахрейном и Израилем // *Russia Today*. – 2020. – 12.09. – URL: <https://russian.rt.com/world/news/782617-mid-iran-bahrain-israel> (дата обращения: 03.06.2021).

⁴ «Соглашения Авраама» – совместное заявление Израиля, Объединенных Арабских Эмиратов и США, подписанное 13.08.2020 г. В дальнейшем этот термин использовался для коллективного обозначения соглашений между Израилем и Объединенными Арабскими Эмиратаами (Соглашение о нормализации отношений между Израилем и Объединенными Арабскими Эмиратаами), Бахрейном, а также Соглашение о нормализации отношений Бахрейна и Израиля.

⁵ 5-й флот ВМС США – флот, зоной ответственности которого является регион Персидского залива, сформирован в 1944 г. Штаб-квартира находится в столице Бахрейна (Манама).

нять меры для того, чтобы предотвратить нападения сил безопасности на верующих в этот священный месяц¹.

Протестная активность шиитов Бахрейна низка. Немногочисленные демонстрации прошли в Бахрейне в феврале 2021 г. в 10-ю годовщину событий «арабской весны»².

Десятая годовщина демократического движения бахрейнцев против деспотического режима Аль-Халифа была отмечена в иранском г. Куме³ в феврале 2021 г. На церемонии выступил лидер движения аятолла Шейх Иса Кассим⁴. Надо полагать, что это мероприятие заставит власти Бахрейна еще настороженней относиться к шиитам и Ирану.

* * *

Шииты Бахрейна продолжают подвергаться преследованиям со стороны властей. Репрессии по отношению к духовным и политическим лидерам шиитов вызывают недовольство у этой части населения Бахрейна. Однако данный факт не приводит к массовым выступлениям шиитов, как было в 2011–2012 гг., а все очаги протesta подавляются. Взаимоотношения Бахрейна с крупнейшей шиитской державой – Ираном также не улучшились с момента разрыва дипломатических отношений между странами в 2016 г.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

¹ UAE, Bahrain pan Israel's 'storming' of Al-Aqsa, amid international condemnation // *Times of Israel*. – 2021. – 08.05. – URL: <https://www.timesofisrael.com/uae-bahrain-pan-israels-storming-of-al-aqsa-amid-international-condemnation/> (дата обращения: 03.06.2021).

² Small protests mark 10th anniversary of Bahrain uprising // *Al-Jazeera*. – 2021. – 14.02. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/2/14/small-protests-mark-10th-anniversary-of-bahrain-uprising> (дата обращения: 03.06.2021).

³ Кум – город, расположенный в 140 км к югу от Тегерана. Наряду с г. Мешхед является одним из главных шиитских религиозных центров Ирана.

⁴ 10th anniversary of Bahrain uprising marked // *Tehran Times*. – 2021. – 15.02. – URL: <https://www.tehrantimes.com/news/458133/10th-anniversary-of-Bahrain-uprising-marked> (дата обращения: 03.06.2021).

Куклин Н.С.*

**ИСЛАМСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ
И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ИНДОНЕЗИИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА.
(Статья первая)****

DOI: 10.31249/timm/2021.03.06

Аннотация. Индонезийская внешняя политика на исламском направлении часто рассматривается с позиций религиозности элит и их солидарности с «братьями по вере», однако история развития индонезийской государственности и особенности индонезийского ислама показывают, что исламский вектор долгое время отождествлялся элитами с антиколониальным и антиимпериалистическим дискурсом и лишь на современном этапе стал обретать черты дискурса политического ислама.

Ключевые слова: Индонезия; Панча Сила; Сукарно; ислам Нуサンтара; дипломатия.

Индонезия сегодня является крупнейшим по численности населения мусульманским государством (около 225 млн человек), однако официально не позиционирует себя как мусульманское государство, в соответствии с моделью религиозного баланса, закрепленной в Панча Сила – официальной идеологии и философии страны, разработанной еще первым президентом страны – Сукарно (1945–1968). Панча Сила провозглашает традиционные для народов Индонезии принципы социальной справедливости и коллективного общежития¹. И по сей день Панча Сила выступает объе-

* Куклин Н.С., сотрудник кафедры теории и истории международных отношений РУДН, e-mail: kuklin-ns@rudn.ru

© Куклин Н.С., 2021

** Данная статья подготовлена в рамках научного проекта (гранта) РФФИ «Аспиранты» № 20-314-90007 «История внешней политики Индонезии 1998–2019 гг. с точки зрения цивилизационного подхода и комплексных региональных исследований».

¹ Панча Сила или Панчасила (санскр. Пять принципов) – официальная индонезийская философская доктрина, закрепленная Сукарно в Конституции страны 1945 г. Состоит из следующих принципов:

- 1) вера в единого Бога;
- 2) справедливая и цивилизованная гуманность;
- 3) единство страны;
- 4) демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства;
- 5) осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии.

динительным инструментом, закрепляющим территориальную целостность, языковую и национальную индонезийскую идентичность и правило религиозного баланса. Все эти составляющие чрезвычайно важны для уникальной индонезийской модели государственности. Сукарно, а затем и последующие президенты внесли значительный вклад в объединение полигетнического и многоконфессионального общества. Продуманная политика на данном направлении привела к формированию особого индонезийского менталитета толерантности, где межконфессиональная дружба ценится превыше всего, а заявления о превосходстве той или иной религии порицаются и рассматриваются как радикализм и посягательство на основы государственности¹. Помимо 87,2% мусульман-суннитов в стране проживает 6,9% протестантов, 2,9% католиков, 1,7% индуистов, 0,7% буддистов и 0,05% конфуцианцев, не считая атеистов и представителей каких-либо иных конфессий². Ислам по большей части распространен на островах Суматра, Ява, Калимантан, Сулавеси, Ломбок, Сумба и Молукка. На таких островах, как Бали или Папуа, распространены индуизм и христианство соответственно³.

Мусульманская община Индонезии неоднородна, так как имеет свои особенности внутреннего развития. В этой связи важно обратить внимание на специфику индонезийского ислама. Главная его особенность касается разделения индонезийского ислама на традиционалистский (адатный) и модернистский (шариатский). Под традиционалистами подразумеваются сторонники адатного (синкретического варианта ислама под влиянием яванских элементов этнической культуры, доисламских языческих и индуистских верований) «ислама Нусантара», а модернисты, наоборот, являются ревнителями шариатского образа жизни, отказа от яванских элементов культуры и духовной жизни доисламского периода⁴. При этом последователи этих течений в одинаковой мере следуют

¹ *Banyu Perwita A.A. Indonesia and the Muslim World Islam and Secularism in the Foreign Policy of Soeharto and Beyond // A.A. Banyu Perwita (Ed.). – Copenhagen : NIAS, 2017. – P. 103.*

² *Religion in Indonesia. Indonesia Investment. 16.03.2021 // https://www.indonesia-investments.com/culture/religion/item69* (дата обращения: 24.05.2021 г.).

³ *Arsheim H. Making Religion and Human Rights at the United Nations // H. Arsheim. – Berlin : De Gruyter, 2018. – P. 144.*

⁴ *Saleh F. Modern Trends in Islamic Theological Discourse in 20th Century Indonesia. A Critical Study // F. Saleh (Ed.). – Leiden : Brill Academic Publishers, 2001. – P. 46.*

шахиитскому мазхабу. Несмотря на доминирование яванцев-традиционалистов в политике, мусульмане-модернисты, равно как и христиане с индуистами, также широко представлены в ней¹.

Основные течения ислама в стране представляют крупнейшие в мире (каждая по 30 млн членов) мусульманские организации «Нахдатул Улама» (для традиционалистов) и «Мухаммадия» (для модернистов), которые очень влиятельны и образуют, наряду с государственными институтами, определенную систему социального управления. Так, например, Нахдатул Улама осуществляет образовательную деятельность через сеть из более чем 6830 исламских школ-интернатов (*pesantren*) по всей стране. Организации также принадлежат 44 университета и множество исследовательских центров в сфере экономики, исламских финансов, сельского хозяйства, социальной политики и планирования семьи². Организация финансирует мусульманские общинны в США, на Тайване и в Европе, одновременно помогая беженцам из стран Ближнего Востока. Не меньшее число учреждений принадлежит и «Мухаммадии».

С момента провозглашения независимости страны в 1945 г. мусульманские организации и партии были активны в политическом поле и способствовали развитию мусульманской общины как одной из политических сил. В разное время они занимали противоположные позиции по отношению к государственной системе – от принятия модели социального и религиозного баланса до требований исламизации внутренней и внешней политики³. Однако первые президенты – Сукарно, а затем и Сухарто (1968–1998) – изначально заняли осторожную позицию по этому вопросу и долгое время не позволяли индонезийской дипломатии использовать ислам как основу для внешней политики. Рост влияния исламских партий и организаций после падения режима Сухарто в 1998 г. и политизации исламского вопроса в мире после терактов 11 сентября 2001 г. в США вновь актуализировали так называемый исламский вектор во внешней политике Индонезии, при котором Индонезия негласно рассматривает себя как «лидера не-арабских

¹ Shiraishi T. An Age in Motion Popular Radicalism in Java, 1912–1926 // T. Shiraishi (Ed.). – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1990. – P. 25.

² Bush R. Nahdlatul Ulama and the Struggle for Power Within Islam and Politics in Indonesia // R. Bush (Ed.). – Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2009. – P. 20.

³ Assyaukanie L. Islam and the Secular State in Indonesia // Assyaukanie L. (Ed.) – Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2005. – P. 189.

мусульман» и постепенно вводит исламский дискурс во внешнюю политику.

С другой стороны, высокая степень коллективизма в индонезийском обществе и широкое общественное внимание к вопросам политики делают опасным «заигрывание» с политическим исламом и внешними инфоповодами, которые давали бы почву для усиления политической платформы консервативных партий и движений, стремящихся к исламизации страны и отмене идеологии Панча Сила¹. Сложность данной политической модели, а также ее прочная связь с религиозной сферой часто способны ввести исследователя, не знакомого со страновыми особенностями, в заблуждение относительно мотивов и основ индонезийской дипломатии на исламском направлении. Отсюда логичным представляется рассмотреть роль ислама во внешней политике в зависимости от внешних и внутренних вызовов на различных этапах становления современной индонезийской государственности.

Особенности реализации исламского вектора при президенте Сукарно (1945–1968)

Дальновидность президента Сукарно определялась не только его внутренним взглядом на устройство индонезийского общества и балансом социально-политических сил. Ключевой внешнеполитической идеей Сукарно выступила политика нейтралитета как попытка защиты молодых государств региона Юго-Восточной Азии от процессов холодной войны и вовлечения Индонезии в мировое противостояние в рамках того или иного лагеря. И сразу же после провозглашения независимости Индонезия обозначила принципиальные позиции во внешней политике. Наличие своей модели госстроительства позволило Сукарно в некоторой степени защитить страну и регион от экспорта идеологий извне, усилив скорее развитие националистических тенденций стран региона, выгодных для национального строительства, процветания элит и довольства народа при высоком уровне стабильности².

¹ Banyu Perwita A.A. Indonesia and the Muslim World Islam and Secularism in the Foreign Policy of Soeharto and Beyond // A.A. Banyu Perwita (Ed.). – Copenhagen : NIAS, 2017. – P. 45.

² Sabir M. Politik bebas aktif tantangan dan kesempatan // M. Sabir (ed.). – Jakarta: Haji Masagung, 1987. – P. 85.

В 1948 г. премьер-министр Индонезии М. Хатта (1948–1950) произнес речь под названием «Лавирия между двумя камнями», в которой обозначалась позиция Индонезии в холодной войне. Так, М. Хатта выдвинул тезис о том, что, проводя свою внешнюю политику, Индонезия должна руководствоваться только собственными интересами, а не интересами сверхдержав.

Предложенная Хаттой доктрина получила название «Доктрина активной независимости» и до сих пор выступает основой индонезийской внешней политики. Под «независимостью» подразумевалось, что Индонезия намерена самостоятельно определять собственную позицию по отношению к мировым проблемам, без давления и влияния извне; «активность» же предполагала участие Индонезии в конструктивных усилиях, которые помогут выстраивать и сохранять мирные отношения со всеми государствами¹. Индонезия сыграла поистине выдающуюся роль в создании Движения неприсоединения, приняв в 1955 г. Бандунгскую конференцию 29 государств Азии и Африки, что позволило Сукарно изолировать регион от процессов холодной войны и заложить основу для регионального лидерства Индонезии и ее активной и независимой внешней политики.

Подобное значимое положение Индонезии ставило Сукарно в один ряд с другими вождями Движения неприсоединения, такими как Джавахарлал Неру, Иосип Броз Тито, Гамаль Абдель Насер и Кваме Нkruma. Сукарно, в свою очередь, опирался на имидж революционера и освободителя как внутри страны, так и во внешних делах. Важным вызовом для себя он видел борьбу с мировым империализмом и колониализмом через передачу опыта Индонезии другим освободившимся странам. В дальнейшем антиколониальная риторика Сукарно получила развитие и в рамках палестино-израильского и арабо-израильского конфликтов. Еще с момента образования Государства Израиль в 1948 г. Сукарно выразил поддержку арабскому народу, настаивая на очевидности позиции новообразованного Израиля как проводника неоколониальных интересов США.

Сукарно говорил о единении мусульман и солидарности, но его изначальная мотивация состояла в антиимпериалистическом характере действий Индонезии, что подтверждается аналогичным

¹ Weinstein F.B. Indonesian Foreign Policy and the Dilemma of Dependence. From Sukarno to Soeharto // F.B. Weinstein (Ed.). – Sheffield : Equinox Publishing, 2007. – P. 215.

отказом Сукарно поддержать независимость Тайваня в пользу новообразованной КНР, где вопроса о религиозной солидарности не стояло вовсе.

Такая необходимость в заявлениях о религиозной солидарности требовалась Сукарно для внутренней повестки в качестве средства привлечь внимание вышеупомянутых мусульманских организаций, так как еще в период, предшествующий официальной независимости, индонезийцы были известны на Ближнем Востоке через взаимодействие с такими центрами ислама, как Священные города Мекка и Медина, а также через участие множества индонезийцев в программах обучения Университета Аль-Азхар в Каире.

Свою роль индонезийцы, проживающие в арабских странах, сыграли и в период войны за независимость, убедив Лигу арабских государств (ЛАГ) выступить в поддержку независимости Индонезии в ООН, основываясь на единстве религии и чувстве братства арабских народов и народа Индонезии. В 1946 г. египетский дипломат и первый Генеральный секретарь ЛАГ Аззам-паша (1945–1952) поддержал выход официального заявления в поддержку Индонезии, а в 1947 г., с его же подачи, Генеральный консул Египта в Бомбее Мухаммад Абдул Муним посетил мягкую столицу индонезийских повстанцев – город Джокьякарта¹.

Однако внутренняя сложная политическая ситуация и опасения Сукарно по усилению исламского блока не позволяли президенту в открытую использовать исламскую риторику, и одновременно с этим в диалоге с ЛАГ Сукарно не отказывался от мусульманской солидарности.

В дальнейшем, еще до потери Сукарно власти в результате подавления военными прокоммунистического переворота 30 сентября 1965 г., президент продолжал следовать своей антиколониальной риторике на израильском направлении, воздерживаясь от происламских позиций в своих заявлениях. Из этого также следует, что Сукарно увязывал религиозную тему именно с внутренней политикой. Последующее образование Малайзии и объявление ее страной исламской основы в качестве доминанты своего развития убедили Сукарно еще больше сосредоточиться на разработке объединительных концепций, как, например: NASAKOM (акроним, составленный на основе индонезийских слов NASionalisme (На-

¹ Fogg K.W. Indonesia's Islamic Revolution // K.W. Fogg (Ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – P. 214.

ционализм), Agama (Религия) и KOMunisme (Коммунизм)), или НЕКОЛИМ (неоколониализм, колониализм и империализм). Сформировался общественный запрос на практические действия по преодолению экономического кризиса и последствий политики абстрактных акронимов Сукарно, что позволило военным в лице генерала Сухарто захватить власть и отстранить Сукарно.

Исламское направление во внешней политике президента Сухарто (1968–1998)

В эпоху режима Нового порядка Сукарто (1968–1998) Индонезия продолжала ту же политику в отношении Ближнего Востока, при этом США, в связи с переориентацией Сукарто на экономические отношения с Западным блоком, более не считались потенциальным врагом, однако необходимость поддержания нейтралитета позволяла Сукарто лавировать в вопросах, связанных с исламом и арабским миром в целом. Несмотря на поддержку религиозными организациями последующих гонений на коммунистов, Сукарто ограничил эти силы, сократив число исламских партий (как и партий других идеологий), определив в качестве основной силы развития государства – военных и чиновников в рамках Панча Сила.

Показательна при этом реакция Индонезии на нефтяной кризис 1973 г. В тот период индонезийские власти заявляли, что поддержка Индонезией арабских стран против Израиля основана на справедливости (*dasar keadilan*), которая является принципом внешней политики страны, а религиозная солидарность лишь дополняет это решение.

Индонезия поддержала использование арабскими странами нефтяного эмбарго в качестве инструмента внешней политики, но одновременно надеялась, что конфликт будет разрешен в ближайшее время. Индонезийские власти также заявляли, что использование нефти в качестве оружия в краткосрочной перспективе несет вред США, Европе и Японии и поможет борьбе арабов, «однако если эмбарго будет использоваться в течение длительного периода времени, развивающиеся страны пострадают, потому что экономические отношения с развитыми странами необходимы для роста развивающихся стран»¹.

¹ *Sukma R. Islam in Indonesian Foreign Policy // R. Sukma (Ed.). – London, NY : Routledge, 2008. – P. 41.*

Позиция Сухарто по Палестине также строилась на антиколониальной риторике. Так, Сухарто 30 ноября 1987 г. вновь объявил об индонезийской поддержке Палестины в ее борьбе за достижение своих неотъемлемых прав. Он также заявил, что «...как нация, гордящаяся своим наследием борьбы против колониального подчинения и за национальную независимость, мы в Индонезии всегда считали борьбу палестинцев священным делом, как нашу собственную борьбу, как часть необратимого глобального движения против колониального господства и чужеземцев»¹.

Он также уточнил, что ближневосточный конфликт может быть решен только в том случае, если палестинскому народу будет предоставлено собственное независимое государство, а Израиль безоговорочно уйдет со всех оккупированных арабских территорий, включая Иерусалим. Ранее в 1975 г. министр иностранных дел при Сухарто Адам Малик (1966–1978) обсуждал возможность открытия представительства ООП в Джакарте, но столкнулся с противодействием военных. Последние опасались одновременно двух факторов: первый – это связи ООП с исламскими радикальными группами, второй – их хорошие отношения с международным коммунистическим движением и левыми радикалами. Опасения также были вызваны общим ростом исламского дискурса, так как на Всеобщих выборах 1971 г. результаты голосования среди индонезийцев за рубежом показали высокий уровень поддержки Индонезийской мусульманской партии и организации Нахдатул Улама.

Таким образом, даже на основании этого факта, мы можем судить о растущем в тот период исламском лобби, к которому Сухарто под конец своего правления все больше был вынужден прислушиваться, о чем говорит его неопределенность по югославскому конфликту и вопросу помочь мусульманам в Боснии (1992), так как Индонезия заняла позицию поддержки мусульманского населения, при этом не спешила использовать свой потенциал и положение в ОИК и в Движении неприсоединения.

Индонезия выразила солидарность по поводу тяжелого положения боснийских мусульман, наряду с другими мусульманскими странами, но министр иностранных дел Али Алатас (1988–1999) от-

¹ Alles D. Transnational Islamic Actors and Indonesia's Foreign Policy // D. Alles (Ed.). – London : Taylor & Francis, 2015. – P. 54.

метил, что «поддержка не обязательно означает отправку индонезийских миротворцев»¹.

Таким образом, Сухарто еще в большей степени кодифицировал допустимые и недопустимые дипломатические действия, связанные с теми направлениями внешней политики, где ислам мог выступать основой для какой-либо аргументации.

Период реформации и рост влияния исламских партий (1998–2004)

После свержения Сухарто в 1998 г. в результате общенационального кризиса к власти пришли ранее подавляемые элиты из демократического (националистического) и религиозного спектра. Основав новые политические партии, они включились в процесс демократизации страны, в очередной раз опираясь на самобытные принципы и основы государственности. Демократизация осуществлялась через последовательное введение новых принципов во внутренней и внешней политике. В основном, они касались реагирования на текущие потребности общества в рамках преодоления Азиатского финансового кризиса 1998 г. и политической власти военного режима, но при этом учитывали и необходимость возврата к старым принципам времен Сукарно. Недолгий срок правления администрации Абдурахмана Вахида (1999–2001), религиозного лидера Находатул Улама, который отметился тем, что первым вывел исламские партии из тени. Вахид интересен продуманной политикой умиротворения и диалога внутри страны и необычным стилем внешней дипломатии. Проверкой на прочность для дипломатической системы администрации Вахида стало известное сближение с Израилем.

После того как в 1994 г. министр иностранных дел Израиля Шимон Перес пригласил Вахида стать свидетелем открытия «Центра мира Переса», он совершил несколько поездок в Израиль и стал все более известен своей защитой Израиля. В августе 2000 г. он вновь встретился с Пересом, когда тот инкогнито посетил его в Джакарте перед запланированным визитом Ясира Арафата. Обоим политикам он рассказал о своем видении Иерусалима как совместной столицы Израиля и независимого палестинского государства и публично призвал Арафата не отказываться сразу же от предложе-

¹ Suryadinata L. Islam and Suharto's Foreign Policy: Indonesia, the Middle East, and Bosnia // Asian Survey / L. Suryadinata (Ed.). – 1995. – Vol. 35(3). – P. 291–303.

ния, сделанного Эхудом Бараком в Кэмп-Дэвиде в июле 2000 г.¹ Вахид также призывал мусульманские общины к компромиссу с Израилем, утверждая, как богослов, что с религиозной точки зрения у иудеев и мусульман нет препятствий к мирной жизни и поиску консенсуса.

Однако деятельность Абдурахмана Вахида на израильском направлении встретила сопротивление как со стороны парламента, так и со стороны общества. Например, многочисленные уличные демонстрации на гражданском уровне и угроза парламентского бойкота со стороны законодателей вынудили Акбара Танджунга, спикера парламента, объявить, что израильская делегация не будет присутствовать на конференции Межпарламентского союза в Джакарте в 2000 г. Народная агитация подогревалась и израильско-палестинской напряженностью того периода.

Вскоре непоследовательная политика Вахида, несмотря на многие его достижения, привела к его отстранению, и выбор был сделан в пользу лидера Демократической партии борьбы Индонезии – Мегавати Сукарнопутри (2001–2004).

Необходимость Мегавати реагировать на теракты 11 сентября 2001 г. в США, серия терактов на Бали в 2002 г. и рост радикального исламизма в мятежной сепаратистской провинции Ачех повлияли на стремление Мегавати к формированию позиции Индонезии в отношении вопросов ислама и развивающейся исламофобии. Сложность выражения Индонезией своей позиции заключалась в опасениях президента вызвать бурную реакцию радикальных групп и дать им дополнительный ресурс для пропаганды за пределами Индонезии. Рост влияния террористических группировок внутри страны, а также появление фундаменталистских групп независимых (от Министерства по делам религий или крупных организаций) проповедников также превращали любое высказывание властей в потенциальное орудие пропаганды. Исходя из этой ситуации, Индонезия выдвинула главный тезис о том, что терроризм в основном связан с экономическими и социальными причинами, которые для своей выгоды используют радикалы. Также Индонезия с осуждением выступила по вопросу исламофобии, призывая не сравнивать всех мусульман с отдельными исла-

¹ Barton G. Abdurrahman Wahid Muslim, democrat, Indonesian president: A view from the inside // G. Barton (Ed.). – Sydney : University of New South Wales Press, 2002. – P. 289.

мистами¹. При этом акцент Мегавати был сделан на двустороннем сотрудничестве и роли международных организаций в борьбе с терроризмом, не затрагивая возможности религиозных сил и потенциал межконфессионального диалога.

Несмотря на рост влияния исламских политических сил и партий, реформация не внесла серьезных изменений в позиции руководства по вопросам использования исламского дискурса во внешней политике. Но международная обстановка и влияние исламских политических партий привели к возникновению большего интереса к этому вопросу в информационном пространстве, а также среди народа и политиков.

Современное состояние исламского направления во внешней политике Индонезии (2014–2020)

При президенте Сусило Бамбанг Юдойоно (2004–2014) опыт Индонезии в области экономического развития, политических реформ и борьбы с исламистским терроризмом позволил стране говорить о проблемах, с которыми сталкивается мусульманский мир. В своем выступлении в Саудовской Аравии президент Юдойоно рассмотрел многие проблемы, среди которых была исламофобия. Он утверждал, что мусульмане должны реагировать на вызовы современности, принимая «технологии современности и культуру передового опыта»². Президент также отметил, что ислам – это не только религия мира, но также и прогресса, таким образом призывая, с одной стороны, к возрождению ислама, с другой – просил своих братьев-мусульман принять глобализацию, обратиться к немусульманам и сотрудничать в борьбе с терроризмом³.

Такая позиция Юдойоно определенно была не менее новаторской, чем позиция Гус Дура (почетное обращение к президенту. – Ред.), по признанию Израиля. Впервые Индонезия заговорила глобально об исламе и подошла к решению этого вопроса с новых

¹ Day T. Identifying with Freedom Indonesia After Suharto / T. Day (Ed.). – NY : Berghahn Books, 2007. – P. 105.

² Williams M.S. Yudhoyono's Third Way: Muslim Democracy, National Stability, and Economic Development in Indonesia. // Indonesia's Ascent. Critical Studies of the Asia Pacific Series / Roberts C.B., Habir A.D., Sebastian L.C. (Eds.). – London : Palgrave Mecmillan, 2015. – P. 70.

³ Куклин Н.С. Реакция Индонезии на признание Иерусалима столицей Израиля со стороны США // Диалог цивилизаций: Восток – Запад. – Москва : Изд-во РУДН, 2018. – С. 416–430.

позиций, в большей мере отражающих традиционный для Индонезии синкретизм. На данные действия можно взглянуть по-разному.

Во-первых, они были направлены на мировое мусульманское сообщество в попытке повлиять на его идеи и действия. Индонезия с того периода продвигала идею о том, что существует множество интерпретаций ислама, и необходимо бороться с тенденцией сведения всей исламской традиции к радикальным течениям. По мнению Юдойоно, ислам, современность и демократия могут сосуществовать, что важно для консолидации политических сил внутри собственной страны¹.

Во-вторых, такие заявления, безусловно, были адресованы внутренней аудитории с целью продвижения современного дискурса – демократического, толерантного – для ослабления влияния экстремистов и радикальных групп.

В-третьих, такие выступления нацелены на западную аудиторию; в частности, срок пребывания на посту президента Юдойоно совпал с пиком американских усилий по продвижению демократии на Ближнем Востоке при президенте Дж. Буше, а также с призывом президента Б. Обамы к новому старту в отношениях США с мусульманским миром. Умелая дипломатия периода Юдойоно способствовала восприятию Индонезии как демократической страны западного образца. Фактор «умеренного» ислама и соответствующего образа страны как антиподы «грозного» Ближнего Востока способствовал росту популярности Индонезии на Западе, как альтернативы для развития исламского мира.

Несмотря на снижение интереса США к Индонезии при Д. Трампе, последний визит госсекретаря М. Помпео (октябрь 2020 г.) ясно дал понять, что США запомнили образ умеренной Индонезии и продолжают оценивать страну в тех рамках, которые задал Юдойоно. В предвыборной кампании президента Джоко Видодо в 2014 г. по-прежнему содержались многочисленные ссылки на доктрину независимой и активной внешней политики Индонезии, а также высказывались необходимость поддержки палестинского народа и призывы к Индонезии продвигать «срединную» версию ислама. Джоко Видодо упоминал межрелигиозный диалог в качестве платформы для продвижения индонезийской «мягкой силы», но он всегда находился на периферии политики Индонезии.

¹ Aspinall E. Yudhoyono Presidency // E. Aspinall, M. Mietzner, D. Tomsa (Ed.). Indonesia's Decade of Stability and Stagnation. – Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2016. – P. 181.

Отсюда не исключено, что ограничения принципа внешнего баланса на исламском направлении наложат свои лимиты на использование межрелигиозного диалога как инструмента внешней политики.

Общественное мнение по вопросам, связанным с проблемами мусульманского мира, может сдерживать внешнюю политику Индонезии. Когда США переместили свое посольство в Израиле в Иерусалим, площадь перед американским посольством в Индонезии стала местом массовых уличных протестов¹. Кроме того, Индонезия опротестовала заявление Австралии в декабре 2018 г. о своем плане следовать примеру США и отложила подписание соглашения о свободной торговле с Австралией до тех пор, пока Канберра не объявила о своей поддержке решения о создании двух государств со столицей Палестины в Восточном Иерусалиме. Индонезия традиционно поддерживала независимость Палестины, но в эпоху Сукарно и Сухарто дипломаты оправдывали эту позицию антиколониализмом и светскими ценностями, а не религией. Сегодня, когда индонезийское общество всё более подвержено по-пулистским тенденциям, Индонезия стремится использовать именно исламскую риторику, но продолжает делать это крайне осторожно. Индонезия неоднократно предлагала свои услуги, чтобы помочь в урегулировании разногласий между ООП и ХАМАС, но исходила не из религиозных мотивов солидарности, а из старого положения о том, что главный урок ее собственной битвы за независимость заключается в том, что единство является главной и необходимой предпосылкой для независимости².

Исламский фактор, таким образом, проявляется в современной внешней политике Индонезии в двух основных формах. Во-первых, это выражается в стремлении к более тесным отношениям с мусульманским миром. Это желание, в первую очередь, вызвано стремлением укрепить экономические связи с богатыми государствами Персидского залива, и отчасти – желанием завоевать уважение мировой уммы как неарабской мусульманской силы. В любом случае на данном этапе больший интерес к укреплению отношений с исламскими странами скорее связан с ожидаемыми

¹ Куклин Н.С. Реакция Индонезии на признание Иерусалима столицей Израиля со стороны США // Диалог цивилизаций: Восток – Запад. – Москва : Изд-во РУДН, 2018. – С. 420.

² Shekhar V. Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century Rise of an Indo-Pacific Power // Shekhar V. (Ed.) – London : Routledge, 2018.

экономическими выгодами, чем с проблемой ислама как общей веры и проблемами, с которыми он сталкивается в сегодняшнем глобализирующемся мире.

Во-вторых, исламский фактор отражается в политике в отношении конфликтов, в которых мусульмане становятся жертвами, поскольку ислам предписывает солидарность между мусульманами. Традиционно этот импульс проявлялся, в основном, в политике Индонезии в отношении Ближнего Востока, особенно в поддержке независимости Палестины, противодействии вторжению в Афганистан в 2001 г., противодействии войне в Ираке 2003 г. и осуждении применения силы Израилем против Ливана и в секторе Газа.

Это также повлияло на политику Индонезии в отношении преследования рохинджа и уйгуров в Мьянме и КНР соответственно. При этом вопросы поддержки единоверцев сталкиваются с политическим прагматизмом – необходимостью сохранения единства АСЕАН и выгодных экономических отношений с Китаем, нужных для реализации инфраструктурных проектов. С другой стороны, нейтралитет Индонезии допускает проявление жесткой позиции там, где затрагиваются национальные интересы или ценности, важные для индонезийского народа, среди которых ислам занимает не последнее место. Например, будучи председателем СБ ООН в 2019–2020 гг., Индонезия принципиально стремилась привлечь внимание ООН к проблеме рохинджа и ближневосточному урегулированию, определяя эту организацию как важный инструмент в решении проблем уммы¹.

Очередным новшеством индонезийской дипломатии стало вынесение на площадку СБ ООН и ОИС вопросов прав мусульманских рабочих из ЮВА в странах Ближнего Востока. Ранее, 29 октября 2018 г., в Саудовской Аравии казнили гражданку Индонезии Тути Турсилавати за убийство в результате самозащиты при домогательствах². Суд не учел нападения на саму девушку, а ее казнь была проведена без какого-либо уведомления властей Индонезии, что было не первым случаем. Подобная жесткая политика КСА в отношении индонезийских мигрантов напрямую связана со

¹ Arsheim H. Making Religion and Human Rights at the United Nations // H. Arsheim. – Berlin : De Gruyter, 2018. – P. 122.

² Indonesia Protests Saudi Arabia's Execution of Maid. 01.11.2018 // <https://www.nytimes.com/2018/11/01/world/asia/indonesia-maid-executed-saudi-arabia.html#:~:text=Tuti%20Tursilawati%2C%20a%20mother%20of,defending%20herself%20from%20sexual%20assault> (дата обращения: 24.05.2021 г.).

спором двух центров ислама за лидерство в умме, что провоцирует стороны к подобным шагам. Индонезия стремится к широкому освещению таких случаев зачастую с позиций «защиты мусульман в мусульманских же странах».

Заключение

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что исламский фактор во внешней политике Индонезии играет не такую очевидную роль, как может показаться по причине большой численности мусульманского населения и внимания, уделяемого правительством этим вопросам. Значительную роль в формировании взглядов народа и индонезийской элиты играют предыстория развития ислама на Малайском архипелаге, высокая роль атавистических типов ислама и самобытные подходы к пониманию религии, среди которых имеет место синкретизм. Национальная идеология – философия Панча Сила – также направлена на реализацию в обществе принципа равенства, толерантности и баланса, что удерживает мультиконфессиональное и полигническое общество Индонезии от распада и вводит свои ограничения на использование во внешней политике исламских принципов и основ. Тем не менее крупнейшие в мире мусульманские организации и духовные связи индонезийских мусульман по всему миру всегда помогали Индонезии не только в решении проблем межрелигиозного диалога, но и в реализации важных дипломатических целей, например, в период войны за независимость (1945–1949).

Политический ислам в Индонезии также прошел долгий путь – от поддержки исламского пути развития страны на начальных этапах образования индонезийского государства до поддержки Панча Сила и единства Индонезии в наши дни. С началом нового столетия основной задачей правительства стала необходимость практически моментального реагирования на рост радикализма и появления террористов на территории страны. В то же время Индонезия не могла не осудить и растущую исламофобию, и действия стран Запада, частично основанные на этом тренде. В итоге это привело к стремлению Индонезии концептуализировать исламское пространство, обозначить свои позиции, опираясь на самобытность и идеологию терпимости, умеренности и синкретизма по отношению к глобализации. Индонезия более не могла опираться на светскую или антиколониальную риторику периода Сукарно и Сухарто.

Так, Индонезия заявила о себе как о центре неарабских мусульман и своего рода «альтернативе» ближневосточным подходам и взглядам на развитие уммы. Также это проявилось в необходимости интернационализации «духовного ресурса» Индонезии, включения организаций и богословов в международный дискурс. Индонезия по-прежнему осторожно подходит к реализации исламской повестки по причине опасений за внутриполитическую ситуацию в аспекте предоставления площадки как консервативным религиозным силам, так и радикалам, с которыми, однако, ведется уверенная борьба, в том числе силовая. Индонезия жестко выступает за подавление и уничтожение террористических групп и является одной из самых успешных стран на этом направлении.

Очевидно, что характерная для Индонезии стабильность внешнеполитического курса и его умеренность сохранятся и в дальнейшем, даже если к власти придут военные или религиозно-ориентированные силы. Индонезия напоминает здесь соревновательную фракционную модель принятия решения США, когда все фракции, независимо от их победы или поражения на выборах, имеют определенный ресурс влияния на общеполитический вектор развития страны. Индонезия продолжит концептуально подходить к транслированию своих взглядов на умму в мировом поле, используя кризисы и проблемы современного общества в качестве мотиваторов и факторов эффективной работы собственной мягкой силы, а также способов повышения авторитета среди мусульман.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

**Белинский А.В.*
«ИГРА ПРЕСТОЛОВ».
ЛИВАНСКИЕ КЛАНЫ И ГОСУДАРСТВО В ФРГ**

DOI: 10.31249/timm/2021.03.07

Аннотация. В статье рассматривается процесс криминализации прибывших в ФРГ в начале 1980-х годов ливанских кланов. Отмечается,

* Белинский А.В., кандидат политических наук, старший научный сотрудник, отдел проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, e-mail: belinski_andrei@mail.ru

что он был обусловлен целым рядом причин, к числу которых относятся маргинальное положение выходцев из Ливана, недостаточное внимание властей к вопросам интеграции, особенности менталитета и т.д. Начав с мелких краж и уличной торговли наркотиками, кланы постепенно стали создавать свои экономические структуры, которые включали в себя как легальный бизнес, так и криминальную деятельность (вымогательства, ограбления, «отмывание» денег и т.д.). В конце статьи делается вывод о том, что эффективная борьба с клановой преступностью предполагает комплекс мер, включающих не только полицейские операции, но и борьбу с «бизнесом» кланов и работу с их отдельными членами.

Ключевые слова: ливанские кланы; Мхамалли; ФРГ; организованная преступность.

Двоевластие

Дерзкое, как по своему замыслу, так и по способу осуществления, ограбление берлинского музея Боде в 2017 г. могло с легкостью стать основой сценария для острожетного голливудского фильма или же войти в качестве наглядного образца в учебники криминалистики. В ночь на 27 марта 2017 г. трое одетых во все черное мужчин сошли на станции Хаккешер-Маркт и по железнодорожным путям выдвинулись в сторону музея. У железнодорожной насыпи их поджидал сообщник, который помог им залезть в окно музея. Целью преступников была стокилограммовая золотая монета Big Maple Leaf, стоимость которой эксперты оценивали приблизительно в 3,75 млн евро¹. Пуленепробиваемое стекло было разбито топором, монета с помощью канатов и тачки была переправлена в машину, после чего ее следы затерялись².

Расследовавшие дело полицейские в конце концов вышли на след четырех членов известного в криминальных кругах Берлина ливанского клана Реммо, который до этого уже неоднократно попадал в поле зрения правоохранительных органов ФРГ.

Ограбление всемирно известного музея стало не просто громким преступлением, а индикатором того, что во многих крупных немецких городах наряду с традиционными государственны-

¹ Tagesspiegel. Prozess gegen mutmaßliche Goldmünzen-Diebe beginnt. 10.01.2019 // <https://www.tagesspiegel.de/berlin/bode-museum-prozess-gegen-mutmassliche-goldmuenzen-diebe-beginnt/23841646.html>

² Полицейские и криминалисты предполагают, что преступники переплавили монету, чтобы замести следы.

ми институтами параллельно формируются неформальные структуры, которые не только оспаривают действующие законы, но и претендуют на то, чтобы навязать свои правила в тех кварталах и районах, которые находятся под их контролем. И речь идет не только о салафитской общине, деятельность которой давно стала предметом самого пристального наблюдения со стороны немецких спецслужб, но и курдских, турецких и ливанских кланов. Последние достаточно долгое время находились для основной части общества «за кадром», однако ряд резонансных преступлений, к числу которых относится и упомянутое выше ограбление музея Боде, вывел выходцев из Бейрута в топ новостных чартов ФРГ, пусть и с негативной коннотацией.

Постепенно и к государственным структурам, и к обществу приходит осознание факта, что они имеют дело не с мелкими бандами преступников, а с достаточно сильными клановыми структурами, чья преступная деятельность (наркоторговля, «отмывание» денег, ограбления) наносит не только серьезный экономический ущерб, но и ставит под вопрос состоятельность Основного закона ФРГ. Каким же образом вчерашние беженцы из Ливана сумели превратиться в «королей» преступного мира ФРГ?

Вечные странники

История многих ливанских кланов уходит своими корнями в Малую Азию, которая, по мнению ряда исследователей, является их прародиной. Именно здесь, на плоскогорьях Восточной Анатолии, например, зародился известный клан Мхамалли, численность которого насчитывает несколько тысяч человек. Восстание курдов 1925 г., выступавших против проводимой железной рукой М.К. Ататюрка национальной политики, нарушило традиционный уклад жизни Мхамалли. Хотя члены клана и не принимали непосредственного участия в восстании, придерживаясь нейтральной позиции в конфликте между Анкарой и сторонниками независимого КурDISTана, боевые действия не обошли их стороной. Экономическая разруха, нежелание подвергнуться нападениям или репрессиям подтолкнули Мхамалли к миграции. Подобно древним египтянам, бежавшим от гнева фараона из Египта, многие курды вынуждены были покинуть свою историческую родину и отправиться в изгнание. Среди переселенцев были и представители клана Мхамалли, которые нашли пристанище в Ливане, ставшем «землей обетованной» для тысяч беженцев со всего Ближнего

Востока¹. Впоследствии к этим «пионерам» присоединились их многочисленные родственники и соплеменники. Однако в отличие от армян, которые благодаря протекции местных христиан достаточно быстро получили ливанское гражданство, а вместе с ним – возможность занять наиболее перспективные ниши экономики, новые жители страны были лишены подобных привилегий, что не могло не сказаться как на их положении, так и на отношении к государственным институтам. «Из-за блокады со стороны христиан они, конечно же, не получили гражданство. До 1994 г., когда был издан декрет о предоставлении гражданства, суннитам удалось натурализовать лишь 10% этой группы»².

Вспыхнувшая в 1975 г. гражданская война в Ливане между христианскими и мусульманскими общинами, жертвами которой стали десятки тысяч человек, вызвала волну миграции из страны, в том числе и в Западную Европу. В числе покинувших страну в поисках счастья были и известные кланы Мхамалли, Реммо, Аль-Зейн, которые перебрались в ФРГ, уже давно ставшую магнитом для мигрантов из Южной Европы, Югославии и Турции³. Новая родина приняла ливанцев не слишком приветливо, поначалу ограничившись предоставлением временного вида на жительство, который фактически закрывал доступ на легальный рынок труда и тормозил интеграцию общины в немецкое общество. Впрочем, данное обстоятельство никоим образом не помешало уроженцам небольшой ближневосточной страны пустить корни в Берлине, Дуйсбурге, Гамбурге, привозя своих родственников и шаг за шагом выстраивая свою полуподпольную экономическую «империю».

Описанный выше «долгий путь на Запад» ливанских кланов является не только прелюдией к основной части статьи, но и во многом дает ключ к пониманию того, почему они оказались по другую сторону закона.

¹ Нужно отметить, что Ливан далубежище армянам, палестинцам, друзам, а в последние годы – сирийцам. Это обстоятельство привело к достаточно пестрому этноконфессиональному составу страны, и как следствие – многочисленным конфликтам.

² Ghadban R. Arabische clans. Die unterschätzte Gefahr. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. 2018. S. 56.

³ Весьма примечателен и маршрут прибывающих в Европу ливанских кланов. Первоначальной целью беженцев из Ливана был аэропорт Темпельхоф в Восточном Берлине, откуда они перебирались в западную часть города, чтобы потом добраться до ФРГ.

Во-первых, кочевой образ жизни и постоянные перемещения из одного региона в другой вследствие войн, гонений, или неблагоприятной экономической ситуации обусловили отношение выходцев из Ливана к государству и его структурам как чему-то чужому, не имеющему к ним никакого отношения. Это особенно отчетливо проявилось во время гражданской войны в Ливане, когда Мхамалли попеременно поддерживали то мусульманские, то левые партии в зависимости от интересов клана. Следствием этого стало откровенное пренебрежение как действующими законами, так и культурными традициями принявший их страны, в особенности если речь шла о государствах с чуждыми им культурой и религией¹.

Во-вторых, постоянные вооруженные конфликты и столкновения, участниками, жертвами или свидетелями которых являлись представители ливанских кланов, наложили свой (как правило, негативный) отпечаток на мировоззрение и поведение представителей кланов. Использование или угроза применения силы, проявление агрессии в отношении оппонентов являются характерными чертами поведения для многих выходцев из кризисных, нестабильных регионов (Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан и т.д.).

В-третьих, несмотря на массовый исход из Ливана десятков тысяч беженцев, традиционная клановая структура не только не ослабла, но, наоборот, усилилась. Ее усиление было обусловлено как притоком «свежей крови» в лице родственников из Ближнего Востока, так и тем обстоятельством, что в условиях незнакомой внешней среды именно клан давал защиту и поддержку своим членам.

И наконец, слабая интегрированность кланов в экономику и общество (отсутствие гражданства и доступа к легальному рынку труда)² определили маргинальное положение ливанских кланов и, как следствие, склонность их членов к криминалу и нелегальной деятельности. «Конечно, они дрались, воровали, торговали наркотиками. Если у тебя нет денег и ты не идешь красть, что ты будешь делать, если хочешь есть?»³ (Джамаль Аль-Зейн, мировой судья, представитель клана Аль-Зейн). «По мнению президента

¹ Впрочем, ряд исследователей отмечает, что следование нормам религии внутри кланов носит достаточно избирательный характер и определяется клановыми интересами.

² Этому способствовали как неповоротливое законодательство ФРГ, так и нежелание немецких властей заниматься проблемой мигрантов.

³ WDR Doku. Kriminelle Clans und ihre Millionen-Geschäfte // <https://www.youtube.com/watch?v=PCVT012sQhA&t=2044s>

Федерального ведомства криминальной полиции ФРГ Хольгера Мюнха, немецкие власти в прошлом совершили ошибку, когда в 1980–1990-х годах арабские семьи прибыли из Турции в ФРГ и смогли превратиться в криминальные кланы. В качестве причины этого он назвал то обстоятельство, что мигранты без перспективы получения гражданства или вида на постоянное место жительства селились в определенных местах, жили обособленно и криминализировались без достаточных для себя последствий¹. Фактически немецкое государство стало жертвой своей половинчатой миграционной политики, основанной, с одной стороны, на принятии беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, а с другой – на отказе от их интеграции. И в скромом времени властям пришлось пожинать плоды своей недальновидности.

О том, как на практике в 1980-е годы происходил процесс вовлечения мигрантов из Ливана в криминальную жизнь, достаточно подробно рассказал в своей книге публицист Р. Гхадбан, долгое время проживший в Ливане, «Кланы. Недооцененная угроза»: «В начале они отправлялись в супермаркеты и магазины и забирали всё, что хотели. [...]. Поначалу организация действовала в тройке: наблюдатель, отвлекающий, исполнитель. Скоро из них возникли сплоченные банды, которые осуществляли более сложные акции»². Впоследствии именно их этих банд были созданы мощные структуры, сочетающие криминальную деятельность и легальный бизнес. И именно клановая структура стала тем ядром вокруг которого выстраивалась вся финансовая деятельность вчераших беженцев из Ливана.

За кулисами. Как устроены ливанские кланы

Приподнять завесу тайны над тем, как в реальности устроены и функционируют ливанские кланы, сложно не только постороннему наблюдателю, но и спецслужбам и полиции, которые располагают разветвленным штатом осведомителей и новейшими средствами слежения. Причина «непрозрачности» кланов для правоохранительных органов объясняется не только особенностями их устройства (невозможность попасть в клан постороннему чело-

¹ Die Kriminalpolizei. Zeitschrift der Gewerkschaft der Polizei Ausgabe 2 / 2020. S. 28.

² Ghadban R. Arabische Clans. Die unterschätzte Gefahr. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin 2018. S. 141.

веку, браки только между родственниками), но также и строжайшими мерами безопасности, призванными защитить от «всевидящего ока» государства. Всё тот же Р. Гхадбан в своей книге описывает эпизод, который в полной мере передает это стремление сохранить в тайне любую информацию о клане. «В гессенском Франкфурте я был приглашен на демонстрацию солидарности против высылки членов клана Мхамалли. Конечно, в зале было много Мхамалли. Я делал записи об отношениях кланов. Обычное дело, если хочешь представить положение группы. Внезапно один молодой человек вскочил со своего места и обвинил меня в том, что я хочу разгласить внутренние дела клана. Его соседи принялись успокаивать его, возможно они объяснили ему, что я получил информацию от главы клана, во всяком случае он успокоился»¹.

В какой-то мере пролить свет на ситуацию внутри ливанских семей помогают доклады правоохранительных органов ФРГ, расследования журналистов, а иногда и откровенные свидетельства самих членов кланов.

Традиционный ливанский клан состоит из нескольких тысяч человек, которые, несмотря на географическую разбросанность (ФРГ, страны Западной Европы, Ливан), тесно связаны между собой родственными узами². В свою очередь кланы подразделяются на семьи, в которых до сих пор царит патриархально-архаичный уклад. «В кланах действует строгое понимание ролей, которое касается как взаимоотношения полов, так и иерархии»³. Во главе клана или семьи находятся старейшины, которые наряду с лидерскими функциями выступают в роли мировых судей, а также занимаются воспитанием молодежи. Последнему уделяется особое внимание, поскольку подрастающее поколение должно следовать принятым обычаям и традициям. С раннего детства молодым людям прививается культ силы, мужественности, необходимости защиты чести семьи, которая должна отстаиваться всеми возможными средствами. При этом «болевой порог» достаточно низок, и одного косого взгляда или неосторожно брошенного слова вполне достаточно для начала конфликта. Данное обстоятельство зачастую

¹ Ghadban R. Arabische Clans. Die unterschätzte Gefahr. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. 2018. S. 138.

² Как уже было отмечено выше, браки внутри клана способствовали укреплению кровнородственных связей, а вместе с этим и групповой сплоченности.

³ Polizei Nordrhein Westfalen. Arabische Familienclans – Historie. Analyse. Ansätze zur Bekämpfung. 2020. S. 9.

тую обуславливает весьма агрессивное поведение членов ливанских кланов по отношению как к конкурентам, так и к служителям немецкой Фемиды. Влияние и могущество своего клана обычно подчеркиваются демонстрацией предметов роскоши (дорогие автомобили) или организацией пышных публичных мероприятий (свадьбы, дни рождения), на которых могут присутствовать несколько сот гостей. Женщинам отводится традиционная для мусульманских семей роль хранительниц очага и продолжательниц рода, что фактически исключает их участие в решении всех важных вопросов внутри клана¹.

Высокая численность, тесные кровнородственные связи и готовность применять силу в отношении оппонентов в конечном счете помогли выходцам из Ливана занять достойное место под криминальным солнцем Берлина, потеснив после непродолжительных, но кровопролитных войн банды байкеров и албанскую мафию².

«Монополия» с ливанским акцентом

В начале 1930-х годов в самый разгар Великой депрессии безработный из Пенсильвании Чарльз Дэрроу запатентовал настольную игру «Монополия», которая со скоростью телеграфа покорила сначала Соединенные Штаты, а затем и остальной мир. Настольная игра давала любому человеку возможность почувствовать себя на некоторое время менеджером или банкиром, развить стратегическое мышление, логику и интуицию.

Организованную ливанскими кланами в крупных городах ФРГ финансовую бизнес-империю можно смело сравнить с «Монополией». Здесь есть всё: развитие предпринимательства, борьба с конкурентами, миллионные суммы, риск. Однако есть два об-

¹ Внутри кланов, как, впрочем, и во многих мусульманских семьях, достаточно распространены так называемые «убийства чести» (Ehrenmord – нем.), которые предоставляют членам клана право лишить жизни жену или сестру за измену или отступления от норм.

² Примечательно, что за пределами клана молодые курды и арабы почти не имели друзей. Гхадбан вспоминает, что во время его разговора с представителями ливанских кланов в середине 1990-х годов почти все подростки с удивлением реагировали на вопрос о наличии знакомых среди однокашников, соседей и т.д. Это обстоятельство объясняет враждебность ливанских кланов по отношению к окружающему миру и жестокость к чужакам. *Ghadban R. Arabische Clans. Unterschätzte Gefahr*. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. 2018. S. 146.

стоятельства, которые отличают американскую «Монополию» от ливанской, – реалистичность и зачастую криминальный характер.

Бизнес-модель кланов Мхамалли, Реммо и Мири основана на тесном переплетении легального бизнеса, «серых схем» и откровенного криминала, включающего торговлю наркотиками, вымогательство и расправу над всеми неугодными.

Официальной вершиной этого айсберга под названием «экономика кланов» являются сеть кальянных, лавочек, торгующих овощами и фруктами, и закусочных, призванных в очередной раз продемонстрировать властям легальность и прозрачность предпринимательской деятельности выходцев из небольшой ближневосточной страны. Однако за витриной этого благочиния скрывается совсем иной мир, живущий по своим неписанным законам. Проведенный обыск в домах, принадлежащих представителям влиятельного клана Аль-Зайн, продемонстрировал роскошь и богатство ливанских семей, пусть и уступающие сокровищам арабских шейхов, но всё же контрастирующие со скромным статусом бедных мигрантов из Ближнего Востока. «Из протокола обыска двоюродного деда, безработного получателя пособия Hartz IV: “В спальне были найдены часы Rolex в оригинальной коробке. В кармане джинсов обвиняемого было обнаружено 2795 евро”»¹. Правоохранители конфисковали у представителя клана автомобиль Porsche 996. Подобного рода картины можно с завидной регулярностью наблюдать в репортажах немецких СМИ.

Источники доходов ливанских семей столь же многообразны, сколь и методы, с помощью которых они увеличивают свое благосостояние. Высокая доходность баров обусловлена не только популярностью подобного рода заведений среди молодежи, но и «маркетинговой» стратегией их владельцев. В 2018 г. власти обнаружили в Золингене подпольную фабрику, производящую табак для кальянных. При себестоимости производства 5–10 евро за килограмм он впоследствии продавался в барах по цене 50–70 евро².

Однако основу благосостояния ливанских кланов составляет всё же криминальная деятельность – торговля наркотиками, шантаж, мошенничество и т.д. Еще в начале 1980-х годов выходцы из Бейрута попадали в поле зрения берлинской полиции из-за распространения наркотиков. А в начале 1990-х годов после непро-

¹ Der Spiegel. Die Gangster. № 8/ 2019. S. 14.

² Kriminelle Clans und ihre Millionen-Geschäfte | WDR Doku // <https://www.youtube.com/watch?v=PCVT012sQhA&t=2042s>

должительной, но жестокой войны с албанским кланом Османи они захватили большую часть рынка. «В коллективной памяти Мхамалли конфликт с албанцами в Берлине приобрел черты мифа о победе и начале их владычества»¹.

Со временем к наркоторговле прибавились и другие криминальные «промыслы», которые способствовали обогащению арабских и курдских семей. Наряду с ограблениями и кражами, ставшими уже визитной карточкой кланов, к ним относились вымогательства и требование крупных сумм денег за «защиту». Наиболее распространенная схема шантажа со стороны представителей ливанских кланов выглядит следующим образом. После покупки автомашины или бытовой техники продавцу поступал звонок от покупателя с требованием возместить ущерб за якобы имеющий место дефект. В случае отказа в его адрес поступали угрозы физической расправы, которые вынуждали сотни людей исправно переводить деньги, в том числе и за рубеж, в Ливан. Пройдя «очищение» через местные банки деньги кланов возвращаются в ФРГ, где они инвестировались в недвижимость и легальный бизнес.

Влияние кланов распространилось даже на такую сферу, как шоу-бизнес. Большой резонанс и в СМИ, и среди общественности получила история известного немецкого рэпера «Bushido» (Анис Мохаммед Юсеф Ферчики), который на протяжении почти 14 лет сотрудничал с кланом Абу-Шакер, получавшим за свой патронаж половину доходов певца². Однако в 2018 г. «роман» между известным музыкальным исполнителем и криминальным миром закончился, что вылилось во взаимные упреки, за которыми в скором времени последовали угрозы со стороны Абу-Шакер. От расправы «Bushido» спасло заступничество другого ливанского клана – Реммо.

Сколько власти у государства?

О силе и опасности ливанских кланов лучше всего говорят сухие цифры полицейской статистики. Только с 2016 по 2018 г. в одной федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия представи-

¹ Ghadban R. Arabische Clans. Die unterschätzte Gefahr. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin 2018. S.143.

² Сотрудничество кланов с представителями шоу-бизнеса было обусловлено не только финансовыми соображениями, но и стремлением повысить свой имидж и авторитет в определенной части общества.

тели кланов совершили около 14 000 различных правонарушений и преступлений¹.

«Мы проспали»,² – вынужден был признать министр внутренних дел Северного Рейна – Вестфалии Х. Рейл. И действительно, проводившаяся на протяжении многих лет политика государства в отношении ливанских кланов, которая строилась на неправильной оценке ситуации, не имела особого успеха. Обыски, аресты и уголовные дела – обычные инструменты, применявшиеся в борьбе против криминальных банд, – оказались неэффективными в конфликте с Реммо, Мири и Аль-Зуйн. «Следователи сообщают: уже дети зло высмеивают полицейских, поскольку их научили не выказывать им никакого уважения. Жены высмеивают их, поскольку знают доказательства»³. Даже угроза тюремного заключения не смогла стать препятствием для преступной деятельности кланов. «Мать, чьи сыновья оказались в тюрьме, попрощалась с последним словами: «Тюрьма делает мужчиной»»⁴.

В этой ситуации и от правоохранительной системы ФРГ, и от политических партий требуется новая стратегия в отношении выходцев из Ливана, которая должна отступить от традиционных полицейских операций и включать в себя меры, направленные против самой клановой системы, а не только отдельных (пусть и весьма влиятельных) членов.

В первую очередь это касается экономического фундамента арабских и курдских семей. В специальном докладе полиции, посвященном деятельности кланов в ФРГ, отмечалось, что одним из главных страхов членов клана наряду с потерей чести является утрата денег или экономических ресурсов⁵. Именно поэтому основной удар должен наноситься по бизнесу ливанских семей, лишая их той опоры, которая позволяет им чувствовать себя уверенно в чужой стране.

Кроме того, большое внимание следует уделять работе с молодежью, от которой будет зависеть ситуация в мигрантских кварталах Эссена, Дуйсбурга, Берлина. Безусловно, эта задача является гораздо более сложной, чем борьба с нелегальным «бизнесом»

¹ Der Spiegel. Die Gangster. № 8/ 2019. S. 14.

² Ibid. S. 17.

³ Ibid. S. 14.

⁴ Ibid.

⁵ Polizei Nordrhein Westfalen. Arabische Familienclans – Historie. Analyse. Ansätze zur Bekämpfung. 2020. S. 13.

кланов, поскольку подрастающее поколение прочной «пуповиной» связано со своей семьей, а авторитет государственных органов (школа, социальные ведомства) крайне низок.

Однако именно только эта триада мер – полицейские операции, борьба с экономическими преступлениями и работа с молодежью – сможет вырвать корни, которые ливанские кланы пустили в 1980-х годов в ФРГ.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

2021.03.003. **Дмитриева Е.Л.***
**ИСЛАМСКИЙ МИР В УСЛОВИЯХ
ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА.**
(Сводный реферат)

1. Кафаров Т.Э. Ислам в экстремальных условиях пандемии // Ислам и исламоведение в современной России. Сборник докладов II Всероссийского исламоведческого форума. Под общей редакцией М.Я. Яхъяева. Махачкала, 2021. С. 89–96.

2. Царегородцева И.А., Гукежев И.А., Чепайкина Д.И. Фетвы эпохи коронавируса: реакция исламских правовых институтов на новые реалии // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. № 2. С. 69–82.

Ключевые слова: ислам; фетва; рамадан; хадж; виртуальный хадж; коронавирус; пандемия.

Кафаров Т.Э.,

д-р филос. наук, профессор, зав.кафедрой философии и истории ДГМУ (г. Махачкала)

Царегородцева И.А.,

канд. ист. наук, доцент школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (г. Москва)

Гукежев И.А.,

студент, школа востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

* Дмитриева Е.Л., ст. научн. сотр., Отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН,
eldmi@list.ru

Чепайкина Д.И.,

студентка, школа востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Доктор философских наук Кафаров Т.Э. (1) в своей работе рассматривает влияние пандемии на религиозную жизнь мусульман. По мнению автора, пандемия коронавируса существенно изменила «технологию» действия большинства основ ислама, которые так или иначе, претерпевают изменения как по форме, так и по содержанию. В качестве доказательства автор приводит следующие факты: эпидемия привела к временному закрытию мечетей для обязательной пятикратной молитвы, в том числе и пятничной; по причине закрытия границ стало невозможным или затрудненным традиционное паломничество в Мекку; свернутыми оказались все привычные мероприятия в период поста в месяц Рамадан, поскольку было признано, что сами по себе экстремальные условия, связанные с изменениями в режиме дня и питания, повышают риск заболевания; из-за требований социального дистанцирования становится невозможной совместная вечерняя трапеза (ифтар).

Автор отмечает, что особенно болезненно мусульмане всего мира воспринимают отмену паломничества к святыням ислама (хадж). Отмена хаджа в истории осуществлялась многократно по самым различным причинам, но на данный момент – это первая отмена хаджа со времени образования Королевства Саудовская Аравия в 1932 г. В создавшихся условиях важным и интересным представляется опыт организации в Интернете различных проектов, например «Мекка 3D» и др., позволяющих компенсировать возникшие в связи с пандемией ограничения и совершать хадж в виртуальном пространстве. Автор статьи считает неуместной и несвоевременной дискуссию, поднятую в СМИ, на тему признания или непризнания такого виртуального паломничества в качестве исполнения одного из важных «столпов» ислама. Т.Э. Кафаров высказывает сожаление, что многие авторитетные лица и организации (например, Мусульманский совет Великобритании) не признают виртуальный хадж, считая, что это мероприятие должно быть связано с преодолением трудностей, которые возникают у паломников на пути к священным землям в реальной жизни. Но по мнению автора статьи, существует ряд аргументов в поддержку такого виртуального хаджа:

– в современных условиях туристические агентства организуют достаточно удобные условия для путешествия, и паломники также не испытывают особых трудностей;

– данная проблема имеет нравственный контекст, поскольку таким способом устанавливается принцип социальной справедливости, так как есть большая категория верующих – пожилые люди, инвалиды, больные, ухаживающие за ними, и др., которые не имеют возможности для осуществления паломничества, не говоря уже о финансовой стороне вопроса, а виртуальный хадж является единственной возможностью почувствовать себя истинным мусульманином;

– с помощью виртуального хаджа мусульмане добиваются реализации одного из основополагающих постулатов ислама – равенства всех людей перед Богом, независимо от возраста, имущества, места жительства и т.д., так как виртуальный хадж, временно и символически заменяющий для правоверного мусульманина реальное паломничество, в какой-то мере уравнивает всех мусульман в возможности осуществить заветную поездку.

Еще одной причиной, оправдывающей признание виртуального хаджа, является современная цифровая и информационная культура, которая проникает во все без исключения сферы жизнедеятельности человека. Исламский мир активно использует современные инструменты коммуникации, и почему это не должно касаться технологии паломничества, пусть даже на ограниченный период времени?

Автор статьи отмечает, что некоторые представители духовенства совсем не вовремя проявляют свою «конфессиональную бдительность», защищая «чистоту» ислама. Речь идёт о крайне нежелательной полемике по поводу халильности медицинских антивирусных препаратов и вакцин. Такой вопрос достаточно интенсивно обсуждается в средствах массовой информации. При этом не учитывается, что Коран и Сунна однозначно допускают использование нехалильной продукции в экстремальных условиях, угрожающих жизни и здоровью людей. Это связано с тем, что, по Корану, человек, его физическое и духовное здоровье являются наивысшей ценностью, и он обязан, в первую очередь, заботиться о сохранении своей жизни. Т.Э. Кафаров допускает, что эти вопросы имеют право на существование в обычных условиях, но поднимать их в напряженных и неопределенных условиях пандемии – это значит препятствовать государственной политике профилактики и лечения коронавируса.

Автор статьи затрагивает проблему культурной, региональной и конфессиональной специфики пандемии коронавируса. Существует ли такая специфика или нет? Если да, то кто из представителей христианского, исламского, буддистского или иных миров и культур более успешен в противоборстве с пандемией? Сегодня уже известно, что страны, эффективно противостоящие пандемии, находятся в густонаселенных районах традиционного распространения буддизма, конфуцианства и смежных верований в Юго-Восточной Азии (Китай, Северная Корея, Тайвань, Вьетнам). Почему же регионы и культуры, где, во-первых, плотность населения наиболее высока; во-вторых, откуда, собственно, началась эпидемия; и, в-третьих, не имеющие особых пространственно-географических кордонов, препятствующих распространению эпидемии, на сегодняшний день являются наиболее успешными в противоборстве с пандемией? Автор полагает, что причину такого положения дел необходимо искать в национальном менталитете и особенностях социальной организации жителей данного региона. Прежде всего, необходимо выделить их дисциплинированность и законопослушность, которые позволяют легче и с меньшими потерями мобилизоваться для достижения поставленных целей, а также идти на ограничения свободы в период пандемии.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в этих странах почти нет ковид-диссидентства, достаточно часто встречающегося в европейских и других странах, сторонники которого призывают к бойкоту государственных действий, направленных на защиту от пандемии. Акции ковид-диссидентов регулярно проходят во всем мире. Только в январе 2021 г. многотысячные акции ковид-диссидентов с требованием отказа от антиэпидемических ограничений прошли во многих европейских городах. Есть такие диссидентские движения и в России. Необходимо отметить, что мусульмане значительно реже участвуют в ковид-диссидентском движении, особенно это касается отношения к стратегии самоизоляции и дистанцирования, реализуемой государством. Но ковид-диссидентство среди мусульман проявляется в иных формах, о которых говорилось выше в связи с дискуссиями о халильности вакцин и противовирусных препаратов.

Важную роль в успешном противостоянии пандемии играет феномен социальной дистанцированности, принятой среди жителей Юго-Восточной Азии, где контактные формы коммуникации, типа объятий и рукопожатий, столь распространенных в исламском и христианском мирах, встречаются достаточно редко. Следуя нормам этикета, люди предпочитают не подходить близко друг

к другу, издалека проявляют свое уважительное отношение к другому человеку, чтобы нечаянно не коснуться партнера, что в этих культурах рассматривается как серьезное нарушение норм общения.

Мусульманский же этикет предпочитает более тесные формы общения людей: для него касаться другого человека, обнимать его – это проявление уважения. Также не следует забывать, что близкому общению людей способствуют и коллективные формы богослужения, которые существуют в исламе, где верующие, независимо от социального и имущественного положения, находятся в непосредственной близости друг от друга.

В заключение автор обращается к понятию «краудинга», т.е. дискомфортного состояния человека, вызванного дефицитом личного пространства при общении, когда человеку кажется, что вокруг него оказалось слишком много людей. Автор делает вывод, что эпидемическая ситуация будет расширять границы личного пространства в межличностном и публичном общении людей всех конфессий.

Коллектив авторов под руководством И.А. Царегородцевой (2) анализирует отношения религиозно-правовых и властных институтов в мусульманском мире в период пандемии коронавируса. После завершения активной фазы «арабской весны» с ее волной антиправительственных переворотов и обсуждения их законности с точки зрения исламской традиции, пандемия коронавируса стала следующей по значимости темой обсуждения в мусульманском мире. Весной 2020 г. пандемия вызывала мощную волну реакции со стороны исламских правовых институтов. Авторы статьи рассматривают реакцию на пандемию коронавируса таких крупных правовых мусульманских институтов, как египетский аль-Азхар и саудовский Совет высших богословов, аналогичных институтов ряда других государств, где арабы-сунниты составляют большинство населения – Объединенных Арабских Эмиратов, Туниса, а также нескольких исламских правовых институтов и организаций из западноевропейских стран.

Весной 2020 г., во время месяца рамадан было издано самое большое количество фетв, посвященных коронавирусу. Верующих интересовало, как пандемия повлияет на привычные религиозные практики и ритуалы. Рекомендации ученых-богословов аль-Азхара активно распространялись, прежде всего, через социальные сети, где были опубликованы довольно подробные постановления, в которых содержались следующие предписания: верующим следует соблюдать пост в грядущий месяц рамадан, несмотря на пандемию.

мию; исполнять все карантинные меры предосторожности, в том числе на посещение и организацию массовых собраний, к которым относятся также пятничные молитвы в мечетях; не допускать распространение ложной информации и непроверенных слухов относительно коронавируса, а также нельзя сеять панику среди населения; нельзя спекулировать ценами на соответствующие товары и услуги в период пандемии; во всем, что касается борьбы с эпидемией, надлежит полностью слушаться властей и медиков; рекомендуется ускорить централизованный сбор обязательной по законам ислама милостыни, дабы вырученные средства направить на помочь нуждающимся и пострадавшим во время коронавируса; разрешается использовать для дезинфекции спиртосодержащие средства; можно хоронить нескольких усопших в одной могиле, если это вызвано необходимостью во время пандемии. Тексты фетв ученых аль-Азхара содержали в себе ссылки на фрагменты из Священного писания, пророческих преданий и исторических хроник раннего ислама.

Рекомендации другого египетского центра – Дома фетв – в целом совпадали с тем, о чем писали ученые аль-Азхара, в частности: о необходимости соблюдать пост в обычном режиме, несмотря на пандемию (исключения делают для пожилых, беременных и кормящих, а также для переболевших коронавирусом врачей); об ускоренном сборе регулярных пожертвований; о поддержке решения саудовских властей отложить ежегодное паломничество к мусульманским святыням. Но была издана фетва о недопустимости организовывать пятничные молитвы в дистанционном формате, ибо так теряется истинный смысл такой молитвы, который заключается в очном молитвенном действии верующих, возглавляемых имамом. Появились и весьма необычные постановления, где говорилось, что смерть от коронавируса подпадает под основание для объявления человека мучеником.

Совет по фетвам Объединенных Арабских Эмиратов на официальном сайте также опубликовал текст фетвы по вопросам, связанным с коронавирусом. В целом, постановления эмирятских муфтиев по содержанию от рассмотренных выше документов не отличаются. Особенностью этого документа является обилие правовых терминов и ссылок на Священное писание.

Содержание постановлений Европейского совета по фетвам и исследованиям хотя и совпадало в основной их части с тем, о чем писали арабские институты, но в некоторых моментах носило специфический для немусульманских стран оттенок. Европейских

муфтиев волновали, в частности, вопросы, которые для арабских стран весной 2020 г. особо актуальными не были. Речь, прежде всего, идет о кремации тел умерших от коронавируса и о допустимости подобной процедуры в отношении усопших мусульман. Согласно фетве европейского института, кремация нежелательна, и чтобы ее избежать, лучше сразу составить соответствующее завещание; однако если кремация неизбежна, то перед останками усопшего мусульманина следует помолиться по принятому обычью. Еще одной новой, по сравнению с фетвами арабских институтов, темой стало обсуждение вопроса одного из верующих: допустимо ли мусульманам, чьи компании оказались на грани банкротства из-за пандемии, брать кредиты у европейских банков? Муфтии постановили, что у попавших в тяжелое положение европейских мусульман есть пять допустимых вариантов. Первый – обратиться к мусульманским фондам за помощью; второй – взять в банке беспроцентный кредит; третий – взять кредит на год, в течение которого можно не платить проценты; четвертый – если центральный банк выпустит постановление о предоставлении гражданам во время пандемии специальных кредитов, то такими предложениями стоит воспользоваться; главное, чтобы банки не требовали выплатить проценты по кредиту, хотя допустимо уплатить некоторую сумму сверх суммы кредита, чтобы она покрыла техническую работу сотрудников банка. Пятый вариант – если компании, которыми владеют мусульмане, маленькие, то можно объявить их банкротами; если большие и в них работает много людей, то допускается взять кредит с процентом.

Обзор имеющихся фрагментов фетв Совета высших богословов Саудовской Аравии показал, что основными их темами являются: обоснование необходимости приостановить все виды паломничеств на священную землю мусульман, соблюдения всех мер предосторожности, которые рекомендуют медики и предписывают власти; религиозно-психологическая поддержка верующих в период нарушения их привычного образа жизни. При обосновании необходимости профилактики коронавируса мусульманские ученыe Саудовской Аравии тоже довольно часто ссылаются на Коран и Сунну, настаивая на том, что в текстах откровения упоминается профилактика болезней и что ислам лечит не только душу, но и тело.

Французский совет мусульманской веры выпустил только одно короткое постановление, в котором содержатся простейшие рекомендации гигиены в условиях распространения коронавируса.

Единственное постановление Мусульманского совета Великобритании едва ли можно назвать фетвой; по форме оно напоминает возвзание к верующим и лидерам мусульманской общины страны – не собираться на массовые мероприятия и ограничить социальные контакты.

Саудовский Совет высших богословов также рекомендовал верующим соблюдать предписания властей и врачей; но основное внимание в этих постановлениях уделено ежегодному паломничеству к Каабе в конце июля, а также посту, который как раз пришелся на весеннее время пандемии. Прежде всего, по мнению членов Совета высших богословов, разные виды паломничеств к мусульманским святыням необходимо приостановить, но это не является катастрофой, ведь главное – это предупредить еще больший вред, который может быть нанесен мусульманам во время массовых мероприятий. Здесь саудовские богословы, по-видимому, ссылаются на известный принцип фикха – воздержание от большего зла и действие в интересах всей общины. Не обошлось в их постановлениях и без освещения другого известного принципа, который можно считать одним из основных политических принципов ханбалитской доктрины: послушание Всевышнему невозможно без послушания власти предлежащим.

В заключение авторы делают вывод, что в целом пандемия коронавируса не вызвала противоречий в позициях исламских институтов как в арабском мире, так и в странах Западной Европы. Все они придерживаются схожего мнения: необходимо неукоснительно соблюдать рекомендации властей и медицинского сообщества, избегать проявления религиозного фанатизма, который идет вразрез со здравым смыслом, так как профилактические меры одобрены самим исламским законом. Обращает на себя внимание тот факт, что европейские мусульманские институты предоставили более подробные рекомендации по тому, как избежать заражения, как вести себя в публичных местах, соблюдать правила элементарной гигиены и пр. Если арабские исламские правовые институты в основном ссылались на общие рекомендации властей и врачей, то европейские институты озвучивали их достаточно подробно. С их стороны также звучал призыв следовать распоряжениям властей и советам врачей, однако этот призыв отходит на второй план на фоне довольно подробных рекомендаций по соблюдению социального дистанцирования и самоизоляции в различных ситуациях. Подобное отличие, пожалуй, можно было бы объяснить следующим. В вопросах борьбы с коронавирусом, который, по сути, к религии большого отношения не имеет, за-

дача мусульманских ученых из арабских стран была не столько представить какие-то принципиально новаторские заключения, сколько найти религиозное обоснование общим рекомендациям, исходящим от медиков и властей. А вот в европейских странах исламские институты по сути взяли на себя часть функций, которые в арабских странах, как правило, выполняют государственные институты, а именно – регулирование социально-бытовых вопросов членов общины.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2021 – 3 (321)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Корректор О.В.Шамова
Компьютерная верстка
К.Л. Синякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 10/IX – 2021 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,1 Уч.-изд. л. 6,5
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 64

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У